

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XIII

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1964

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. М. Ж и р м у н с к и й (Ленинград). Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха	3
А. А. З а л и з н я к (Москва). К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке	25
<i>ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ</i>	
Дж. Г р и н б е р г (Стенфорд, США). Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных	41
В. В. К о л е с о в (Ленинград). О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье	66
<i>МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ</i>	
О. Н. С е л и в е р с т о в а (Москва). Опыт семантического анализа слов типа <i>все</i> и типа <i>кто-нибудь</i>	80
Н. Л. К а м е н е ц к а я (Вильнюс). Характер синонимии устойчивых глагольных словосочетаний	91
Г. Е. К о р н и л о в (Чебоксары). О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка	99
В. В. Ш е в о р о ш к и н (Москва). О новых результатах исследования карпийских надписей	109
<i>ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ</i>	
Ю. И. Л е в и н (Москва). Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами	112
<i>КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ</i>	
Об з о р ы	
В. А. М а т в е е н к о (Москва). Семантика в Миланском центре кибернетики и лингвистики	120
Р е ц е н з и и	
Э. А. М а к а е в (Москва). <i>M. K. Jensen. Tonemcity</i>	130
П. Н. Д е н и с о в, М. В. Д а в ы д о в, Э. А. А ф о н о в (Москва). «Psycholinguistics»	133
А. И. К у з н е ц о в а (Москва). <i>S. Wolkońsky, M. Poltoratzky. Handbook of Russian roots</i>	139
Н. Г. М и х а й л о в с к а я (Москва). <i>П. Ковалив. Лексичний фонд літературної мови кийовського періоду X—XIV ст., I</i>	142
О. С. А х м а н о в а (Москва). «Словарь сокращений русского языка»	144
А. А. Л е о н т ь е в (Москва). <i>Е. И. Кукушкина, А. Г. Степанова. Библиография библиографий по языкознанию</i>	147
<i>ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ</i>	
В. И. Г е о р г и е в (София). Общеславянское значение проблемы аканья	151
<i>НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ</i>	
П. С. К у з н е ц о в (Москва). 400 лет русского книгопечатания	153
Н. И. Т о л с т о й (Москва). Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V международном съезде славистов	155
Хроникальные заметки	162

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАК ОСНОВА
ДРЕВНЕТЮРКСКОГО НАРОДНОГО ЭПИЧЕСКОГО СТИХА

Посвящается
профессору Вольфгангу Штейнцу
к его шестидесятилетию

1

На значение синтаксического параллелизма для развития тюркского народного стиха указал уже польский ученый Т. Ковальский¹. Силлабическое равенство стихов развивается, согласно Ковальскому, из повторов и параллелизма; повторы — древнее; грамматическая рифма — конечная или внутренняя — выступает как необходимое следствие синтаксического параллелизма и обусловлена материальным тождеством соответствующих именных или глагольных окончаний, характерным для языка агглютинирующего строя².

Доказательства Ковальского основаны на анализе народного стиха — четверостиший или двустийших с «двучленной структурой» («układ dwudzielny»). Вместо примеров, которые он приводит (из собрания В. В. Радлова и некоторых других), можно привлечь более новые записи из «Шорского фольклора» Н. П. Дыренковой³:

№ 1 (№ 117)

časqı kōges kōglēnde (7)
Весенняя кукушка когда кукует,
pağ çen^a ağaška pūr şiqça; (8)
Все^a на деревьях листья распускаются;
kōlengen qıstı kōrgende (8)
Любимую девушку когда увидит,
pağ çen^a sığış çarırça. (7)
Все^a мысли просветляются.

¹ T. Kowalski, *Ze studjów nad formą poezji ludów tureckich*. I. Kraków, 1921 («Prace Komisji orientalistycznej Polskiej Akademji umiejętności», 5) (с французским резюме, стр. 151—181. Русское переложение см.: Ан. Л и н и н, К вопросам формального изучения поэзии турецких народов, «Изв. Восточного фак-та Азерб. гос. ун-та», Баку, 1926, стр. 150 и сл.).

² T. Kowalski, указ. соч., стр. 40—61, 163—165.

³ «Шорский фольклор». Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой, М.—Л., 1940, раздел VII. Песни (Şarınnar), стр. 358—359. Здесь и в дальнейшем, ввиду различий тюркских национальных алфавитов, построенных на русской основе, и транскрипций, которыми передаются другие использованные в статье древние и современные материалы, цитируемые тексты даются в унифицированной латинской транслитерации с обычными диакритическими знаками. Объяснений требуют только знаки: *i* — гласный среднего ряда верхнего подъема [ы]; *ğ* — заднеязычный глухой спирант [ɣ]; *y* — неслоговое *ı* [й] в соседстве гласного, например: *ya, ay* и др. Рифмующиеся слова и повторы в конце стиха выделены курсивом, в начале и в середине стиха — разрядкой; аллитерация начальных звуков слова — полужирными буквами. Надстрочными латинскими буквами ^a, ^b и т. д. указывается на связь внутри стихов между синтаксически параллельными созвучными словами. Число слогов в стихе обозначено в скобках в конце каждой строчки. Перевод всюду, по возможности, буквальный, с сохранением порядка слов и синтаксического параллелизма оригинала.

№ 2 (№ 121)

q a n ĉ e^a ağaş me n^b kestim,
 Скольк^a деревьев я^b рубил,
 q u z u q t a j^c q a d i ğ d i^d kespedim;
 Кедр^c тверже^d не рубил;
 q a n ĉ e^a qıstar me n^b kōrdim,
 Скольк^a девиц я^b видел,
 s e n e j^c a r t i q t i^d kōrbedim
 Тебя^c лучш^e не видел.

Двучленная структура таких четверостиший, распространенных у всех тюркоязычных народов, основана в большинстве случаев на параллелизме между образом природы и человеческим переживанием (чаще всего чувством любви). Ритмико-синтаксический параллелизм соответствующих друг другу по содержанию строк (по формуле *ab*, *ab* или *ab*, *cb*) имеет необходимым результатом грамматическую (морфологическую) рифму на конце соответствующих стихов. Ср.: 1) ст. 1—3 *kōglēnde* : *kōrgēnde*, ст. 2—4 *şiqça* : *şarırça*; 2) ст. 1—3 *kestim* : *kōrdim*, ст. 2—4 *kespedim* : *kōrbedim*. Но, кроме конечной рифмы, в результате того же параллелизма возникают менее регулярные начальные и срединные словесные повторения в сходных синтаксических позициях. Ср. 1) ст. 2—4 *parçen* : *parçen*; 2) ст. 1—3 *qançe^a . . . men^b : qançe^a . . . men^b*; ст. 2—4 *quzuqtaj^c qadığdı^d . . . senej^c artıqtı^d . . .*

В фонетическом отношении рифмы не всегда являются одинаково точными: как обычно в тюркском народном стихе, рифмоваться могут сингармонические пары гласных и ассимиляторные варианты согласных морфологически тождественных аффиксов, например: *-er*, *-iğ* : *-iğ*, или *-ti* : *-dı*, *-tiğ* : *-niğ* и т. п. Решающее значение имеет грамматический параллелизм; наличие звукового тождества, полного или частичного, является произвольным сопутствующим признаком параллелизма.

Дополнительным средством организации стиха служит аллитерация — повторение начальных согласных или гласных звуков слов. Однако этот вид звуковой связи не является ни регулярным, ни обязательным. Внутренняя аллитерация связывает слова в пределах одной строки — как находящиеся в непосредственном соседстве (№ 1, ст. 1 или № 2, ст. 2 и 3), так и разделенные другими словами (№ 1, ст. 2), в последнем случае чаще всего начальное и конечное слово (*kōlengen* ... *kōrgēnde*, № 1, ст. 3). Внешняя аллитерация объединяет соседние стихи, в особенности — их начальные слова (№ 2, ст. 1—3). С другой стороны, и конечная рифма может усиливаться аллитерацией рифмующихся слов (№ 2, 1—3, 2—4) или еще более полным звуковым параллелизмом: ср. № 1, ст. 1—3: ... *kōglēnde* : (*kōlenden*) ... *kōrgēnde*. Такие глубокие созвучия возникают в особенности в случае повторения слова при варьировании его грамматической формы (так называемая *figura etymologica*). Ср., например, № 1, ст. 1 *kōges kōglēnde* «когда кукушка кукует», или № 2, ст. 1—2 *kestim* : *kespedim* «рубил — не рубил», ст. 3—4 *kōrdim* : *kōrbedim* «видел — не видел». Словесное повторение и повторение с вариацией аффикса («этимологическая фигура») древнее, по-видимому, чем рифма и аллитерация начальных звуков слова.

Равносложность стихов, представляющая основной принцип силлабической метрики в тюркских языках, в народном стихе не является полной. В четверостишиях число слогов колеблется в рамках 7—8—(9). Изосиллабизм (с более или менее широкой амплитудой колебаний) также

является результатом смыслового и синтаксического параллелизма с тенденцией к примерно одинаковому числу слов в строке (в «коротком» стихе обычно 3). Результатом этой тенденции является выравнивание среднего слогового объема стиха в целом.

Четверостишия аналогичного содержания и такой же двучленной структуры широко распространены не только у всех тюркоязычных народов, они встречаются также в типологически сходной форме у большинства других народов мира. А. Н. Веселовский собрал большое число образцов из современного фольклора романских, германских, славянских, балтийских и ряда восточных народов (в числе образцов последних — примеры тюркские, арабские, китайские, новозеландские и пр.)⁴. «Психологический параллелизм» картины природы и человеческого чувства, определивший их двучленную структуру, он пытался объяснить как явление универсальное на определенной ступени общественно-исторического развития, восходящее по своему происхождению к первобытному анимизму с его одушевлением природы. Как бы ни относиться к этой теории, необходимо признать, что импровизированные любовные четверостишия такого типа явились, по-видимому, той древнейшей народной основой, из которой развилась в дальнейшем индивидуальная любовная лирика классового общества. А. Н. Веселовский и его школа (В. Ф. Шишмарев, А. А. Смирнов и др.) искали в этих четверостишиях народные истоки средневековой рыцарской любовной поэзии провансальских трубадуров и немецких миннезингеров; традиционный «природный зачин» (Natureingang) у тех и других свидетельствовал об этих связях⁵.

Аналогичную точку зрения на происхождение средневековой любовной лирики отстаивает в настоящее время Т. Фрингс (Лейпциг): в четверостишиях указанного типа он усматривает «основной слой народной любовной лирики в мировой литературе» (eine Grundschrift volkstümlicher Liebeslyrik der Weltliteratur)⁶. О большой исторической древности этого жанра свидетельствует древнеегипетское любовное двустишие (или четверостишие), записанное на папирусе в середине II тысячелетия до н. э., которым Фрингс открывает свое собрание:

Когда ветер приходит | он стремится к сикоморе,
Когда ты приходишь | ты стремишься ко мне⁷.

Стихотворение это построено по тому же универсальному принципу двучленного параллелизма природы и человеческого чувства, который лежит в основе приведенных выше тюркских образцов.

Поскольку в лирических строфах тенденция к ритмизации словесного материала всегда связана с музыкальным исполнением, с ритмом песни, а иногда и пляски, сопровождающей песню, контрольным материалом для вопроса об организующей роли параллелизма в генезисе и структуре народного стиха могут служить народные пословицы и загадки, лишённые

⁴ А. Веселовский, Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля, СПб., 1898, стр. 10—20 (то же см. в кн.: А. Н. Веселовский, Историческая поэтика, Л., 1940, стр. 134—144).

⁵ А. Н. Веселовский, Три главы из исторической поэтики, в его кн. «Историческая поэтика», стр. 273, 280—287.

⁶ Th. Frings, Die Anfänge der europäischen Liebesdichtung im 11. und 12. Jahrhundert, München, 1960 («Sitzungsberichte [der Bayerischen Akademie der Wissenschaften]», Philosoph.-hist. Kl., Jg. 1960, 2), стр. 6; ср. его же, Minnesinger und Troubadours, Berlin, 1949 («Vorträge und Schriften [der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin]», 34).

⁷ Th. Frings, Die Anfänge der europäischen Liebesdichtung..., стр. 5.

подобного музыкального сопровождения. Приведем несколько примеров из записей тюркского фольклора:

П о с л о в и ц ы

- № 3 $\text{paу kiziniq}^a \text{mał}^b \text{öleq ottarča}$, (11)
 Богатого человека^a скот^b траву ест,
 $\text{çoq kiziniq}^a \text{mał}^b \text{töboraq çaiğarča}$. (12)
 Бедного человека^a скот^b землю лижет.
- № 4 $\text{şalçaqqa}^a \text{passaŋ}^b \text{çol}^b \text{polar}$, (8)
 В лужу^a если ступишь^b, след будет,
 $\text{paуğa}^a \text{parzaŋ}^b \text{mał}^b \text{polar}$. (7)
 За богача^a если выйдешь^b, скот будет.

З а г а д к и

- № 1 $\text{tagğa}^a \text{şqsia}^b \text{tālbас}$, (6)
 В гору^a если поднимется^b, не устанет,
 $\text{suğa}^a \text{kirze}^b \text{suqsabas}$. (7)
 В воду^a если войдет^b, нить не захочет.
 (= Лыжи).
- № 4 $\text{qaya sō qiltir-qattir}$, (7)
 Скалы зад *дрожит-трепещет*,
 $\text{qāyış çügen çiltir-çattir}$. (8)
 Ременная узда *светится-блестит*.
 (= Шаманский бубен)⁸.

Стих пословиц и загадок не песенный, а говорной, иными словами исключается возможность регулирующего воздействия напева. Однако и эти жанры в ряде случаев (не всегда!) обнаруживают двучленную структуру: в пословицах смысловой параллелизм обычно построен на контрастном сопоставлении, в загадках — на перечислении свойств подразумеваемого предмета. Параллелизм приводит к грамматической рифме (или к словесному повторению) в конце синтаксического ряда, и вместе с тем к однотипным грамматическим явлениям на соотнесенных в смысловом и синтаксическом отношении местах внутри ряда, например: $\text{şalçaqqa}^a \text{passaŋ}^b : \text{paуğa}^a \text{parzaŋ}^b$ или $\text{tagğa}^a \text{şiqsa}^b : \text{suğa}^a \text{kirze}^b$ и др. Эта соотнесенность может подчеркиваться дополнительно нерегулярной аллитерацией внутри строки, например: $\text{tagğa}^a \dots \text{tālbас} : \text{suğa}^a \dots \text{suqsabas}$, или внешней аллитерацией в начале параллельных строк: $\text{qaya} - \text{qāyış}$ и др. Приблизительное равенство числа слов вызывает тенденцию к изосиллабизму, однако чаще всего — неполному.

Таким образом, механизм метризации при двучленной структуре и здесь основан на смысловом и синтаксическом параллелизме членов.

2

Ковальский считал, по-видимому, «двучленную структуру» тюркских народных двустиший и четверостиший основой всех метрических форм тюркского народного стиха. Однако предпринятая им попытка возвести стиховую основу алтайского эпоса (древних богатырских сказок, согласно принятой нами терминологии) к таким рифмованным двустишиям представляется малоубедительной⁹. Тем не менее можно утверждать, что и в простейших формах эпического стиха синтаксический параллелизм (с словесными повторами) является основой метрической структуры.

⁸ «Шорский фольклор», стр. 348—349, 350—351.

⁹ См.: Т. К о в а л ь с к и, указ. соч., стр. 136 и 178.

В своей законченной форме эпический стих у тюркоязычных народов Средней Азии (казахов, каракалпаков, киргизов и узбеков) выступает в виде так называемого «жыра» (или «джыра»). Этим древним по своему происхождению термином традиционный жанр народного героического эпоса обозначается в настоящее время у казахов и киргизов, откуда «жырау» (или «джырау») — в значении «народный эпический певец». Метрика «жыра», как и других жанров поэзии народного происхождения, основывается у тюркоязычных народов на счете слогов («бармак») — в противоположность квантитативному «арузу» классической тюркской поэзии арабско-персидского образца). Силлабический принцип народного стихосложения связан с характером ударения в тюркских языках¹⁰: слабое, фонологически нерелевантное, оно падает в большинстве случаев на последний слог слова и имеет тем самым не смыслоразличительную, а только словоразграничительную функцию. «Короткие стихи» «жыра» насчитывают в среднем 7—8 слогов (в редких случаях с незначительными отклонениями); каждый стих обычно распадается на три группы (или три слова), которые европейские исследователи неправильно называют «стопами»¹¹. Последняя из этих групп, как указал недавно З. А. Ахметов, обычно содержит 3 слога, являясь своего рода постоянной метрической клаузулой стиха (так в особенности в казахском и каракалпакском эпосе, но часто и в киргизском «Манасе») ¹².

Наряду с «коротким» эпическим стихом имеется и «длинный», насчитывающий 11—12 стихов. В узбекском эпосе он преобладает (короткий сохранился почти только в традиционных описаниях богатырской скачки и битв); в казахском он появляется главным образом в более поздних жанрах — в эпических новеллах («Козы Корпес», «Кыз Жибек» и др.), в позднейшем героическом эпосе («Камбар-батыр»), в народных романах книжного происхождения («Хемра», «Сейпул-Мелик» в собрании В. В. Радлова). Это обстоятельство наводит на мысль, что короткий стих в эпической поэзии древнее длинного. Возможно, что последний получил более широкое распространение в результате иноязычного (персидско-таджикского) влияния; однако, с другой стороны, он имеет, как мы увидим, и местные корни (см. ниже, стр. 17 и 24) ¹³.

Как метрическая форма древнего героического эпоса, «жыр» распадается в композиционном отношении на разделенные смысловыми паузами большие отрывки различной длины, которые мы будем называть «тирадами» (по аналогии со старофранцузским героическим эпосом) ¹⁴. Однако

¹⁰ См.: С. К. Кенесбаев, К вопросу о закономерностях акцентуации в казахском языке, «Вопросы казахской филологии», Алма-Ата, 1964.

¹¹ Стопа в античном (квантитативном) и в европейском (силлабо-тоническом) стихосложении представляет единицу регулярной повторности. «Стопы» в тюркском стихе имеют разное число слогов, например: 2 + 2 + 3, 3 + 2 + 3, 4 + 1 + 3 и т. п. Поэтому правильнее было бы говорить не о «стопах», а о «долях» стиха. Рассмотрение тюркского силлабического стиха как произвольного сочетания «ямбов», «анapestов» и других «стоп», являясь наследием школьной метрики, игнорирует специфику тюркского стиха.

¹² З. А. Ахметов, Ритмика казахского стиха, в сб. «М. О. Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию», Алма-Ата, 1959. Ср. замечания Ковальского о ритмике алтайских четверостиший (kožoc) (указ. соч., стр. 142—145 и 179). Для силлабического стиха вообще характерно наличие нескольких излюбленных ритмических каденций, определяемых расположением словоразделов (при связанном положении ударения в слове).

¹³ К истории вопроса см.: T. Kowalski, указ. соч., стр. 21—22, 158—159. Предположение Ковальского, что длинный стих (типа 4 + 4 + 3) возник путем «удвоения» первой части короткого (4 + 3), представляет абстрактную схему, исторически ничем не подтвержденную.

¹⁴ Стихотворные строфы различной структуры, нередко с припевом, встречаются только в эпосе романтическом — в так называемых «народных романах» (узбекских,

в эпосе старофранцузском каждая тирада объединяется проходящей сквозной рифмой (ассонансом конечных гласных), тогда как в тирадах тюркского эпоса конечная рифма меняется, охватывая группы разной величины — по 2—3—4 до 10 и более стихов подряд (например: *aaa*, *bb*, *cccc* и т. п.). Нередко такая цепочка одинаковых рифм перебивается одной, реже — несколькими верифмованными строчками (например: *axaxa* или *axaxa* и т. д.), или другой группой рифм, включенной в первую (например: *abbaacca...* и т. д.). Последний тип композиции особенно распространен в казахском эпосе¹⁵.

Поскольку тирада с неопределенным числом стихов является господствующим типом эпического повествования у тюркоязычных народов, нет основания искать происхождения тюркского эпического стиха в «двучленной структуре» народных двустий и четверстий, как это делал Ковальский.

Безусловно преобладает в эпическом стихе рифма грамматическая, основанная на синтаксическом параллелизме конечных слов стиха, особенно глагольная или глагольно-именная (предикативные причастия и деепричастия), поскольку в тюркских языках предикативная форма замыкает собою предложение; однако в более редких случаях встречается и рифма именная (одинаковые падежные окончания, притяжательные суффиксы и др.). В звуковом отношении достаточными в эпическом стихе, как и в народных лирических строфах, считаются сингармонические или обусловленные ассимиляцией согласных фонетические варианты формообразующих аффиксов; например: *-di/-dī/-ti/-tī* (аффикс прошедшего времени, в форме которого ведется повествование); *-ğan/-gen/-qan/-ken* (предикативное причастие прошедшего времени); *-ip/-ip* (предикативное деепричастие прошедшего времени, служащее для обозначения сопутствующего действия); или *-lar/-ler/-dar/-der/-tar/-ter* (аффикс мн. числа) и мн. др.¹⁶ Однако распространены и более глубокие и полные созвучия, расширенные за счет целой цепочки параллельно употребляющихся словоизменительных и словообразовательных аффиксов, иногда с захватом предшествующего корневого элемента; например: казах. *min-giz-ip* «посадив (на коня)»: *kiy-giz-ip* «велев одеть»: *ber-giz-ip* «приказав отдать» (*-giz-* аффикс понудит. залога *+ip* деепричастие прошед. времени); *kiyme-dik* «мы не одевались»: *min-be-dik* «мы не сядились (на коня)»: *sür-me-dik* «мы не проживали»: *bil-me-dik* «мы не знали» (*-me-/-be-* аффикс отриц. *+ -di-k* аффиксы прошед. времени 1-го лица мн. числа); или *qas-ı-na* «перед лицо-его»: *bas-ı-na* «перед голову-его» [рифмуется корень *+ -i-* притяж. аффикс 3-го лица ед. числа *+ -(n)a* аффикс дат. падежа] и др.

Эквивалентом рифмы может быть простое повторение слова. Часто повторяются в конечном положении некоторые служебные (в широком смысле) слова, например: *bolgan*, *boldı* «был», *bar* «имеется», *жоq* (*yoq*) «нет», *soj* «после, потом» и ряд других, причем в таких случаях обычно рифмуется и предпоследнее слово; например казах. *bay bolğan*: *qan bolğan* («баем стал»—«ханом стал», параллелизм без рифм); *kisi жоq*: *isi жоq* («человека у него нет»—«дела у него нет»), *bilgen soj*: *körgeñ soj* («когда узнал после»—«когда увидел после») и др. Особенно часто в такой позиции употребляется глагол *der* «сказав», «подумав», *dedi* «сказал», «подумал», объединяю-

туркменских, азербайджанских), в лирических партиях («песнях») героев. Развитие этой метрической формы связано с влиянием образцов классической поэзии.

¹⁵ См.: З. А. А х м е т о в, Казахское стихосложение, Алма-Ата, 1964, стр. 271.

¹⁶ О характере рифмы в тюркской поэзии см.: М. Р. Х а м р а е в, Основы тюркского стихосложения (На материале уйгурской классической и современной поэзии), Алма-Ата, 1963, стр. 25—89. Автор выступает против бедной грамматической рифмы народного типа с точки зрения более высоких художественных требований к современному стиху.

щий целые цепочки стихов, иногда с вынесением служебного слова за пределы метрического ряда (внутренний монолог героя).

Подобного рода составные рифмы с повторяющимся вторым словом и рифмующимся первым известны в арабско-персидской поэзии под названием «редиф»; в строфических песнях узбекских и ближневосточных народных романов редифы, как и другие новые явления, развились под влиянием классической поэзии. Но в тюркском народном эпосе это бесспорно старое, исконное образование, обусловленное, как и рифма в целом, общим принципом повторения и параллелизма. Специфика его по сравнению с классическим «редифом» заключается в том, что оно ограничено традиционным, относительно узким кругом «служебных» слов, которые встречаются в этой функции в героическом эпосе всех тюркоязычных народов и, следовательно, должны рассматриваться как их общее древнее поэтическое наследие.

Становление метрической системы эпической поэзии можно наглядно проследить путем сопоставления двух ее этапов — более развитого, модернизированного, и более архаического. Примером первого может служить узбекский героический эпос «Алпамыш», примером второго — киргизская эпопея «Манас».

Ср. в узбекской версии «Алпамыша» (классический вариант сказителя Фазыла Юлдашева) эпизод из брачной поездки Алпамыша (скачка богатыря через степь — одно из традиционных «общих мест» героического эпоса тюркоязычных народов)¹⁷:

1. *Dubulğa bašda duğullab*, (8)
Шлем на голове *гудум*,
2. *Kark qubba qalqan qarqillab*, (8)
Носорожий выпуклый щит *гремит*,
3. *Tilla rajnaq urulgan* (7)
Золотой наконечник (ножен) ударяясь
4. *Uzañilarga širqillab*. (8)
Об его стремяна *взвонит*.
5. *Bedav atlari dirkillab*, (8)
Арабский конь его *вздрагивает*,
6. *Algir qušdayin čarqillab*, (8)
Хищной птице-подобно *летит*,
7. *Qolda najzasi solqullab*. (8)
В руке копые-его *пошатывается*.
8. *Yurmakči uzaq yoliga*, (8)
Скакать-намерен-он в далекий *путь*,
9. *Qaramau oju-soliga*. (8)
Не глядя вправо-*влево*.
10. *Yetsam — deb — yarni eliga*. (8)
Достигнуть бы мне, — *думает*, — возлюбленной *страну*.
11. *Siltab yuradi Baičibar*, (8)
Встряхиваясь бежит *Байчибар*,
12. *Yaqin bolar uzaq yollar*, (8)
Близки становятся дальние *дороги*,
13. *Yol yurar davlatli šunqar*, (8)
Дорогой едет царственный *сокол*,
14. *Qalmaq yurtini aqtarar*. (8)
В калмыцкую страну *направляется*.
15. *Yalgiz ketdi mundan šunqar...* (8)
Одинокий удаляется отсюда *сокол...* и т. д.

¹⁷ Ф а з ы л Ю л д а ш, Алпамыш, Ташкент, 1939, стр. 104—105. Издано под редакцией поэта Хамыда Алимджана, узбекским алфавитом на латинской основе. Существует ряд переизданий современным алфавитом на русской основе (ср. «Алпамыш». Достон. Айтувчи Фозил Йулдош ўгли. III нашри, Ташкент, 1958). Издания не передают особенностей джокающего диалекта самаркандских сказителей. Нормализация текста по правилам литературного произношения и орфографии привела в ряде случаев к нарушению рифмовых созвучий оригинала. Например, в приведенном выше отрывке, ст. 11—15 — Бойчибор : йўллар : шунқор : ахтарар : шунқор, и мн. др.

Приведенные 15 стихов представляют часть большой тирады, насчитывающей в целом 77 стихов (9 рифмовых групп). Для стиля этих стихов характерна известная метрическая сглаженность. Последовательно проводится принцип счета слогов: среди коротких стихов восьмисложные представляют подавляющее большинство. Из первых пятнадцати стихов только ст. 3 имеет 7 слогов; в дальнейшем с этой точки зрения заслуживают внимания ст. 21—23, представляющие традиционную (по-видимому, древнюю) формулу эпического рассказа. Ср.:

21. Qir kelsa — qilpillatdi, (7)
Гора если-попадетя — *переедет*,
22. Arqa kelsa — irgıtdi, (7)
Арык если-попадетя — *перепрыгнет*,
23. Ot kelsa — omganlattı... (7)
Овраг если-попадетя — *перескочит...*

Большинство стихов состоит из трех слов или, точнее, из трех групп (ср. ст. 2: Kark-qubba|qalqan|qarqillab); последняя группа (клаузула) имеет обычно три слога (отклоняются от господствующего типа только ст. 12—13 и 15, состоящие из четырех групп с двусложной клаузулой). Грамматические рифмы в большинстве случаев глагольные обычного типа, но встречаются и именные (ст. 8—10). Нередко рифмы расширяются в фонетическом отношении включением в свой состав группы аффиксов или части корня («глубокие» рифмы). Ср. ст. 1—2, 4—7 -ull-ab/-ill-ab (итеративный аффикс + аффикс деепричастия-предиката) или ст. 8—10 -l-i-ga (корневой элемент + притяжательный аффикс + аффикс дат. падежа). Напротив, нерифмованные стихи встречаются редко, здесь — только ст. 4, который, однако, перекрывается чередованием рифм *aaax* (согласно излюбленной народной стихотворческой форме).

Пример эквивалентного рифме словесного повторения дают ст. 13 : 15 şınqar «сокол». Повторения с рифмой предшествующего слова, типа «редифа», встречаются почти исключительно с глаголами служебного характера, особенно часто с традиционным dedı «сказал», «подумал», diydi «говорит», «думает». Ср. в той же тираде цепочку из 13 стихов (ст. 47—59):

- ... Qalmaq elga barsam, — *diydi*,
В казмышскую страну (я) пришел - бы, — *думает*,
Biyning qizin korsam, — *diydi*,
Бня дочь увидел - бы, — *думает*,
Labdan balın sorsam, — *diydi*,
С губ мед вынул - бы, — *думает*,
Barganimdan alsam, — *diydi*,
Придя (туда) взял - бы (ее), — *думает*,
Kuyav bolib tursam, — *diydi*,
Женихом (ее) стал - бы, — *думает*,
Qıřab yolni yorsam, — *diydi*,
Погоняя, путь держал - бы, — *думает*,
Oynab davran sursam, — *diydi*...
Радуясь, жизнь проводил - бы, — *думает* и т. д.

Рифма образована здесь параллельными глагольными формами (аффикс условного наклонения -sa + личное окончание -m). Однако и здесь, в шести стихах из семи, грамматическая рифма фонетически усилена наличием звука -г в глагольном корне (barsam : korsam : sorsam и т. д.).

Связывая, как в приведенных примерах, довольно обширные группы стихов, рифмы уже не являются результатом полного параллелизма их тематического содержания и синтаксической формы. Обычно параллелизм ограничивается грамматической формой конечных слов, обозначающих ряд последовательных действий или однородных явлений (например,

прошедшее на -di для главных действий в повествовании, деепричастие на -ib, -ab для сопутствующих действий и т. п.). Более развернутые формы параллелизма встречаются лишь в небольшом числе случаев, в особенности в пассажах, традиционных по своему происхождению и стилю, как два приведенных выше (ст. 21 и сл., 47 и сл.).

С другой стороны, становятся возможными рифмы разного морфологического образования. Ср. ст. 11—15: *yol-lar* (аффикс мн. числа) : *aqtar-ar* (глагольно-причастная предикативная форма) : *Bauçibar* : *şunqar* (именные словообразовательные аффиксы древнего происхождения); в другом месте: *qilib-di* (предикативный показатель) : *at-di* (аффикс вин. падежа, диалект.) и др. Подобные примеры, которые в «Алпамыше», в отличие от старой традиции, довольно обычны, свидетельствуют о звуковом обогащении рифмы как самостоятельного средства метрической композиции от породившего ее синтаксического параллелизма. Возможно, что и здесь процесс этот совершается не без влияния классической поэзии и более нового жанра эпоса романического.

Напротив, аллитерация не играет в приведенных примерах сколько-нибудь значительной роли (в ст. 1 и 2 она применяется как стилистическое средство для звукописи, прочие случаи имеют случайный характер). В казахском и каракалпакском героическом эпосе она встречается несколько чаще, чем у узбеков, особенно в произведениях архаического стиля («Кобланды-батыр»); однако, будучи необязательной и нерегулярной, она и в них не является средством метрической организации стиха. Закрепление конечной рифмы как самостоятельного и обязательного средства метрической композиции приводит, по-видимому, к отеснению параллелизма и аллитерации, которые, утратив первоначальное метрическое значение, сохраняются, однако, в стилистическом употреблении¹⁸.

Как и в некоторых других эпических поэмах, стихотворное повествование в «Алпамыше» время от времени прерывается коротким прозаическим рассказом. При традиционном устном исполнении стихотворные части текста поются, проза произносится речитативом. Эти прозаические партии также обнаруживают ритмическое членение, которое осуществляется с помощью синтаксического параллелизма и грамматической рифмы соответствующих частей речи, но, в отличие от стихотворных партий, синтаксические группы не обнаруживают никакой закономерной последовательности и имеют весьма различное число слогов. Ср. «Алпамыш» (грамматические рифмы: -di — аффикс прошед. времени для основного действия^a, -ib — аффикс предикативного деепричастия для сопутствующего действия^b):

Barçin naçar bolib^b, elniñ koçib^b barayatganın korib^b,
 Барчин беспомощной оставшись^b, народа откочевавшего^b уход увидев^b,
neça kaniz-kizlarnı oziga hamrah qilib^b, ornıdan turdı^a,
 нескольких своих прислужниц-девушек к себе созвав^b, с места своего встала^a,
tulpar bedav atıga mindı^a, on mıñ uylı elat koçib^b dşonayberdi^a.
 на тулпара арабского коня своего села^a, (и) одиннадцатитысячнокибиточный^b на-
 род, откочевав^b, ушел^a.

Хотя не все эпические поэмы содержат подобные прозаические партии, эта смешанная форма засвидетельствована уже довольно рано, имеет широкое распространение и может поэтому считаться традиционным типом эпической поэзии тюркских народов.

¹⁸ Ср.: А. М. Щербак, Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении, «Народы Азии и Африки», 1961, 2.

Другую, гораздо более архаическую ритмико-синтаксическую структуру обнаруживает киргизская эпопея «Манас». Приведем в качестве примера небольшой отрывок, сходный по теме с рассмотренным выше фрагментом из «Алпамыша» (традиционная скачка богатырей через степь), в исполнении лучшего киргизского сказителя недавнего времени, «великого акына» Сагымбая Орозбакова (ум. 1930 г.)¹⁹:

1. ... Ауїлдағї adamdar
Живущие-в-але люди
2. Аг бїр-дар бїр^a minišip,
Сильно раззадорившись^a (на коней) *вскочили*,
3. Ау қїгїр^a džolğob^b kirišip,
Крича^a в путь^b *отправились*,
4. Тōğob^b čartı^c toptošur,
В горы^b поскакали^c *сгрудившись*,
5. Adırğab^b čartı^c antalap,
В холмы^b поскакали^c *топлясь*,
6. Вōksōgōb^b čartı^c bōlünār,
В предгорья^b поскакали^c *разделившись*,
7. Talāğab^b čartı^c dabırap.
В степь^b поскакали^c *шумя*.
8. Bay Džaqır: qajda kettı? — *деp*
Бай Джақып: куда уезжаете? — *сказав*,
9. Bārıšı dzüröt dzabırap...
Поездку их кличем *приветствовал...*

Отрывок, составляющий часть обширной тирады, объединен грамматическими рифмами (ряд последовательных или сопутствующих событий или действий, выраженных предикативными деепричастиями), но рифмы эти неточные (-ір/-ір, -ур/-үр, -ар/-ер), хотя в некоторых случаях расширенные (kir-iš-ir: min-iš-ir, dab-ir-ar: džab-ir-ar), и их фонетические варианты чередуются без определенной последовательности. Одновременно наличествуют рифмы начальные и срединные как результат более развитого синтаксического параллелизма. Ср.: arbır-darbır (парная формула): ауқїгїр^a (деепричастия, обозначающие побочные действия, образуют внутреннюю рифму, повторяющую конечную рифму, в которой выражено главное действие); džolğob: tōğob: adırğa: bōksōğōb^b (дательно-направительный падеж, варианты -ğa/-ğob/-gō); čartı^c (ст. 4—7, повторяющееся глагольное сказуемое). Сравнительно часто остаются нерифмованные строчки: здесь ст. 1; дальше в той же тираде (подряд): ...q и g attı: ...q и g qalır: ...uyattır и др. Несвязанными рифмой особенно часто остаются собственные имена: ...bay Džaqır, ...Aqbalta, ...Er Manas и др.

Аллитерация здесь выступает как доминирующее, регулярное средство метрической организации стиха. Внутренняя аллитерация представлена в ст. 1, 9, где она объединяет соседние слова, и в ст. 4, 5, 6, где объединяет начальное слово с конечным, замыкая строку как метрическое целое; внешняя аллитерация связывает соседние или более отдаленные стихи созвучием начальных слов (а- ст. 1—3 и 5; б- ст. 6, 8—9; т- ст. 4, 7), которое может распространяться одновременно и на внутреннюю часть тех же стихов (ст. 1, 4, 5, 6).

Как справедливо отметил казахский писатель и ученый Мухтар Ауэ-

¹⁹ Отрывок приводится по кн.: «Manastın balalyq sağb» («Детские годы Манаса»), в серии «Манас» («Manas serijalar»), Фрунзе, 1940, стр. 24; перепечатано в академическом издании эпоса: «Манас», т. I, 1, Фрунзе, 1958, стр. 24.

зов, выдающийся исследователь киргизской эпопеи, «в „Манасе“ имеются самые разнохарактерные формы соединения стихов: рифмы, созвучная концовка стихов, а также звукопись, основанная на аллитерации и ассонансах». «Безусловно соглашаясь с исследователями истории и теории рифмы, — пишет Ауэзов, — относительно более позднего возникновения рифмы как таковой, мы все же затрудняемся указать в пределах данного произведения грань между усиленным распространением рифмы и сохранением существовавших до нее стиховых сочетаний... Здесь акустически подчеркнуты как начала, так и концы стихов. Констатируя доминирующее значение аллитерации и ассонансов в стихотворной композиции почти всех частей поэмы во всех известных вариантах, одновременно приходится отмечать и безусловное наличие рифмы»²⁰.

С исторической точки зрения это означает следующее: конечная рифма преобладает как нормальное средство звукового обозначения границы стиха, но она еще не является вполне устойчивой и не вытеснила другие, более архаические средства метрической организации стиха, основанные на смысловом и ритмико-синтаксическом параллелизме — рифмы начальные и срединные и аллитерацию, наличествующую как внутри стиха, так в особенности в начале стихового и смыслового ряда.

То же относится и к изосиллабизму. В приведенном отрывке короткий стих имеет 7—8 слогов, однако, по наблюдениям Мухтара Ауэзова, в поэме амплитуда колебаний шире — «от шести до девяти слогов»²¹. Встречаются в небольшом числе и более длинные стихи, по отдельности или группами. Короткие стихи обычно состоят из трех слов или словесных групп, трехсложная клаузула господствует почти без исключений (как в приведенном примере). Таким образом, последовательно формируются более или менее отчетливые признаки метрической организации стихотворной формы.

3

Древнетюркский героический эпос позволяет проследить становление этой формы эпического стиха на более ранней ступени его исторического развития, засвидетельствованной в «Книге моего деда Коркута» («Kitabi dedem Korkut») ²².

Под этим названием в двух рукописях XVI в. сохранился огузский эпический цикл, состоящий из прозаического вступления и двенадцати героических песен-рассказов («былин») — по терминологии В. В. Бартольда). Каждый из рассказов имеет самостоятельный и законченный сюжет и повествует о подвиге одного из огузских богатырей. Богатыри эти являются членами одного боевого содружества, дружинниками или вассалами хана Баюндур, эпического властителя огузов. Другой проходящей через весь огузский эпос фигурой является дед Коркут, мудрый патриарх племени и вещей певец, которому приписывается сложение песен, прославляющих подвиги героев.

Многоплеменный тюркский кочевой народ огузов (или гуззов) впервые упоминается в орхонских надписях VI—VIII вв. в рамках тюркского каганата — союза кочевых племен в южных предгорьях Алтая и в северо-западной Монголии. В IX—X вв. мы застаем огузов в степях Средней

²⁰ М. Ауэзов, Киргизская народная героическая эпопея «Манас», сб. «Киргизский героический эпос Манас», М., 1961, стр. 71.

²¹ М. Ауэзов, указ. соч., стр. 76.

²² См.: O g h a n Ş a i k G ö k y a y, Dede Korkut, İstanbul, 1938; M u h a r e m E r g i n, Dede Korkut Kitabı, I—II, Ankara, 1958—1963; E. Rossi, Il «Kitab-i Dedem Korqut», Citta del Vaticano, 1952; по-русски: «Книга моего деда Коркута», перевод акад. В. В. Бартольда, издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов (в серии «Литературные памятники»), М.—Л., 1962.

Азии, в низовьях Сыр-Дарьи и на Аральском море. В первой половине XI в. значительная часть огузов под предводительством султанов из рода Сельджуков захватила Иран, южную часть Закавказья и почти всю Малую Азию, а в пору наиболее широкой военной экспансии — соседние с ними Сирию, Ирак (Месопотамию) и Йемен. Результатом огузского завоевания явилась тюркизация древнего земледельческого населения Азербайджана и Анатолии. Османские турки, азербайджанцы, так же как и оставшиеся в Средней Азии туркмены, являются (во всяком случае — в языковом отношении) потомками древних огузов.

Сравнение рассказов «Книги Коркута» с другими устными и письменными, легендарными и историческими источниками, сохранившимися в Средней Азии и в Анатолии, приводит к выводу, что огузский цикл эпических сказаний возник, вероятно, в форме героических песен, уже в IX—X вв. в более ранней области расселения огузов, на Сыр-Дарье. Он продолжал жить в устной традиции кочевых огузских племен и в Передней Азии, подвергся там дальнейшей переработке и пополнился новыми героями и героическими сказаниями. «Книга Коркута» представляет результат отбора, письменной фиксации и обработки этих песен во времена военной экспансии Османов (XV в.) и была составлена, чтобы служить памятником древней славы их предков, одновременно с несколькими другими полусторическими, или легендарными воспоминаниями огузской эпохи²³.

Обе сохранившиеся рукописи не выделяют стихотворных партий²⁴, однако из прозы легко могут быть обособлены песни. Прозой ведется эпическое повествование, в стихотворной форме даются речи героев. В большинстве случаев эти последние вводятся словами *soylamaq* или *soy soylamaq*, имевшими, по-видимому, техническое значение «говорить стихами» («петь»), либо *soylama* «стихотворение» («песня»). Часто повторяется формула *soy soyladi, boy boyladi*, что в точности соответствует распространенному на средневековом Западе выражению: «петь и сказывать» (франц. *dire et chanter*, нем. *singen und sagen*) и подтверждает традиционный характер этой смешанной формы в эпической поэзии тюркских народов²⁵.

Из многочисленных примеров таких стихотворных (песенных) партий мы приведем только два — из «Рассказа о хане Турали» (VI)²⁶, сказания о героическом сватовстве, в котором юный герой должен выдержать три поединка с чудовищными зверями отца своей невесты — быком, львом и черным верблюдом-самцом. Друзинники богатыря, его «40 джигитов», поют песню, чтобы вдохновить колеблющегося на последнюю схватку. Тирада состоит из 28 длинных стихов, из которых мы приведем первые 16:

1. *Qalqubanī Qan Turalī yerūnden turī geldūp*, (15)
Поднявшись, хан Турали, со своего места пришел ты,
2. *Yelisi qara qazılıq atın batun bīndūp*, (14)
На черногривого кавказского коня своего сел ты,
3. *Ala gözli yigitler yanuca aldup*, (12)
Светлоглазых джигитов с собою взял ты,

²³ См.: В. М. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», в кн.: «Книга моего деда Коркута», стр. 139—145.

²⁴ За исключением одного случая в Ватиканском списке, отмеченного Росси; см. E. Rossi, указ. соч., стр. 86 и 269 (фототипия л. 86 об.).

²⁵ См.: В. М. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», стр. 243; E. Rossi, указ. соч., стр. 87 и 112.

²⁶ *Orhan Şaik Gökyay*, указ. соч., стр. 64—77 (приводимая ниже тирада — стр. 70—71); «Книга моего деда Коркута», стр. 63—72.

4. Arqı belı^a ala tağl^a dūnıⁿ b^b aşduğ, (12)
Через крутосклонные^a пестрые горы^a ночью^b переправили ты,
5. Aqındılı suyın dūnıⁿ b^b geçdüğ, (10)
Через текущие воды ночью^b переправился ты,
6. Qanlı kâfir eline dūnıⁿ b^b girdüğ. (11)
В кровавых неверных страну ночью^b вступил ты.
7. Qara buğa geldüğünde^o xurduxaş eyledüğ, (14)
Черный бык когда подошел^o, мечом его разрубил ты,
8. Qağan aslan geldüğünde^o belini bükdüğ, (13)
Свириный лев когда подошел^o, его спину согнул ты,
9. Qara buğa geldüğünde^e ne geçdüğ?(11)
Черный верблюд когда подошел^e, что медлишь ты?
10. Qara qara tağlardan^d haber^e aşa, (11)
(Когда) через черные-черные горы^d весть^e пройдет,
11. Qanlı qanlı sulardan^d haber^e geçe, (11)
Через кровавые-кровавые реки^d весть^e дойдет,
12. Qanlı Oğuz eline haber^e vara, (11)
К могучему огузскому народу весть^e придет,
13. Qanlı Qodža oğlı Qan Turalı netmiş? — deyeler. (12+3)
Канглы Коджи сын хан Турали что сделал? — скажут,
14. Qara buğa geldüğünde^e kilçetmemiş, (12)
Черный бык когда подошел^e, не испугался он,
15. Qağan aslan geldüğünde^e belin bükmiş, (12)
Свириный лев когда подошел^e, спину его согнул он,
16. Qara buğa geldüğünde^o, ne geđzikmiş? — deyeler. (12+3)
Черный верблюд когда подошел^o, что медлил он? — скажут...

Отрывок распадается на три части: ст. 1—9, 10—13, 14—16; каждая часть заканчивается вопросом в виде клаузулы. Параллелизм, как по содержанию, так и по форме, возникает в ст. 1—9 из перечисления подвигов жениха; ст. 10—13 рассказывают, как весть об этих подвигах дойдет через горы и реки до огузов; ст. 14—16 представляют вариацию ст. 7—9 (три испытания героя). Конечные рифмы обусловлены этим смысловым и синтаксическим параллелизмом: 9 раз -duğ/-düğ (2-е лицо ед. числа прошед. времени — перечисление подвигов), 3 раза -a/-e (деепричастия, передающие сопутствующие обстоятельства), 4 раза -miş (причастно-глагольная форма, варьирующая содержание ст. 7—9). Традиционное вспомогательное слово deyeler «скажут» (ст. 13, 16) стоит (как это нередко бывает и в более позднем героическом эпосе) в метрическом отношении за пределами стиха. Последующие 13 стихов тирады рифмуются подобным же образом в такой последовательности: söz edene : qov edene (повторение вспомогательного глагола); ola : dōke; olsañ (нерифмованная строчка); tutar : keser; baqmazmişuñ : atmazmişuñ : görmezmişiñ : bilmezmişiñ; baqar : yaqar.

Смысловой и ритмико-синтаксический параллелизм стихов часто приводит к усилению конечной рифмы рифмами внутренними, т. е. словесными повторами или грамматическими рифмами между соответствующими членами предложения в начале и в середине стиха. Ср. ст. 4—6 (b) — ... dūnıⁿ («ночью») aşduğ: ... dūnıⁿ geçdüğ : ... dūnıⁿ girdüğ или ст. 7—9 (c) — ... geldüğünde («когда пришел», дееприч. форма сопутствующего действия) eiladüğ : ... geldüğünde bükdüğ : ... geldüğünde geđzdüğ; вариация в ст. 14—16: ... geldüğünde kilçetmemiş : ... geldüğünde bükmiş : ... geldüğünde geđzikmiş; или ст. 8—11 (d, e): tağlardan («через горы») haber aşa : ... sulardan («через реки») haber geçe : ... haber vara (все группы трехчленные, в соответствии с тремя подвигами — испытаниями жениха).

В начале стиха (ст. 7—9, 14—16) группы определение (эпитет) + определяемое (существительное) связаны между собою синтаксическим и ритмическим параллелизмом, подкрепленным начальной аллитерацией, причем эпитет объединяется с существительным рифмовым созвучием. Ср. *Qaqa buğa ...: Qağan aslan : Qaqa buğa*. При этом *buğa* «бык»: *buğa* «верблюд-самец» представляют почти полное звуковое тождество, а эпитет *qaqa* «черный» полностью повторяется. Таким же синтаксическим и ритмическим параллелизмом, скрепленным начальной аллитерацией, объединяются двойные эпитеты в ст. 10—11: *Qaqa qaqa ta ğ la ğ da n...: Qanlı qanlı su la ğ da n...* (усилительная форма: «черные—черные» — «кровавые-кровавые»).

Аллитерация и рифма связывают традиционную в огузском эпосе парную формулу в ст. 4: *Arqu belî* («с крутым склоном своим») — *ala taġî* («пеструю гору свою»).

Аллитерация начальных звуков слова (согласных или гласных) в цитированном отрывке представлена нерегулярно: ст. 1, 6—16 имеют начальное *q*-, ст. 2—4 начальное *a*-; аллитерация на *q*- в тюркском эпосе вообще преобладает. В остальных тринадцати стихах тирады начальная аллитерация имеет спорадический характер: *q*- встречается еще три раза, *a*- тоже три раза, три стиха подряд имеют начальное *s*-, подсказанное именем героини *Saldžan Hatun*.

Число слогов в строке лишь приблизительно регламентировано, хотя синтаксический параллелизм обуславливает тенденцию к такой регламентации. Длинный стих колеблется здесь в пределах от 11 до 15 слогов, но заметно преобладают десяти-двенадцатисложные стихи (12 из 16). Особенно показательны в этом отношении ст. 10—12 (11 слогов) и ст. 14—16 (12 слогов), где одинаковое число слогов в каждом стихе отчетливо обусловлено одинаковым числом слов в результате последовательного проведения смыслового и синтаксического параллелизма.

В качестве примера коротких стихов приведем обращение богатырской девы Салджан Хатун к ее жениху, которое предшествует их состязанию в стрельбе из лука²⁷:

1. *Hey yigidüm, beg yigidüm!*^A (8)
Эй, джигит мой, бер джигит мой!^A
2. *Qaytabandı^a qizil develer* (9)
В ограде^a рыжие верблюды
3. *Topumından dönermi^b olur?* (9)
Верблюжат своих разве покидают?
4. *Qaqa qodžda^a qazılıq atlar* (9)
В черном загопе^a кавказские кони
5. *Qulundži ğin^c depermi^b olur?* (9)
Жеребята^c своих^c разве лягают?
6. *Ağilda^a ağdža qoyun-[lar]* (8)
В стаде^a белые ошцы
7. *Quzidži ğin^c süsermi^b olur?* (9)
Ягнят своих^c разве топчут?
8. *Alp yigitler, beg yigitler!*^A (8)
Богатыри джигиты, беги джигиты^A
9. *Görklüsine qıyarmi^b olur?* (9)
Красавиц своих разве убивают?
10. *Yigidüm, beg yigidüm!*^A, |
Джигит мой, бер джигит мой^A, |

bu yaġınuñ bir udžî maña, | bir udžî saña, — dedi.
этих врагов одна часть мне, | одна часть тебе, — сказала.

²⁷ *Orhan Şaik Gökcuay*, указ. соч., стр. 75.

Тирада насчитывает 10 стихов с альтернирующей ритмико-синтаксической конструкцией, т. е. каждое смысловое и синтаксическое целое (предложение) состоит из двух членов, образующих два стиха с перекрестными грамматическими рифмами по типу *ab, ab, ab...* и т. д. Таким образом рифмуются между собой ст. 2, 4, 6 (-lar/-ler — аффикс мн. числа) и ст. 3, 5, 7, 9 (-armī olur/-ermī olur — конструкция, состоящая из причастия -ar/-er + вопросительной частицы -mī/-mī + вспомогательного глагола). Благодаря наличию параллелизма к этому добавляются в качестве начальных и срединных рифм или словесных повторов в ст. 2, 4, 6^(a): Q a u t a b a n d a...: Q a r a q o d ž d a...—A ğ ĩ l d a (аффикс местн. падежа -da); в ст. 5, 7^(b): Q u l u n d ž i ğ i n...: Q u z i d ž i ğ i n... (уменьшительно-ласкательный аффикс + притяжательный аффикс + аффикс вин. падежа); в сущности и вопросительная глагольная форма -ar-mī/-er-mī в составе аналитической конструкции может рассматриваться как срединная рифма, связанная с параллелизмом, за которой следует повторение одинакового слова (вспомогательного глагола *olur*). Изолированным нерифмованным стихом остается формула обращения с двучленной структурой и словесным повторением в строках 1, 10: (Hey) y i ğ i d ü ş, b e g y i ğ i d ü ş (вариант ст. 8: A l p y i ğ i t l e r, b e g y i ğ i t l e r).

Число слогов, образующих подобный стих, благодаря наличию синтаксического параллелизма довольно строго регламентировано (8—9 слогов), чему соответствует также более или менее постоянное число слов или словесных групп (3). Только в конце тирады как своего рода метрическая клаузула выступает сверхдлинный стих (7 + 14) особой структуры (формула обращения + главная часть с повтором и внутренней рифмой + дополнительное внеметрическое *dedi* «сказала»). Но имеется множество других тирад, в которых короткие и длинные стихи еще не дифференцированы. Аллитерация встречается в тех же случаях, хотя еще менее регулярна, чем в первом примере.

Повествовательные прозаические партии свободно ритмизованы и рифмуются по тому же принципу, как проза «Алпамыша». Они образуют последовательный ряд неодинаковых по объему членов предложения с параллелизмом и словесными повторами, грамматической рифмой и очень различным числом слогов и исполнялись, вероятно, также речитативом. Примером может служить традиционное прозаическое вступление, которое открывается многие рассказы, — картина пира у хана Баюндур²⁸:

Xanum hey! — bir gün Qam Xan oğlī
Хан мой, эй! — Однажды Кам-хана сын
Xan Bayundur yerinden turmīšidi^x,
хан Баюндур с места своего *встал*^x,
šāmī günlügi yer yü zine^a dikdürmīšidi^x,
сирийский зонт свой на земли *лицо*^a *поставить велел*^x,
ala sayvanī gök yü zine^a ašanmīšidi^x,
пеструю палатку свою к неба *лицу*^a *натянул*^x,
biç yerda ipek xalidžasi döşenmīšidi^x. ||
в тысяче мест шелковые ковры свои *расстелил*^x. ||
Xanlar xanī Xan Bayundur yilda bir kere
Ханов хан хан Баюндур в год один раз
to u e d ü b^b Oğuz beglerin qonuqlaridī^x.
п и р у с т р о и в^b, огузских беков *угощал*^x.
gine to u e d ü b^b atdan^c aygır, devede^c buğra,
Снова п и р у с т р о и в^b, из коней^c жеребца, из верблюдов^c самца,
q o u n d a n^c qodž qirdurmīšidi^x. ||
из овец^c барана *заколоть велел*^x. ||

²⁸ См.: O ğ h a n Ş a i k G ö k u a y, указ. соч., стр. 3; «Книга моего деда Коркута», стр. 14.

Bir yere^d aǵ otaǵ^e, bir yere^d qızıl otaǵ^e,
 В одном месте^d белый шатер^e, в одном месте^d красный шатер^e,
 bir yere^d qara otaǵ^e qurdurmışdı^x. ||
 в одном месте^d черный шатер^e поставит велел^x.||

Общий принцип синтаксического членения здесь тот же, что и в стихах. Последовательность повествования определяется рядом действий в давнопрошедшем времени (частично в понудительной форме): -(dur)-miş-idi/-(dür)-mişidi; побочное действие выражено в деепричастной форме: *toy edüb* (словесное повторение). Параллелизм сочетается с словесным повторением в двучленных и трехчленных формулах, основанных на традиционных народных представлениях: *yer yüzine — gök yüzine* («земля» — «небо»); *at dan auygır — deve den buğra — qo y u n d a n qođız* («конь» — «верблюд» — «баран», с аллитерацией в первом и в последнем случае); *bir jere aǵ o t a ǵ : ...qızıl o t a ǵ : ...qara o t a ǵ* («белый» — «черный» — «черный» шатер). Однако отсутствует та регулярность синтаксического членения, числа слов и количества слогов в параллельных по своему значению синтаксических группах, которая отличает стихотворную форму от прозаической.

4

Если рассматривать неправильную метрическую форму древнетюркского эпического стиха в «Книге Коркута» изолированно, можно было бы, пожалуй, подумать, что письменная фиксация или обработка разрушили первоначальное равенство слогов в песнях. Само по себе такое предположение, конечно, исключено не во всех случаях, так как писец, записывавший устные народные песни в XV в., не стремился в своей работе к фольклористической документальности в современном понимании. Однако в целом смысловой и стилистический анализ текста приводит к выводу, что мы имеем дело, за исключением отдельных испорченных или переработанных мест, со сравнительно точной записью традиционного текста, вероятно, потому, что лицо, записавшее или, возможно, обработавшее текст, чтит в песнях священное наследие предков²⁹.

Необходимо также указать, что изосиллабизм французского и испанского эпического стиха, согласно убедительным выводам Р. Менендеса Пидалья, приходится также рассматривать как результат длительного развития, и «Песнь о моем Сиде» с ее неравносложными стихами является, по-видимому, важным свидетельством древнейших этапов этого процесса³⁰.

Во всяком случае, в многочисленных старых и новых записях наиболее архаической формы тюркского эпоса — богатырских сказок тюркоязычных народов южной Сибири, мы находим те же основные принципы строения стиха, что и в древнеогузской эпической поэзии XV в. Основу

²⁹ См.: В. М. Жирмунский, указ. соч., стр. 255—256.

³⁰ R. Menéndez Pidal, *La Chanson de Roland et la tradition épique des Francs*, Paris, 1960, стр. 471—473; его же, *Poesia juglaresca y orígenes de las literaturas románicas*, Madrid, 1957, стр. 374—376. То же относится и к старопольскому силлабическому стиху XV — начала XVI в. См.: M. Dłuska, *Syllabism*, в кн. «Wersyfikacja». III — *Syllabism*, Wrocław, 1956, стр. 28 и сл. Впрочем и современный так называемый силлабический стих — французский и итальянский — фактически отстает от равносложности: первый в результате нерегулярного отпадения немого -е в окончаниях слов, второй — благодаря метрическим правилам «эллипс» конечного гласного перед следующим начальным, не отражающим реального произношения.

эпического стиха составляет параллелизм более или менее обширной группы стихов; грамматическая рифма как следствие этого параллелизма выступает в виде конечной рифмы, не всегда регулярной, но очень часто усиленной начальной или срединной рифмой синтаксически параллельных членов предложения, нередко в форме словесного повтора. Число слогов регламентировано лишь приблизительно — от 7—8 до 10—12 и более, без систематической дифференциации короткого и длинного стиха. Аллитерация встречается очень часто, но не является ни обязательной, ни регулярной. Наряду со стихотворными партиями выступает свободно ритмизованная проза того же типа, что и в «Алпамыше» и в «Книге Коркута».

Образцы можно найти в большом числе в собрании В. В. Радлова (тт. I—II) и в современных источниках. Приведем в качестве примера шорскую богатырскую сказку «Кан Кес» (традиционный зачин, ст. 1—19)³¹.

1. Purun purun polġan poltur. (8)
Давно давно это было.
2. purun ġ^a töldü^b sonda^x, (7)
Давнег^a поколения^b позже^x,
3. emde ġ^a töldü^b atında^x, (8)
Нынешнег^a поколения^b раньше^x,
4. qalaq-piġa^c taġ pölgen^z, (7)
(Когда) мешалкой^c горы делили^z,
5. qamış-piġa^c suġ pölgen^z | temde polġan^z, (7 + 4)
(Когда) ковшом^c воды делили^z, | тогда было^z,
6. arilip^d aq talaу aqqan^z, (8)
Пробиваясь^d белое море текло^z,
7. ögülüp^d kelip^d altın taġ ösken^z, (10)
Нагромождаясь^d золотая гора выростала^z,
8. aq talaуді^e qāžında^x čon čatqan^z, (10)
Белого моря^e на берегу^x народ жил^z,
9. altın taġdī^e tözünde^x aq maġ turġan^z, (11)
Золотой горы^e у подножья^x белый скот стоял^z.
10. aq talaуді^e qāžında^x, (7)
Белого моря^e на берегу^x,
11. altın taġdī^e tözünde^x, (7)
Золотой горы^e у подножья^x
12. altı azaqtıġ altın öрге turġan. (11)
шесть подставок-имеющий золотой дворец стоял.
13. altın öргени^e eziġinde^x (9)
Золотого дворца^e у двери^x
14. altın šāġčīn turġan^z. (6)
Золотая коновязь стояла^z.
15. altın šāġčīn^e iözünde^x (7)
Золотой коновязи^e у основании^x
16. qannaġ qizil čegren at turġan^z. (9)
крови краснее игреневый конь стоял^z.
17. altın öргени^e ištinde^x (8)
Золотого дворца^e внутри^x
18. qān Kes čatqan^z, (4)
Кан Кес жил^z,
19. qān Kes čaš tužunda^x polġan^z... (8)
Кан Кес молод возрастом^x был^z...

³¹ «Шорский фольклор», стр. 24—25, 26—27.

Нерегулярная в метрическом отношении структура этих стихов целиком, как по содержанию, так и по форме, определяется параллелизмом; ритмико-синтаксический параллелизм соответствующих друг другу членов предложения находит звуковое выражение в сравнительно свободной грамматической рифме на конце ряда, большей частью в сопровождении начальной и срединной (или словесных повторов на тех же местах) и очень обильной аллитерации; число слогов, напротив, почти не регламентировано.

Начальный стих, соответствующий по содержанию традиционному в богатырских сказках тюркских народов зачину, не имеет рифмы и связан только внутренней и внешней аллитерацией (р-); нерифмованные стихи встречаются в других частях стихотворного повествования. Ст. 2 и 3, представляющие такую же традиционную формулу (отсылку к мифологическим временам), обнаруживают последовательный двучленный параллелизм, откуда начальная и срединная рифма (а, б) наряду с конечной (х). Такую же двучленную структуру имеют следующие 8 строк (ст. 4—11), с последовательно проведенным параллелизмом между «горой» и «водой» (tağ—suğ, «золотой горой» и «белым морем»; отсюда начальные и срединные рифмы (с, а, е), с частичным подхватыванием конечной (х), и повторение групп эпитет + существительное, связанных аллитерациями (altın tağ — aq talay). Ст. 12 образует смысловое завершение этого ряда и одновременно начало нового с альтернирующей структурой частей предложения и стихов и с соответствующей связью перекрестными рифмами (х-х²); при этом последний стих каждой пары подхватывается начальным стихом следующей пары с вариацией падежного окончания (аффикс род. падежа): ср. «золотой дворец стоял — золотого дворца у ворот» и т. д. В двух заключительных стихах (ст. 18—19) называется имя юного героя, которому посвящен дальнейший рассказ (ст. 20 и сл.). Они составляют пару, продолжающую в синтаксическом отношении ст. 17, и связаны между собой повторением этого имени в начале обоих стихов.

Тирада представляет метрически организованное единство благодаря последовательности рифмующихся предикативных причастий (рифма з с обычными звуковыми вариантами -ğan /-gen /-qan/-ken, часто с повторением рифмующегося слова — polğan, turğan). Эта цепь глагольных форм, обозначающих ряд событий или действий в прошедшем времени, прерывается указаниями на время или место действия, его обстоятельными определениями [рифма х — аффикс местн. падежа -da/-de, иногда расширенный аффиксом принадлежности — i(n)-de/-i(n)da /-u(n)-da]. Указанная форма выступает как конечная рифма в ст. 2—3, 10—11, 13—15—17 (в последней группе альтернируя с з) и как срединная рифма в ст. 8, 9, 19. В качестве рифмы начальной группы ее сопровождает посессивное определение в форме род. падежа с фонетическими вариантами -dij /-tiğ /-niğ/-dij по синтаксической модели aq talaydij qaïında «белого моря на берегу» (всего 9 стихов этого типа, включая ст. 2 и 3 зачина).

Аллитерация, чрезвычайно обильная, но и здесь нерегулярная, захватывает два или несколько слов в стихе или весь стих (ст. 1), одновременно объединяя начальным созвучием ряд последующих стихов. Из 19 стихов цитированного отрывка начальной аллитерацией связано 17, из них два аллитерируют на р- (ст. 1, 2), пять на ç-, десять на а-. Аллитерации часто бывают связаны с словесными повторами, начальное а- представлено в особенности в повторяющихся постоянных эпитетах: altın «золотой» — tağ «гора», öрге «дворец», şarçın «коновязь»; aq «белый» — talay «море», mal «скот». В других случаях слово может повторяться с вариацией грамматической формы (этимологическая фигу-

ра): *ruġun* «давно» — *ruġunġi* «давний»; или аллитерируют созвучные слова разного корня: *altın* «золотой» — *altı* «шесть», *aq* «белый» — *aqqan* «тек(ло)», *röġgen* «делил(и)» — *roġgan* «был(о)»; ср. также ст. 6—7: *arilür* «пробиваясь»: *öġülür* «нагромождаясь» (расширенная грамматическая рифма) и др. Аллитерация является, таким образом, частным случаем словесного повтора или «этимологической фигуры» (повторения с вариацией). Возможно, что с исторической точки зрения она развилась как звуковой повтор из более древнего словесного повторения.

Число слогов в стихе колеблется от 4 до 11. Короткие и длинные стихи перемешаны, точнее, еще не дифференцированы между собой, но преобладают уже трехчленные короткие стихи из (6)—7—8—9 слогов (всего 10 + 3 из общего числа 19). Смежные рифмы, обычно образующие длинные ряды, также не отделены от альтернирующих (перекрестных). Таким образом, в строфической композиции тирады господствует большая свобода и многообразие, и структура ее обусловлена прежде всего смысловым и ритмико-синтаксическим параллелизмом.

Смешанная форма стиха и прозы широко распространена у шорцев; при этом повествовательная проза играет в собственно сказочном жанре (волшебные сказки, близкие по содержанию к богатырским) особенно большую роль.

Этот метрический тип характерен для архаического жанра богатырских сказок у всех южносибирских народностей (алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев; с индивидуальными особенностями — также и для якутских «олонхо»). В сопоставлении с «Книгой Коркута» они дают нам картину древнетюркского эпического стиха. Богатырские сказки монголов (особенно бурятов) также обнаруживают значительное сходство с этим типом.

5

Сопоставление с иноязычным материалом обнаруживает некоторые общие закономерности развития стиха.

В своем известном исследовании, посвященном параллелизму в карело-финской народной эпической поэзии, В. Штейниц справедливо подчеркнул решающее значение стихового параллелизма для «Калевалы» и лежащих в ее основе песен карельского сказителя Архипа Перттунена. «Стиховой параллелизм, т. е. совпадение двух (или нескольких) стихов в смысловом и формальном отношении, — писал В. Штейниц, — представляет важнейшее и наиболее существенное стилистическое средство карело-финской стихотворной народной поэзии»³².

Непосредственным следствием обязательного параллелизма (почти всегда двучленного) является и здесь, в языке тоже агглютинирующего типа, грамматическая рифма, конечная или внутренняя, не имеющая, однако, обязательного характера. Число слогов строго регламентировано метрически — независимо от содержания стихов и их синтаксического строя: каждая строка содержит 8 слогов («силлабический стих»)³³. Чрезвычайно часто, но и здесь совершенно нерегулярно, выступает аллитерация (внутренняя или внешняя), поддержанная наличием начального ударения. Ср. пример, который приводит В. Штейниц³⁴:

³² W. Steinitz, Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung. Untersucht an den Liedern des karelischen Sängers Archippa Perttunen, Helsinki, 1934 (FFC № 115), стр. 1.

³³ К вопросу о роли ударения в метрической структуре финского силлабического стиха из недавних работ см.: M. Sadeniemi, Die Metrik des Kalevala-Verses. Helsinki, 1951 (FFC № 139).

³⁴ W. Steinitz, указ. соч., стр. 2.

1. Nyt on neiti neivominen.
Вот должна девушка совет-получить,
2. Morsian orastaminen.
Невеста наставление-получить.
3. Kenpä neien neivojaksi,
Кто будет девушке советчиком,
4. Imruen orastajaksi?
Невесте наставником?
5. Osmotar, oleva vaimo,
Осматар, опытная жена,
6. Kalevatar, kaunis impi...
Калеватар, прекрасная девушка...

Если от этой, метрически строгой и канонической формы эпического стиха западнофинских народов обратиться к богатырским сказкам ханты (остяков), представителей другой ветви угро-финской языковой группы, записанным и исследованным тем же автором³⁵, мы найдем в их архаической стиховой структуре более раннюю ступень метрики «Калевалы». Согласно разъяснению В. Штейница, нормальный восьмисложный короткий стих, который автор называет «четырёхстопным» (т. е. состоящим из четырех слов — мы предпочли бы и здесь термин «четырёхдольный»), фактически допускает амплитуду колебаний от 6 до 10 слогов³⁶. Наряду с этим имеется «шестистопный» (трехчастный) длинный стих, «нормальный» тип которого имеет 12 слогов, с колебаниями от 9 до 15 слогов³⁷. Как стихобразующий принцип выступает двучленный параллелизм, который развивается из повторения той же строки, с незначительными вариациями одного, самое большее двух слов. Автор приводит следующие примеры, взятые из опубликованных им текстов богатырских сказок³⁸:

А. Параллельные двустипия (тип *aa*):

- šũkũ nígræ ár žũjem, (7)
С рваными башмаками многие мужчины-мои,
šũkũ šažræ ár nẽjem. (7)
С рваными одеждами многие женщины-мои.

В. Альтернирующие двустипия (тип *ab, ab*):

- jẽta jĩštæ nũpten etæj (8)
Предназначенный срок жизни
jẽt æt jĩšĩrijtten. (6)
Вперед ты должен назначить.
jẽtæ ũttæ nũpten etæj (8)
Предначертанный срок жизни
jẽt ætø žanšĩrijtten. (7)
Вперед ты должен предначертать.

Словесный повтор обуславливает звуковое совпадение во всех параллельных местах двустипия, следовательно — конечную, начальную и срединную рифму. Но рифма присутствует и в случаях варьирования слова, так как в синтаксически параллельных местах выступают соответственно аналогичные именные и глагольные окончания. Например: nígræ : šažræ («с башмаками» — «с одеждами»), или žũjem : nẽjem («мужчины-мои» — «женщины-мои»), или jĩšĩrijtten : žanšĩrijtten («ты должен назначить» — «ты должен предначертать») и т. п.

Благодаря словесным повторам (с отдельными вариациями) число слогов в параллельных двустипиях регулируется само собой. Начальное

³⁵ W. Steinitz, Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, Tl. 1, Tartu, 1939 (тексты и грамматика); Tl. 2, Stockholm, 1941 (метрика и стилистика, комментарий).

³⁶ W. Steinitz, Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, Tl. 2, стр. 9.

³⁷ Там же, стр. 21—22.

³⁸ Там же, стр. 31—39.

словесное ударение обуславливает наличие аллитерации, внутренней и внешней, как всегда — без определенной регламентации. Обращает на себя внимание связь аллитерации с повторением одинакового слова при варьировании его грамматической формы («этимологическая фигура»), — явлением, чрезвычайно характерным для стиха народной поэзии ханты³⁹. Ср. во втором примере: *jētə — jēt, jīštə — jīširjitten*.

Примеры параллелизма в поэзии восточнофинских народов (мордвы, марийцев, коми-зырян и др.), которые сообщает В. Штейниц⁴⁰, занимают промежуточное положение между двумя рассмотренными типами. Существенно, что в них еще нет полной равносложности, параллелизм и повторение наличествуют везде, следствием чего являются грамматические рифмы, конечные и внутренние, конкурирующие с аллитерацией.

Из сопоставления эпического стиха у тюркских и финно-угорских народов с очевидностью вытекает следующий ход развития, который подтверждается и структурой лирических четверостиший, исследованных Ковальским. Простое повторение строк (с варьированием отдельных слов) представляется древнейшей формой ритмической организации стиха. Такое повторение являлось выражением коллективной или индивидуальной эмоциональности, эмфатического настояния, магической заклинательной формулой. Из повторения возникает более свободная форма параллелизма в содержании и тем самым — в синтаксическом строе стихов, которые могут объединяться попарно, с альтернативой или образуя более обширные группы — «цепочки» параллельных стихов (последнее преимущественно в эпической поэзии). Как следствие этого ритмико-синтаксического параллелизма и одновременно как новое средство метрической организации стиха развивается грамматическая рифма, сначала без определенной регламентации, в форме конечной и одновременно начальной и срединной рифм. Языки агглютинирующего типа, такие, как тюркские и финно-угорские, особенно склонны к подобного рода грамматическим рифмам благодаря морфологической однозначности аффиксов. Преобладание и последующая канонизация конечной рифмы связаны с ее функцией как звукового показателя границы синтаксического ряда — стиха. С рифмой конкурирует аллитерация, которая выступает часто (особенно при начальном ударении), но нерегулярно. Она также, по всей вероятности, развивается из словесного повторения и морфологической вариации слова («этимологическая фигура»). Синтаксический параллелизм регулирует и число слов и резко колеблющееся число слогов в стихе. На последующей ступени развития звуковые средства организации стиха обособляются и становятся автономными: счет слогов выступает теперь как господствующий метрический принцип; конечная рифма, подчас различных морфологических категорий, расширенная за счет основы, становится обязательной; аллитерация и параллелизм низводятся до уровня стилистических средств, — все это нередко под воздействием иноязычных более высокоразвитых метрических форм.

Дальнейшего изучения требует вопрос о причинах широкого распространения аллитерации в тюркском народном стихе. Как каноническое средство метрической организации стиха повторение начального звука слова развивается в языках, имеющих ударение на начальном слоге (древнегерманских, кельтских, монгольских, угро-финских и некоторых других). Было высказано мнение, что и тюркская аллитерация могла бы восходить к тому доисторическому периоду, когда в тюркском, как и в

³⁹ Cp. W. Steinitz, *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen*, Tl. 2, стр. 41—46 («Die etymologische Figur»).

⁴⁰ W. Steinitz, *Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung*, стр. 4—14.

родственном монгольском, существовало начальное ударение⁴¹. Однако этими «пратюркскими» отношениями невозможно объяснить функционирование аллитерации в древнем и современном тюркском народном стихе, отделенном от «пратюркского» многими столетиями и даже тысячелетиями, в особенности если учесть нерегулярный характер самой аллитерации, т. е. отсутствие строгой нормы и определенной модели, связанных древней поэтической традицией. Скорее можно думать, что начальный слог в тюркских языках, всегда (ввиду отсутствия префиксов) корневой, является прочным структурно-семантическим ядром слова, господствующим над агглютинирующими аффиксами (как о том свидетельствует «гармония гласных» по корневому слогу). Может быть, этот семантический перевес первого (корневого) слога поддерживался при устном исполнении песни и фонетическим подъемом голоса, на который указывают некоторые исследователи⁴².

Мы предполагаем, что развитие метрической структуры стиха из повтора и параллелизма, столь отчетливо выступающее в тюркских, монгольских, угро-финских языках ввиду наличия агглютинации, может быть обнаружено, хотя и менее ясно, и в языках иного типа, например в индоевропейских⁴³. Возникает, однако, вопрос, есть ли вообще необходимость искать происхождение стиха в параллелизме, если в песне он был связан с музыкой и от нее воспринял присущие ей ритмические принципы?

Пример эпического стиха (как и организующая роль параллелизма в разговорном стихе пословиц и загадок) представляется нам в этом вопросе более показательным, чем развитие занимавших Ковальского лирических четверостиший, которые связаны с песней и пляской. Однообразный в мелодическом отношении и нередко близкий к речитативу эпический стих всегда определял структуру сопровождавшей его и приспособившейся к нему мелодии. Впрочем и мелодию лирических четверостиший в их архаической форме нельзя представлять себе как регулярную строфу, укладывающуюся в симметричные «такты» современной европейской песенной мелодии. Сама мелодия на ранней ступени развития музыки была в метрическом отношении гораздо более свободной по своей композиции, и регулярный характер ей придавало прежде всего взаимодействие с текстом, построенным по принципам смыслового и ритмико-синтаксического параллелизма.

Таким образом, развитие мелодии и стиха находилось издавна в диалектическом взаимодействии.

⁴¹ Б. Я. Владимиров, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929, стр. 97.

⁴² См.: М. Ауэзов, указ. соч., стр. 74—76. Ср.: Н. А. Батманов, Современный киргизский язык, I, 4-е изд., Фрунзе, 1963, стр. 57; М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 33—41.

⁴³ Некоторые замечания по этому вопросу, относящиеся к былинному стиху, были высказаны мною в свое время в книге «Рифма, ее история и теория» (Петербург, 1923), стр. 263—296.

А. А. ЗАЛПЗНЯК

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ РОДА И ОДУШЕВЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей работе рассматривается вопрос о том, какова должна быть классификация русских существительных при последовательном осуществлении принципов деления, в неявной форме лежащих в основе традиционной системы родов.

1. «Согласовательные классы» существительных

В вопросе о существе грамматического рода, как известно, нет полного единства; в зависимости от исходной точки зрения, этим термином обозначают более широкий или более узкий круг явлений¹. Мы исходим из наиболее распространенного взгляда, по которому наличие рода как грамматической категории признается только там, где имеется так называемое согласование².

Существо согласования легко раскрыть на его наиболее типичном примере — согласовании прилагательного с подчиняющим его существительным при обычной атрибутивной связи. Мы говорим, что в языке есть согласование (по роду), если найдутся два существительных, которые, будучи взяты в одной и той же грамматической форме, «требуют» разных (более строго — внешне различных) словоформ некоторого прилагательного, подчиненного им в качестве определения. Например, в русском языке существительные *дом* и *стена*, взятые в одной и той же грамматической форме им. падежа ед. числа, «требуют» разных словоформ подчиненного прилагательного: ср. *белый дом* и *белая стена*. Разумеется, все сказанное о прилагательных верно также для причастий, местоимений-прилагательных и числительных, которые далее объединяются с прилагательными под общим названием «согласуемых слов».

В начале работы (разделы 1—3) ограничимся лишь теми существительными, которые в существующих описаниях признаются имеющими полный набор словоформ; тем самым из рассмотрения временно исключаются прежде всего так называемые *singularia* и *pluralia tantum*, признаваемые обычно существительными с неполной парадигмой.

Пусть в рассматриваемом языке полная парадигма существительного состоит из *n* грамматических форм. Каждому существительному в каждой из *n* грамматических форм соответствует при атрибутивной связи одна вполне определенная словоформа (реже — определенная совокупность словоформ) каждого имеющегося в языке согласуемого слова. Например, слову *вещь* в форме И. ед. соответствует ряд словоформ: *новая, эта, моя, первая* и т. д.; в форме Т. ед. — ряд: *новой и новою, этой и этою*,

¹ Обзор точек зрения см.: I. F o d o r, The origin of grammatical gender. I, «Lingua», VIII, 1, 1959.

² См., в частности: Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962, стр. 205; I. F o d o r, указ. соч., стр. 2.

моей и мою и т. д. Таким образом, каждому существительному соответствует вполне определенный набор из m таких рядов. (Поскольку каждый из таких рядов очевидным образом соответствует некоторой грамматической форме согласуемых слов, будем далее говорить просто о «наборе форм согласуемого слова».) Ясно, что при наличии согласования (в указанном выше смысле) не все такие наборы окажутся одинаковыми, т. е. найдется по крайней мере два набора, различных между собой. Все существительные делятся на классы в зависимости от того, какой из этих наборов им соответствует. Эти классы можно назвать «классами по согласованию», или «согласовательными классами».

Таким образом, можно предложить следующее определение (I): с о г л а с о в а т е л ь н ы м классом называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), «требуют» при атрибутивной связи одной и той же словоформы (или допускают выбор из одной и той же группы словоформ) любого согласуемого слова. В большинстве языков, имеющих роды, например в латыни, немецком, литовском и т. д., согласовательные классы — это и есть роды, т. е. каждый согласовательный класс равен совокупности существительных определенного рода.

Рассмотрим с этой точки зрения современный русский язык. Будем исходить при этом из наиболее принятого взгляда на устройство парадигмы русского существительного, а именно из того, что она состоит из 12 грамматических форм (6 падежей $\times$ 2 числа)³. Большинство существующих описаний явным или неявным образом подводит читателя к мысли, что в русском языке согласовательные классы и роды — это одно и то же; так, обычно различают (например, в таблицах склонения) только три набора форм прилагательного — в соответствии с числом родов. Однако простейшее наблюдение над выбором словоформ согласуемого слова при вин. падеже существительного показывает, что в действительности число согласовательных классов в русском языке по крайней мере вдвое больше, чем число родов, поскольку каждый род содержит «одушевленный» и «неодушевленный» согласовательные классы. Чтобы убедиться в существовании шести различных наборов форм согласуемого слова, достаточно рассмотреть И. ед. и В. мн.:

Таблица 1

Характерные члены набора форм согласуемого слова	Согласовательные классы					
	1 (дом)	2 (слон)	3 (стена)	4 (коза)	5 (окно)	6 (чудовище)
И. ед.	белый	белый	белая	белая	белое	белое
В. мн.	белые	белых	белые	белых	белые	белых

³ Наиболее существенной чертой этого взгляда является объединение обоих чисел в единую парадигму, т. е. признание, например, словоформ *волк* и *волки* одним и тем же словом (лексемой). Такой взгляд основан в конечном счете на статистическом критерии, а именно на том, что в пары типа *волк* — *волки* входит подавляющее большинство словоформ существительных (в отличие, например, от пар типа *волк* — *волчица*, в которые входит лишь меньшинство существительных и члены которых соответственно признаются разными словами). Принятие противоположного взгляда на отношения между числами привело бы к существенно отличным результатам (см. примеч. 4). В вопросе о падежах существенной для настоящей работы могла бы оказаться лишь попытка «устранить» вин. падеж (распределив соответствующие словоформы между им. и род. падежами), которая, однако, равносильна вложению нового смысла в сам термин «падеж». Принятие 8-падежной системы вместо 6-падежной ничего бы не изменило.

Значение этого факта для родовой системы русского существительного было показано уже в 1924 г. в прекрасной работе Н. Н. Дурново⁴, которая, к сожалению, почти не оставила следа в академической и школьной традиции.

Особый вопрос составляют так называемые существительные общего рода (*сирота, калека* и т. п.). Здесь возможны два решения: 1) каждое из таких слов рассматривается как единая лексема; тогда, разумеется, эти слова выделятся в особый согласовательный класс; 2) каждое из них «расщепляется» на два омонима, например, *сирота*₁ (слово 2-го согласовательного класса) и *сирота*₂ (слово 4-го согласовательного класса) и т. д. Ради простоты мы выбираем здесь второе решение.

Установленное расхождение между согласовательными классами и родами ставит проблему терминологического характера: оно обязывает либо 1) назвать и в русском языке, подобно латыни, немецкому и т. д., согласовательные классы родами (как это делает, например, Н. Н. Дурново), т. е. признать существование шести родов, либо 2) сохранить для русского языка традиционное употребление слова «род», но при этом признать, что русский род с типологической точки зрения отличен, например, от латинского. Мы выбираем последнее — во-первых, потому, что это не создает противоречия с устойчивой традицией, во-вторых, потому, что термин «род» в традиционном значении, как мы увидим ниже, представляет самостоятельную ценность для описания русского языка.

2. Выделение грамматических категорий рода и одушевленности⁵

В грамматике принято различать два типа грамматических категорий: 1) те, по которым могут быть противопоставлены словоформы одного и того же слова, и 2) те, по которым могут быть противопоставлены только разные слова. Первые будем называть *с л о в о и з м е н и т е л ь н ы м и*, а вторые — *к л а с с и ф и ц и р у ю щ и м и* грамматическими категориями⁵. Если принадлежность существительного к определенному согласовательному классу признается элементом его грамматического значения (а в этом большинство лингвистов согласно), противопоставление согласовательных классов должно быть признано классифицирующей грамматической категорией.

Единственная обязательная функция классифицирующей грамматической категории состоит в том, что слова определенного грамматического класса получают особый синтаксический признак, позволяющий при синтезе правильно выбрать форму подчиненного слова, при анализе — установить возможность или невозможность синтаксической связи между некоторой парой слов предложения. Любая другая функция классифицирующей грамматической категории (например, указание на какие-либо реальные свойства объектов) факультативна: так, род может указывать на естественный пол, но в случае, когда мы имеем дело с неодушевлен-

⁴ Н. Дурново, La catégorie du genre en russe moderne, *RÉSl*, IV, 1—2, 1924. Дурново различает четыре рода в ед. числе: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний — и два во мн. числе: одушевленный и неодушевленный. Этот взгляд, по существу, основан на предпосылке (которую, правда, Дурново прямо не высказывает), что, например, *волк* и *волки* — это разные слова.

⁵ Наиболее последовательно вопрос о типах грамматических категорий разрабатан А. И. Смирницким (см. прежде всего: «Лексическое и грамматическое в слове», сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955); он обычно называет первые грамматическими (или собственно грамматическими) категориями, а вторые — лексикограмматическими. В настоящей работе взяты (с незначительными изменениями) более удобные, с нашей точки зрения, варианты этих терминов, использованные А. И. Смирницким в книге «Древнеанглийский язык» (М., 1955, стр. 213).

ными объектами, эта дополнительная функция рода отсутствует и сохраняется только названная выше обязательная.

Понятно, что указанная обязательная функция никак не нарушится, если представить список согласовательных классов не в виде единого ряда, а в виде системы, построенной по двум или нескольким различительным признакам, и соответственно дать каждому согласовательному классу не единое, а двойное или множественное обозначение. Если при этом окажется, что для каждого различительного признака найдется синтаксическая задача, для которой требуется только он один (а остальные признаки безразличны), такие признаки могут быть объявлены самостоятельными классифицирующими грамматическими категориями. Иначе говоря, мы можем, если это удобно для описания, представить классифицирующую грамматическую категорию как совокупность двух или нескольких таких категорий, «накладывающихся» друг на друга. Понятно, что такое разложение, вообще говоря, может быть проведено по-разному. в зависимости от выбора различительных признаков.

Рассмотрим с этой точки зрения согласовательные классы русских существительных. Легко заметить, что они естественно распадаются по двум признакам: 1) одушевленность — неодушевленность (классы 2, 4, 6 — 1, 3, 5) и 2) род в традиционном смысле (классы 1, 2 — 3, 4 — 5, 6). Первое противопоставление довольно точно отражает реальное различие «одушевленного» и «неодушевленного». Внешне оно выражено в том, что в наборах форм согласуемого слова, соответствующих «одушевленным» классам, В. мн. совпадает с Р. мн., а в наборах, соответствующих «неодушевленным» классам — с И. мн. (в наборах 2 и 1, кроме того, В. ед. совпадает соответственно с Р. ед. и И. ед.). При этом существенно, что в В. мн. имеется только это противопоставление, а противопоставление родов нейтрализовано. Второе противопоставление не имеет единого семантического основания (фактически только противопоставление классов 2 и 4 отражает некоторое реальное различие). Внешне оно выражено различием наборов форм согласуемого слова в ед. числе. При этом существенно, что во многих формах, например в И. ед., имеется только это противопоставление, а противопоставление по одушевленности нейтрализовано.

Разумеется, можно было бы предложить и другие деления; например, можно разложить противопоставление по роду на два отдельных противопоставления. Однако здесь неясно даже, какое разложение предпочесть: исходя из значения, следовало бы противопоставить мужской и женский роды среднему; исходя из внешнего выражения, следовало бы скорее противопоставить мужской и средний роды женскому. Таким образом, противопоставление согласовательных классов русского существительного удобнее всего представить в виде двух самостоятельных классифицирующих грамматических категорий: одушевленности — неодушевленности (в дальнейшем сокращенно: «категория одушевленности») и рода. Из сказанного ясно, однако, что в отличие от выявления согласовательных классов, отражающих некоторое объективное членение русских существительных, признание самостоятельных категорий рода и одушевленности не вытекает с необходимостью из фактов, а является лишь одним из способов описания выявленных согласовательных классов.

Из принятого описания согласовательных классов существительного вытекают определенные последствия для описания парадигм согласуемых слов. Как известно, в русском языке грамматические категории существительного — как словозменительные (падеж и число), так и классифицирующие (с традиционной точки зрения только род) — «дублируются» одноименными категориями прилагательных и прочих согласуемых

слов (причем здесь все эти категории являются словоизменительными). Очевидно, однако, что традиционной триады грамматических категорий прилагательного (род, число, падеж) недостаточно для объяснения всех случаев согласования. В самом деле, например, во фразах *вижу высокий дом* и *вижу высокого юношу* род, число и падеж прилагательного одинаковы, однако словоформы прилагательного различны и не могут быть заменены одна другой. Чтобы устранить это противоречие, нужно либо 1) придать грамматической категории прилагательных, отражающей класс подчиняющего слова (т. е. роду), шесть значений вместо трех, либо 2) добавить к трем грамматическим категориям прилагательного еще одну. При том решении, которое принято выше для существительных, разумееется, целесообразнее последнее. Таким образом, традиционная триада грамматических категорий прилагательного, по которым происходит согласование, должна быть дополнена четвертой — словоизменительной грамматической категорией одушевленности.

З а м е ч а н и е. Необходимо учитывать, что признание у прилагательных и прочих согласуемых слов большего или меньшего числа категорий, по которым происходит согласование, не вытекает однозначно из фактов, а отражает определенные принципы описания. В самом деле, любое русское прилагательное имеет не более 13 внешне различных словоформ (имеются в виду полные формы положительной степени), например: *нов-ый, -ая, -ое, -ого, -ой, -ому, -ую, -ым, -ою, -ом, -ые, -ых, -ыми*. Известно, что в этих словоформах нельзя найти отдельного внешнего выражения для числа или падежа или рода, а все эти значения выражены синкретически. Поэтому вполне естественно следующее описание. Существует всего одна грамматическая категория прилагательных, по которой происходит согласование. Она принимает 13 значений, т. е. прилагательные имеют всего 13 грамматических форм⁶. Правила выбора форм при атрибутивной связи задаются в виде таблицы, где каждому набору грамматических значений существительного соответствует номер формы прилагательного, например: В. ед. муж. одуш. — № 4 (*-ого*). Такое описание дает максимально простую парадигму прилагательного, но сложные правила выбора формы подчиненного слова. Общепризнаным является другое описание, а именно: прилагательному приписывают все те грамматические категории существительного, которые хотя бы в одном случае влияют на выбор формы прилагательного. 13 форм разнесены по 36 (а после признания категории одушевленности — по 72) клеткам. Получается более сложная парадигма, с многочисленными случаями омонимии, но зато достигается максимально простое правило выбора формы при атрибутивной связи: «грамматические значения прилагательного повторяют грамматические значения подчиняющего существительного» (откуда и само слово «согласование»). Как указал (устно) И. А. Мельчук, выбор второго решения в значительной мере определен также тем, что при субстантивации грамматические характеристики, приписываемые прилагательному в соответствии с этим решением, автоматически превращаются в одноименные характеристики существительного.

3. Обобщение понятия согласовательного класса

Назовем условно «согласовательной связью» любую синтаксическую связь (непосредственную или опосредствованную другими словами) между существительным и согласуемым словом, при которой форма согласуемого слова зависит от выбора существительного и/или от формы, в которой оно стоит. Типичным примером согласовательной связи является, конечно, обычная атрибутивная связь; сюда же относится большинство вариантов предикативной связи. Существует, однако, и ряд других, менее распространенных типов согласовательной связи, в частности: 1) связь через предлог *из*: ср. *о д и н из домов* и *о д н а из стен*; 2) связь через глагол определенного типа: ср. *это дело считают б е з н а д е ж н ы м и эту*

⁶ То, что форм будет всего 13, вообще говоря, не вытекает из сказанного выше, поскольку могло бы найтись прилагательное, у которого какому-либо из 13 членов приведенного выше списка соответствуют две или несколько различающихся словоформ. Однако в действительности таких прилагательных в русском языке нет.

затею считают безнадежно; 3) связь (обычно опосредствованная) со словом *который* в придаточном предложении: ср. *дом, в котором...* и *книга, в которой...*; 4) связь с некоторыми числительными (*два, оба, полтора; двое, трое* и т. д.): ср. *два дома* и *две стены*.

Уже из приведенных примеров ясно, что данное выше определение согласовательного класса слишком узко, поскольку оно опирается только на обычную атрибутивную связь, т. е. лишь на один (самый распространенный) тип согласовательной связи, тогда как в действительности объективное деление существительных на согласовательные классы проявляется не только в этом, но и в ряде других типов синтаксической связи. Теперь мы можем предложить следующее более общее определение (II): **согласовательным классом** называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих); «требуют» при любом типе согласовательной связи одной и той же словоформы (или допускают выбор из одной и той же группы словоформ) любого согласуемого слова.

Обобщение первоначального определения согласовательного класса в принципе может привести к увеличению числа согласовательных классов. С этой точки зрения представляют особый интерес сочетания существительных с так называемыми собирательными числительными *двое, трое, четверо* и т. д. Как указывает академическая грамматика (т. I, § 620), эти числительные употребляются (наряду с обычными *два, три, четыре* и т. д.) со словами мужского и общего рода, обозначающими лиц, и со словом среднего рода *лицо*; так, можно сказать *два врача* и *двое врачей, два лица* и *двое лиц*, но нельзя сказать *двое волков, двое животных*. Если признать это указание строгим грамматическим правилом, то, в соответствии с определением II, выделенный ранее согласовательный класс 2, равно как и класс 6, должен быть разделен на два согласовательных класса: «личный» и «неличный»⁷ (2^а — *врач*, 2^б — *волк*, 6^а — *лицо*, 6^б — *животное*). Трудность здесь, однако, в том, что строгость указанного ограничения в действительности весьма невелика: степень неправильности («неграмматичности») словосочетания *двое волков* несравненно меньше, чем, например, у словосочетания *моя дом*. Даже академическая грамматика допускает в качестве «разговорных» такого рода сочетания с названиями детенышей, например, *двое котят*; кроме того, сами предостережения против словосочетаний типа *двое волков* говорят об их распространенности. Если же признать грамматически допустимыми сочетания числительных *двое, трое* и т. д. с любыми существительными классов 2 и 6, то вопрос о разделении этих классов, разумеется, отпадает. Таким образом, вопрос о существовании в современном русском языке «личных» и «неличных» согласовательных классов непосредственно зависит от признания грамматически правильными или грамматически неправильными словосочетаний типа *двое волков*. Не вынося решительного суждения по этому вопросу, мы будем практически рассматривать ниже только систему из шести согласовательных классов.

Других фактов подобного рода в русском языке, по-видимому, нет; таким образом, мы можем считать, что переход от определения I к определению II не изменяет числа и состава согласовательных классов. Однако новое определение позволяет расширить наши знания о согласовательных классах.

⁷ Ср.: В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947, стр. 309; R. Jakobson, *The gender pattern of Russian*, «Omăgiu lui Al. Graur cu prilejul împlinirii a 60 de ani», 1960 («Studii și cercetări lingvistice», 3, XI), стр. 542.

Принято считать, что в современном русском языке роды во мн. числе не различаются⁸. Этой несколько неопределенной формулировке можно придать лишь следующий точный смысл: в любой грамматически правильной русской фразе, содержащей существительное во мн. числе, можно заменить это существительное любым существительным другого рода (поставив его в том же числе и падеже), и полученная фраза будет также грамматически правильной; иначе говоря, например, словоформы *доми-ми*, *стенами* и *окнами* взаимозаменяемы без потери грамматической правильности в любой фразе. Эта точка зрения основана, однако, только на данных обычной атрибутивной связи. Учет всех типов согласовательной связи позволяет легко ее опровергнуть. Ср., например, следующие фразы:

Я доволен этими домами, каждый из которых по-своему хорош.
Я доволен этими стенами, каждая из которых по-своему хороша.
Я доволен этими окнами, каждое из которых по-своему хорошо.

Легко убедиться, что в этих фразах словоформы *доми-ми*, *стенами*, *окна-ми* заменять друг на друга нельзя. Разумеется, подобные фразы можно построить не только для творительного, но и для любого другого падежа; вместо слова *каждый* можно взять слово *один*, *первый*, *лучший* и т. д.

Аналогичным образом опровергается столь же распространенное представление о том, что противопоставление по одушевленности — неодушевленности ограничено только вин. падежом. Ср., например, такие фразы:

Я подошел к тому дому, который я увидел.
Я подошел к тому мальчику, которого я увидел.

Здесь слова *дом* и *мальчик*, различающиеся только по признаку одушевленности, стоят не в вин., а в дат. падеже; тем не менее заменить *дому* на *мальчику* или наоборот нельзя. Понятно, что подобные фразы можно построить и для других падежей.

Рассмотрим теперь контекст словоформы *мальчику* в последней из приведенных фраз. Его можно представить так: «я подошел к тому..., которого я увидел». Попытаемся выяснить, какие словоформы «подходят» в этот контекст, т. е. дают грамматически правильную фразу, будучи поставлены на место многоточия. Мысленный эксперимент показывает, что в этот контекст подходят все существительные согласовательного класса 2, взятые в форме Д. ед., и только они. Иначе говоря, данный контекст может служить так называемым «диагностическим контекстом» для существительных согласовательного класса 2, т. е. контекстом, с помощью которого можно по одной словоформе (в данном случае — Д. ед.) определить, относится ли рассматриваемое существительное к согласовательному классу 2. Оказывается, что, опираясь на разные типы согласовательной связи, можно построить диагностические контексты, позволяющие опознать существительное любого из шести согласовательных классов в любой из 12 грамматических форм. Приведем в качестве примеров диагностические контексты, позволяющие определить класс существительного а) по словоформе И. ед., б) по словоформе Р. мн.

- а) Класс 1. *Вот тот . . . , который вы видели.*
 Класс 2. *Вот тот . . . , которого вы видели.*
 Класс 3. *Эта . . . была из тех, которые вы видели.*
 Класс 4. *Эта . . . была из тех, которых вы видели.*
 Класс 5. *Это . . . было из тех, которые вы видели.*
 Класс 6. *Это . . . было из тех, которых вы видели.*

⁸ Постепенно выходящие из употребления словоформы *обеих*, *обеим*, *обеими* в данном случае в расчет не принимаются.

- б) Класс 1. Я видел один из этих . . .
 Класс 2. Я видел одного из этих . . .
 Класс 3. Вот одна из тех . . . , которые вы видели.
 Класс 4. Вот одна из тех . . . , которых вы видели.
 Класс 5. Вот одно из тех . . . , которые вы видели.
 Класс 6. Вот одно из тех . . . , которых вы видели.

Можно построить также диагностические контексты для существительных каждого рода, например: *вот мой ... , вот моя ... , вот мое ...* (берется И. ед.); *вот один из этих ... , вот одна из этих ... , вот одно из этих ...* (берется Р. мн.). Можно построить, наконец, диагностические контексты для всех «одушевленных» и для всех «неодушевленных» существительных, например: *вот те ... , которых (соответственно которые) вы видели.*

4. Отличия *singularia* и *pluralia tantum* от прочих существительных

Обратимся теперь к тем существительным, которые были временно исключены из рассмотрения, — к так называемым «существительным без мн. числа» (*singularia tantum*) и «существительным без ед. числа» (*pluralia tantum*). В существующих описаниях эти две группы слов обычно трактуются как вполне аналогичные друг другу, а именно как группы существительных, «употребляющихся только в одном числе». Однако несложный анализ показывает, что между этими двумя группами слов в действительности нет параллелизма. В этом вопросе необходимо лишь четко различать внутреннюю (смысловую) и внешнюю стороны словоформ; поэтому мы будем ниже различать «словоформы со значением ед. (мн.) числа» и «словоформы с внешними признаками ед. (мн.) числа» (т. е. с определенными окончаниями, определенным вариантом основы и местом ударения и требующие определенных форм согласуемого слова).

У *singularia tantum* обычно употребляются только словоформы со значением и внешними признаками ед. числа. Эта особенность непосредственно связана с основным значением этих слов: в человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай» или «гордость» или «медь» и т. п. Однако, если такая потребность все же возникнет (а это в принципе всегда возможно, хотя бы потому, что человеческая фантазия безгранична), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками мн. числа без труда⁹ будут построены: *лаи, гордости, меди* и т. д.¹⁰ Таким обра-

⁹ Затруднения возникают лишь в тех немногих случаях, когда в языке оказывается слишком мало слов, которые могли бы послужить образцами для образования мн. числа по аналогии, или когда наиболее естественная словоформа мн. числа уже «занята» другим значением. Так, например, известно, как образовать мн. число от слова *молоко* — *молока?*, *молоки?*, *молока?* (трудно найти подходящие образцы; словоформа *молоки* «занята» другим значением).

¹⁰ Обычно мн. число таких существительных обозначает разные виды (сорта, варианты) соответствующего объекта. Это связано с особенностями основного значения таких слов. Значение слов типа *дом, стол, волк* и т. п. включает не только качественную, но и количественную характеристику объекта; напротив, для слов, обозначающих вещество, качество, деятельность, состояние и т. д., существенна только качественная определенность, а количественная мера безразлична. Так, *стол* в одной комнате и *стол* в другой комнате — это уже «стола», а не «стол», а чай в одном стакане и чай в другом стакане — это все равно «чай»; ср. также: *лай многих собак, храбрость этих людей* и т. д. Множественное число в русском языке может обозначать совокупность как одинаковых, так и различных объектов; например, словоформа *дома* может обозначать как несколько одинаковых, так и несколько различных домов. Для слов же типа *чай, храбрость, лай* и т. п. первая возможность отпадает и остается только вторая: обозначение нескольких разных объектов, каждый из которых в отдельности называется «чай», «храбрость», «лай» и т. п. Таким образом, значение, которое имеет мн. число в словоформах *чай, меди* и т. п., есть лишь обусловленный вариант его «обычного» значения (выступающего в словоформах *столы, волки* и т. д.).

зом, отсутствие у *singularia tantum* словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие словоформы встретятся очень редко или вообще не встретятся. Иначе говоря, *singularia tantum* — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ.

Совсем иначе обстоит дело с *pluralia tantum*. Рассмотрим наиболее важную группу *pluralia tantum* — слова, которые обозначают неодушевленные объекты, поддающиеся счету, например: *сани, ножницы, ворота, сумки* (далее сокращенно: «слова типа *сани*») ¹¹. Как известно, эти слова могут обозначать и один, и несколько соответствующих предметов: ср. *одни сани* и *многие сани*, *ворота нашего дома* и *ворота всех домов* и т. д. Таким образом, слова типа *сани* имеют только словоформы с внешними признаками мн. числа, но каждая из этих словоформ имеет не только значение мн. числа, но также и значение ед. числа. Именно поэтому словоформы типа *ножница, *ворота не встречаются никогда (в отличие от словоформ типа *лаи, меди*); в самом деле, значения, для передачи которых эти словоформы могли бы быть построены, уже передаются в языке словоформами типа *ножницы, ворота*. Различие между двумя значениями словоформ *сани, ножницы, ворота* и т. д. точно такое же, как между значениями словоформ *стол* и *стола, окно* и *окна* и т. д. На фоне подавляющего большинства русских существительных, у которых это различие значений выражается внешне, отсутствие такого выражения у слов типа *сани* в соответствии с обычной лингвистической практикой должно быть признано омонимией чисел ¹².

Единственным возражением против такой трактовки может служить, по-видимому, лишь характер согласования подчиненных слов со словами типа *сани*. В самом деле, совпадение словоформ разных чисел встречается в разных языках довольно часто; в русском языке можно указать, например, случаи типа *болото* — *болота* (омонимия на фонетическом уровне) или полное совпадение всех словоформ у слов типа *шоссе*. Но в этих случаях сохраняется обычный тип согласования (*большое болото* — *большие болота, это шоссе* — *эти шоссе*), тогда как у слов типа *сани* противопоставление чисел не выражается даже синтаксически: ср. *одни большие сани* и *многие большие сани*. Это возражение, однако, должно быть отвергнуто. Форма подчиненного слова является решающим аргументом при установлении грамматического значения подчиняющего слова, только если речь идет о классифицирующей грамматической категории, например о роде: ср. *этот городишко* (муж. род), лат. *longa manus* (жен. род), нем. *die ses Weib* (ср. род) и т. д. Действительно, если бы не было согласования, то не было бы и грамматического рода, поэтому утверждение типа «слово *городишко* — мужского рода» и не имеет никакого другого смысла, кроме того, что этому слову соответствует определенный набор форм согласуемого слова. Напротив, существование словоизменительной грамматической категории не зависит от наличия или отсутствия согласования по этой категории; так, во многих языках, имеющих грамматическую категорию числа, прилагательные не согласуются с существительными по этой категории. Когда речь идет о словоизменительных категориях, грамматическое значение словоформ существительного определяется не характером согласования, а совсем иными факторами (различными для разных категорий). В частности, грамматическое число словоформ существительного определяется самим значением этой словоформы (точнее, отношением ее значения к значению противопоставленных ей по этому признаку других словоформ того же существительного). Лишь после того как установлено грамматическое число словоформ существительного, соответствующее грамматическое значение может быть приписано также подчиненной словоформе прилагательного (ср. замечание в разделе 2). Так, например, в словосочетании

¹¹ Прочие группы *pluralia tantum* рассматриваются ниже, в разделе 6.

¹² Косвенным доводом в пользу такой трактовки являются также факты других языков. Как известно, *pluralia tantum* есть во многих языках, однако по своему составу *pluralia tantum* разных языков не соответствуют друг другу: ср. *сани* и англ. *sledge*, франц. *traîneau*; *часы* и англ. *watch, clock*, франц. *montre, horloge* и т. д. При установлении межъязыковых соответствий мы получим, таким образом, типичную картину омонимии: *table* — *стол*, *tables* — *стола*; *sledge* — *сани*, *sledges* — *сани*.

новый дом мы приписываем существительному *дом* грамматическое значение муж. рода только потому, что прилагательное *новый* стоит в форме муж. рода; с числом же дело обстоит наоборот: мы приписываем словоформе *новый* грамматическое значение ед. числа потому, что мы уже знаем (из источника, лежащего вне согласования), что словоформа *дом* имеет грамматическое значение ед. числа. Таким образом, приведенное выше возражение основано на неправомерном переносе на словоизменительную грамматическую категорию числа принципов определения грамматического значения, оправданных только для классифицирующих грамматических категорий.

Итак, *singularia tantum* и *pluralia tantum* отличаются от «обычных» существительных по совершенно разным признакам. Слово типа *лай* отличается от слова *стол* только тем, что у него крайне редко употребляются словоформы со значением и внешними признаками мн. числа. Напротив, у слова *сани* достаточно часто употребляются как словоформы со значением ед. числа, так и словоформы со значением мн. числа; отличие от слова *стол* здесь только в том, что в каждом падеже эти две словоформы омонимичны.

5. Существование 7-го согласовательного класса

К каким согласовательным классам относятся *singularia* и *pluralia tantum*? Для *singularia tantum* ответ на этот вопрос прост: все они распределяются по 6 согласовательным классам, выделенным ранее. В самом деле, любое из них подходит в какой-нибудь из диагностических контекстов, приведенных в разделе 3. Заметим, что почти все *singularia tantum* относятся к «неодушевленным» классам, например, *хворост*, *лай* — к классу 1, *медь*, *возня* — к классу 3, *золото*, *мытье* — к классу 5.

С *pluralia tantum* дело обстоит сложнее. Как известно, в грамматиках, отражающих русский язык после реформы орфографии 1918 г., *pluralia tantum* всегда признаются словами, не имеющими определенного рода. Обоснование такого решения сводится к следующему: род существительного определяется по форме согласованного с ним слова; во мн. числе согласуемые слова родов не различают; *pluralia tantum* имеют только мн. число, следовательно, их род определить нельзя. Более точно эту точку зрения можно сформулировать так: любое слово из числа *pluralia tantum* можно отнести к любому из трех родов, и это не приведет ни к каким ошибкам; поскольку, однако, нет оснований для предпочтения одного рода другим, эти слова не отнесены ни к какому определенному роду.

Разумеется, эта точка зрения целиком основана на положении о том, что *pluralia tantum* не имеют ед. числа. Оказывается, однако, что она неудовлетворительна даже при этой исходной посылке. Как показано в разделе 3, род существительного можно определить не только по словоформам ед. числа, но и по любой словоформе мн. числа: для этого достаточно взять диагностические контексты типа «*вот один* (соответственно *одна, одно*) *из этих ...*». Если изложенная точка зрения верна, то следует ожидать, что, например, слово *сани*, будучи взято в форме род. падежа, подойдет в диагностический контекст для любого из трех родов. Проверка показывает, однако, что в действительности словоформа *саней* не подходит ни в один из этих контекстов. (Чтобы получить грамматически правильную фразу с аналогичным смыслом, нужно сказать: *вот одни из этих саней*.) Таким образом, даже при традиционной точке зрения на устройство парадигмы слов типа *сани* оказывается невозможно отнести эти слова ни к одному из трех родов (и, следовательно, ни к одному из 6 согласовательных классов).

Выше было показано, однако, что более правомерна иная точка зрения, согласно которой слова типа *сани* имеют полную парадигму, включающую не только мн., но и ед. число. При этой точке зрения не принад-

лежность слов типа *сани* ни к одному из «обычных» согласовательных классов оказывается непосредственно очевидной, поскольку этим словам соответствует набор форм согласуемого слова, отличный от всех «обычных» наборов:

П. ед. *новый дом новая стена новое окно новые сани*
И. мн. *новые дома новые стены новые окна новые сани*

В связи с признанием омонимии чисел у слов типа *сани* возникает вопрос, не следует ли признать аналогичную омонимию чисел в словоформах *новые, новые, новым* и т. д. Здесь, вообще говоря, возможны различные решения; два основных типа решений рассмотрены выше (см. замечание в разделе 2). В данном случае, вероятно, целесообразнее признать такую омонимию, т. е. различать, например, *новые₁* (мн. число) — в сочетаниях *новые столы, многие новые сани* — и *новые₂* (ед. число) — в сочетании *одни новые сани*. Такой путь удобнее прежде всего потому, что он принят во всех остальных случаях неоднозначного соответствия между формами существительного и прилагательного. Кроме того, признание самостоятельных словоформ типа *новые₂* (ед. число), омонимичных словоформам типа *новые₁* (мн. число), позволяет объяснить наличие словоформ с внешними признаками мн. числа у тех слов, основное значение которых исключает возможность их присоединения к существительному с дополнительным значением множественности. Таковы слово *один* в его основном (количественном) значении и слово *каждый*. Например, нельзя сказать *одни столы (стены, окна)*, имея в виду количественное значение слова *один*¹³; нельзя также сказать *каждые столы (стены, окна)*. Однако вполне правильны словосочетания: *одни сани, одни сумки* (в количественном значении); *каждые сани, каждые сумки*. Как легко видеть, словоформы *одни* и *каждые* возможны только в тех случаях, где по предлагаемому решению они должны получить грамматическое значение ед. числа. Таким образом, только при этом решении становится формально правильным то интуитивно очевидное положение, что слова *один* и *каждый* не имеют словоформ с грамматическим значением мн. числа.

Как видно из приведенных выше примеров обычной атрибутивной связи, особенность согласования со словами типа *сани* состоит в совпадении форм согласуемого слова при разных числах существительного. Эта особенность распространяется и на другие типы согласовательной связи, ср.: *ворота были открыты; эти часы считаются очень ценными; ножницы, за которыми я пришел; лучшие из этих часов* и т. д. В одном случае, однако, а именно при соединении слов типа *сани* с числительными, правила согласования не выводятся из этой общей особенности. Ниже указан способ соединения слов типа *сани* с теми числительными, форма которых зависит от согласовательного класса связанного с ними существительного.

Числительное *один* подчиняется правилам обычной атрибутивной связи: *одни сумки*, ср. *один дом, одно окно* и т. д.

Числительные 2—4. Им. падеж: *двое, трое, четверо суток*. Слова типа *сани* являются единственной группой слов, для которых возможны только эти словоформы. Наряду с обычными *два, три, четыре* эти словоформы могут выступать также при существительных классов 2 и 6, например: *два врача* и *двое врачей* (см. также выше, раздел 3). В прочих случаях выступают только словоформы *два, две, три, четыре*. В косвенных падежах¹⁴ различие между согласовательными классами почти полностью снимается: *двумя сумками, домами, врачами, неделями* и т. д. (при классах 2 и 6 возможны также словоформы типа *двоими*, например,

¹³ Другие значения слова *один* вполне допускают присоединение его к существительному во мн. числе, ср.: *я знаю одного человека, который... и я знаю одних людей, которые...; один стул стоит, другой лежит и одни стулья стоят, другие лежат; остался один мусор и остались одни окурки* и т. д.

¹⁴ Здесь и ниже, где речь идет о косвенных падежах, имеется в виду: кроме винительного. Вин. падеж совпадает: при существительных классов 1, 3, 5 и при существительных типа *сани* — с им. падежом, при существительных классов 2, 4, 6 — с род. падежом.

двоими врачами; при словах типа *сани* эти словоформы теоретически также допустимы, но неупотребительны).

Числительные 5—10. В им. падеже слова типа *сани* вместе со словами классов 2 и 6 отличаются от остальных тем, что наряду с обычными сочетаниями типа *пять суток* (ср. *пять домов, врачей, недель* и т. д.) здесь возможны также сочетания типа *пятеро суток* (ср. *пятеро врачей*). В косвенных падежах действуют те же правила, что для числительных 2—4: *пятью сутками, домами, врачами, неделями* и т. д. (допустимо *пятерыми врачами; пятерыми сутками* неупотребительно).

Числительное *полтора*. Словоформы им. падежа для существительных типа *сани* в литературном языке нет; в просторечии, однако, эта пустая клетка может заполняться словоформой *пóлтора* (например, *пóлтора суток*), которая явно построена по пропорции *четыре : четверо = полтора : х*. В косвенных падежах выступает единая для всех классов словоформа: *полтора сутками, днями, неделями, вебрами* и т. д.

Числительное *оба*. Словоформы им. падежа для существительных типа *сани* в литературном языке нет; в просторечии встречается словоформа *обои*. В косвенных падежах с этими словами употребляются те же словоформы, что со словами муж. и ср. родов (например, *обоими ножницами, санями, воротами*, ср. *обоими домами, окнами*) в отличие от слов жен. рода (*обеими руками*). Характерно, что среди слов типа *сани* в этом отношении не обнаруживается никаких различий между словами с морфологическими признаками муж. и ср. родов (*часы, ворота*) и словами с морфологическими признаками жен. рода (*ножницы, брюки*). Следует подчеркнуть, однако, что в разговорном языке словоформы *обеих, обоим, обеими* исчезают и, таким образом, в этом пункте различие между согласовательными классами вообще снимается.

Итак, рассмотрев все основные типы согласовательной связи, мы убеждаемся, во-первых, в том, что слова типа *сани* не принадлежат ни к одному из шести выделенных ранее согласовательных классов, во-вторых, в том, что внутри самой этой группы не обнаруживается никаких различий в правилах согласования, т. е. что все они должны быть отнесены к одному и тому же согласовательному классу. Иначе говоря, все слова типа *сани* принадлежат к особому, с е д ь м о м у согласовательному классу.

6. Все ли *pluralia tantum* принадлежат к 7-му согласовательному классу?

Можно ли вместе со словами типа *сани* отнести к 7-му согласовательному классу также и прочие группы *pluralia tantum*? Прежде всего необходимо выяснить, все ли *pluralia tantum* находятся за пределами 6 «обычных» согласовательных классов. Проверка с помощью диагностических контекстов, приведенных в разделе 3 (группа б), показывает, что небольшое число *pluralia tantum* относится к «обычным» классам. Таковы все *pluralia tantum*, означающие одушевленные объекты: например, слова *ребята, ребятки, внучата, родители* относятся к классу 2 (ср. *я видел одного из этих ребят, ребятшек, внучат, родителей*), слово *девчата* — к классу 4 (ср. *вот одна из тех девчат, которых вы видели*)¹⁵. Следует учитывать, кроме того, что существует довольно большая группа слов, не

¹⁵ В отличие от слов типа *сани*, эти слова всегда имеют значение мн. числа, т. е. у них действительно отсутствует ед. число. Эта аномалия объясняется точно теми же внешними причинами, что отсутствие мн. числа у таких слов, как *молоко* (см. примеч. 9), а именно: для слов *девчата, ребятки* нет подходящего образа ед. числа; у слов *ребята, родители* и др. наиболее естественная словоформа ед. числа (*ребенок, родитель*) имеет другое значение.

относящихся к числу *pluralia tantum*, но внешне сходных с ними, в частности, в том, что они представлены в словарях словоформами с внешними признаками мн. числа (некоторые из таких слов одними словарями трактуются как обычные существительные, другими — как *pluralia tantum*). Это слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе, например: *grenки, инициалы, медикаменты, экивоки; буквы, катакомбы, мириады, шпалы; стропила, жвала*; сюда относятся также и некоторые названия лиц, например: *близнецы, хамиты, хозары*. Такие слова, разумеется, принадлежат к «обычным» согласовательным классам. Отметим, что именно эти слова (а не слова типа *сани*) являются истинными аналогами *singularia tantum*.

Прочие *pluralia tantum* (например, *чернила, щип, деньги, джунгли, побои, хлопоты*) так же, как и слова типа *сани*, нельзя отнести ни к одному из «обычных» согласовательных классов. Но они не вполне сходны и со словами типа *сани*, поскольку, в отличие от последних, они не соединяются с числительными. Легко заметить, однако, что по своим значениям *pluralia tantum* этой группы совершенно сходны с *singularia tantum* шести первых согласовательных классов; ср., например: 1) *чернила, сливки, щип, помой и хворост, сено, мыло, медь, баранина*; 2) *джунгли, восток, финансы и листья, мошкара, тряпье, зверье*; 3) *сборы, хлопоты, мелоды, побои и лай, смех, беготня, тоска, мытье, хвостовство*. Этот факт позволяет объяснить все особенности слов данной группы, отличающие их от слов типа *сани*: у них не употребляются все те сочетания, которые требуют по смыслу мн. числа объекта (например, сочетания с числительными) — совершенно так же, как у обычных *singularia tantum*. Иначе говоря, эти слова составляют такую же подгруппу внутри 7-го согласовательного класса, как слова типа *лай* — внутри класса 1, слова типа *медь* — внутри класса 3, слова типа *сено* — внутри класса 5. Таким образом, слова типа *чернила* — это *singularia tantum* 7-го согласовательного класса. Заметим, что, как и прочие *singularia tantum*, они могут при особой необходимости употребляться и во мн. числе (по смыслу): например, словоформа *чернила* может обозначать и несколько сортов чернил (ср. *мылѧ, меди и т. п.*).

Установленные выше соотношения между разными группами существительных можно представить в виде следующей таблицы (для упрощения из первых шести классов взяты только «неодушевленные»):

Таблица 2

	Употребительно оба числа	Употребительно преимущественно ед. число	Употребительно преимущественно мн. число
Класс 1	<i>дом</i>	<i>лай</i>	<i>инициалы</i>
Класс 3	<i>стена</i>	<i>медь</i>	<i>буквы</i>
Класс 5	<i>окно</i>	<i>сено</i>	<i>стропила</i>
Класс 7	<i>сани</i>	<i>чернила</i>	—

7. Омонимия существительных 7-го согласовательного класса и мн. числа существительных других классов

Во многих случаях словоформы существительных 7-го класса оказываются омонимичными словоформам мн. числа существительных других классов; ср., например, *часы* (слово 7-го класса) и *часы* (мн. число слова 1-го класса *час*). Эту омонимию удобно показать, например, с помощью английских переводов:

ед. число: *час* «hour» *часы*₂ «watch»
 мн. число: *часы*₁ «hours» *часы*₃ «watches»

Ср. также *очки — очко, счеты — счет, сборы — сбор, черви — червь, грязи — грязь* и многие другие. Такие слова обычно составляют в словарях разные статьи. Однако случаев подобной омонимии на самом деле много больше, чем отмечено в словарях. Совершенно такое же соотношение следует признать, например, между словами *сапог* и *сапоги*, *чулок* и *чулки*, *рука* и *руки* и во многих других случаях, когда два предмета (реже несколько предметов) образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно. В самом деле, например, «сапоги» (в значении «пара сапог») — это уже особый предмет, а не просто два сапога (два наугад вятых сапога могут оказаться, например, разного размера или на одну ногу, и тогда они уже не образуют пары сапог, т. е. одного экземпляра определенного вида обуви). Таким образом, имеются:

слово «сапог»	слово «сапоги»
ед. число: <i>сапог</i>	<i>сапоги</i> ₂ (пара сапог)
мн. число: <i>сапоги</i> ₁ (разрозненные, например, одни левые)	<i>сапоги</i> ₃ (несколько пар сапог)

Слово *сапоги* с синтаксической точки зрения совершенно сходно со словами типа *сани*; например, можно сказать: *равно одни сапоги* (ср. *равно одни сани*), *двое сапог*, *которые я получил* (ср. *двое саней, которые я получил*) и т. д. В то же время нельзя сказать, например, *равно одни сапоги* (*книги, ведра*), *двое сапогов* (*книг, ведер*), *которые я получил*. Таким образом, омонимия рассматриваемого типа можно выявить и формальным способом — подстановкой в контексты, характерные для 7-го согласовательного класса.

З а м е ч а н и е. Существование особой лексемы *сапоги* можно показать также следующим простым рассуждением. Как известно, *двое сапог* — это 2 предмета, называемых «сапоги», или 4 предмета, называемых «сапог». Считать, что в данном словосочетании словоформа *сапог* принадлежит лексеме *сапог* (а не лексеме *сапоги*) — значит приписывать словоформе *двое* значение «4» (а не «2»), что, разумеется, нелепо (ср. *двое мужчин, двое саней* и т. д.).

В некоторых случаях из тройки омонимичных словоформ типа *сапоги* реально почти всегда встречается только одна — ед. число слова 7-го класса; таковы, например, словоформы *небеса, телеса, кружева*.

У многих существительных 7-го класса, омонимичных с мн. числом существительных муж. рода, наблюдается следующая внешняя особенность: нулевое окончание в род. падеже (вместо ожидаемого *-ов*). Таковы, например, слова: *ботинки, валенки, погоны, сапоги, сапбжеки, чулки; волосы, глаза, глázky, рbжки* и др. В подобных случаях можно обнаружить некоторую тенденцию к противопоставлению словоформ род. падежа слова 7-го класса с нулевым окончанием словоформе Р. мн. слова 1-го класса с окончанием *-ов*. Так, по-видимому, можно сказать, например: *из трех сапогов вылезло по котенку* (ср. *бери любые из этих сапог*). Наиболее явно это противопоставление обнаруживается в тех случаях, когда слово 1-го класса выступает в значении, не предполагающем естественного объединения объектов в пары, например: *продажа чулок, сапог, но много синих чулков, догоним этих сапогов* (В. мн. от сапог «неумелый, неловкий человек»). Ср. также словоформы *глазок, зубок, рbжек, сапбжек* и *глазбе* (отверстий), *зубков* (зубчиков), *рожекбе* (инструментов), *сапбжбе* (деталей); здесь противопоставление выражено не только окончаниями, но также местом ударения.

Обычным средством избежать подобной омонимии, когда она становится нежелательной, является использование слова *пара*: *две пары туфель, сапог, рук*. При этом слово *пара* утрачивает свое основное значение и выступает в качестве полусловоматерного счетного слова с обобщенным значением «единица счета» (подобно словам *штука, человек* и т. п.); это видно из сочетаний вроде *пять пар часов*, значащих то же самое, что, например, *пять штук часов*.

8. Место 7-го согласовательного класса среди остальных

Выявленные выше семь согласовательных классов охватывают все русские существительные (при определенной точке зрения на границы слова¹⁶); иначе говоря, они образуют действительную классификацию существительных, в отличие от традиционной системы родов.

¹⁶ Условие, при котором это утверждение верно, состоит в следующем: соединения морфемы *пол* с последующим род. падежом существительного (например, *полчася, полведра, полверсты*) должны рассматриваться, вопреки современному написанию, не как единые словоформы, а как словосочетания, аналогичные, например, словосочета-

Внутренние отношения между первыми шестью классами выявлены выше. Каково же отношение 7-го согласовательного класса к первым шести? Легко обнаружить, что как по значению, так и по внешним особенностям (совпадение вин. падежа с им. падежом) 7-й класс объединяется с «неодушевленными» классами (1, 3, 5). Что же касается деления классов по родам, то здесь 7-й класс не обнаруживает большей близости ни к одному из трех родов. От всех трех родов сразу он отличается омонимией словоформ разных чисел. Таким образом, отношения между семью согласовательными классами можно представить в виде системы противопоставлений по трем признакам:

Т а б л и ц а 3

		Род		
		Мужской	Женский	Средний
Одушевленность				
Неодуш.	ед. и мн. ч. различаются	класс 1 (дом)	класс 3 (стена)	класс 5 (окно)
	ед. и мн. ч. омонимичны	класс 7 (сани)		
Одуш.	ед. и мн. ч. различаются	класс 2 (врач)	класс 4 (коза)	класс 6 (чудовище)
	ед. и мн. ч. омонимичны	—		

Характерной чертой этой системы является то, что омонимия чисел нейтрализует признак рода. Эта черта является специфической особенностью современного русского языка, отличающей его от многих других языков, имеющих грамматический род. Так, например, в латыни, французском, испанском, сербскохорватском, чешском омонимия чисел не исключает различия родов (ср., например, франц. *grands ciseaux* и *grandes jumelles*). Разумеется, в таких языках признаки «род» и «совпадение или несовпадение словоформ разных чисел» должны строго разделяться. Но для русского языка построенная таким образом система оказывается весьма неэкономной. Поэтому наряду с нею может быть предложена более «компактная» система, получаемая объединением этих двух признаков в единый признак, принимающий четыре значения. За этим объединенным признаком можно сохранить название «род». Система согласовательных классов получает в этом случае следующий вид:

ниям два часа, три ведра и т. д. (а такие словоформы, как *получаса*, *полуведром*, *полувёрсты* и т. д., должны считаться принадлежащими лексемам *получас*, *полуведро*, *полувёрста*). В академической грамматике принято другое решение: в соответствии с написанием *полчаса*, *полведра* и т. д. считаются едиными словоформами; признаются парадигмы следующего вида: И. В. ед. *полчаса*, Р. ед. *получаса*, Д. ед. *полчасу* и т. д. Из этого решения с необходимостью вытекает признание еще трех согласовательных классов, которым соответствуют следующие наборы форм согласуемого слова: 1) эти полчаса, этого получаса, ..., один из этих получасов; 2) эти полведра, этого полуведра, ..., одно из этих полуведер; 3) эти полвёрсты, этой полвёрсты, ... По совокупности разных критериев, по-видимому, следует признать более целесообразным первое решение.

Таблица 4

Род \ Одушевленность	Род			
	Мужской	Женский	Средний	4-й
Неодуш.	класс 1 (дом)	класс 3 (стена)	класс 5 (окно)	класс 7 (сани)
Одуш.	класс 2 (врач)	класс 4 (коза)	класс 6 (чудовище)	—

При этом способе представления согласовательных классов различаются, таким образом, не три, а четыре рода существительных; четвертый род русских существительных можно назвать «парным»¹⁷.

Итак, существительные современного русского языка объективно распадаются на 7 согласовательных классов. Внутренние отношения между этими классами могут быть представлены либо в виде системы, построенной на трех различительных признаках (традиционный род, одушевленность — неодушевленность и совпадение или несовпадение разных чисел), либо в виде более компактной системы, построенной на противопоставлении 4 родов и противопоставлении по одушевленности — неодушевленности¹⁸.

¹⁷ Разумеется, далеко не всякое слово парного рода содержит в своем значении элемент парности, но в этом отношении термин «парный» вполне сходен с терминами «мужской» или «женский», которые тоже опираются на признак, характерный только для наиболее важной группы слов соответствующего рода.

¹⁸ Автор приносит глубокую благодарность И. А. Мельчуку и В. А. Успенскому за искреннее участие и неоценимую помощь.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ДЖ. ГРИНБЕРГ

НЕКОТОРЫЕ ОБОБЩЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОЗМОЖНЫХ
НАЧАЛЬНЫХ И КОНЕЧНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ
СОГЛАСНЫХ

В настоящей работе, имеющей предварительный характер, предлагается ряд правил, сформулированных относительно начальных и конечных последовательностей согласных на материале 104 языков¹, на которые только и распространяются сделанные нами выводы. Разумно заключить, однако, что хотя при дальнейших исследованиях возможно выявление исключений, они будут немногочисленными, в связи с чем нельзя отрицать по крайней мере статистическую правильность утверждений, сделанных ниже.

Большинство прежних исследований о сочетаниях согласных более или менее непосредственно связывалось с вопросом о возможном функциональном определении фонем в терминах их поведения в тех или иных комбинациях. Почти единственную в своем роде попытку обобщить основные характеристики сочетаний согласных можно найти в статье Б. Трики, которая подверглась критике со стороны Н. Трубецкого². Важнейшее положение Трики, относящееся к теме настоящей статьи: «фонемы, дифференцируемые признаком корреляции, никогда не сочетаются в одной и той же морфеме...», как показал Трубецкой, в своем самом общем виде неверно, ибо, например, сочетание носового и звонкого является не только допустимой, но даже излюбленной комбинацией. Однако указанное утверждение имеет силу по отношению к некоторым дифференциальным признакам при определенных условиях. Правила 11, 12 и 13 (см. ниже) являются типичными случаями проведения этого принципа. Трика также указал на невозможность сочетания двух различных видов шипящих, что нашло отражение в правиле 16 (см. ниже). Кроме того, полезной оказалась данная Трикой оценка границ морфем, ибо она позволяет получать комбинации, невозможные внутри морфемы. Этот момент учитывался при формулировании многих универсалий, приводимых в данной статье.

Другим положением, которым мы воспользовались в нашей работе, является принцип разложимости (resolvability), предложенный Л. Ельмслевом. Сущность этого принципа заключается в том, что последовательности

¹ Исследование осуществлено в плане работ Отделения бихевиоризма при Национальном институте здравоохранения; при собирании материалов мне оказывал помощь Б. Дин.

² В. Т р и к а, General laws of phonemic combinations, TCLP, 6, 1934; N. S. Т р о у б е т з к о у, Principes de phonologie, Paris, 1949, стр. 264—268. О том, как мало сделано в этой области, говорит тот факт, что в общей таблице универсалий, приложенной к рецензии Б. Успенского на сб. «Universals of language», Cambridge (Mass.), 1963 (ВЯ, 1963, 5), вовсе не упоминаются универсалии сочетаний согласных.

согласных большой протяженности вообще включают в себя более короткие последовательности, в равной мере бытующие в языке³. Это положение легло в основу нашего правила 2.

Языки, привлеченные к исследованию, перечисляются в приложенном в конце статьи списке с приведением основных источников, использованных для изучения каждого из них⁴; для удобства при ссылках на тот или иной язык в тексте статьи каждый язык обозначается определенным номером. Случаи, когда рассматриваемый материал недостаточен по полноте или по получаемой от него фонетической информации, специально оговариваются. Вполне понятно, что даже неполная информация по некоторым языкам может явиться достаточным основанием для тех или иных правил, тогда как в других случаях такая информация явно недостаточна. Так, заключение о том, что за латеральным (боковым) звуком никогда не следует «дрожащий» (*r*) может быть опровергнуто одним достоверным примером из описания, характеризующегося существенной неполнотой; с другой стороны, такой пример недостаточен для опровержения обобщения другого типа, например следующего: в каждом языке, в котором имеется начальный шумный, за которым следует носовой, имеется также определенная комбинация начального шумного с последующим плавным. В этом случае в результате анализа можно обнаружить среди прочих сочетаний сочетание [kn], но ввиду недостаточности материала не найти примеров типа [kr].

Необходимость исключить из рассмотрения срединные сочетания диктовалась главным образом практическими соображениями, поскольку число таких комбинаций часто очень велико. Кроме того, многие источники, используемые в настоящей работе, содержат только утверждения относительно начальных и конечных сочетаний. Изучение срединных сочетаний поднимает также ряд теоретических проблем, решения которых не требуется в случае начальных и конечных сочетаний. Например, в языках с одиночными (single) слоговыми начальными и конечными согласными или сочетаниями (за исключением возможных явлений сандхи, которые отражаются в слове) срединные сочетания, получаемые на стыках слов, обычно можно предсказать по начальным и конечным комбинациям. Такие сочетания следует отличать от тех, которые входят непосредственно в слово и которые могут присутствовать или не присутствовать в языках независимо от существования сочетаний на стыках слов. С другой стороны, среди внутренних сочетаний в словах следует проводить различие между морфемной границей и внутренними сочетаниями в морфемах. Подобные различия часто не учитываются в существующих исследованиях срединных сочетаний. При исследовании начальных и конечных последовательностей согласных было зарегистрировано много побочного материала, касающегося срединных сочетаний. В частности, нами произведено сопоставление ограниченного числа таких языков, где и в начале и конце слов встречаются только отдельные согласные вне сочетания с другими согласными, а в середине слов имеются комбинации звуков (например, тамильский, эскимосский); результаты будут опубликованы в виде отдельной работы.

³ L. Hjelmslev, On the principles of phonematics, «Proceedings of the II international congress of phonetic sciences», Cambridge (Mass.), 1936.

⁴ Принимая во внимание тот факт, что в настоящее время мною подготавливается специальная монография на рассматриваемую тему, в которую будет включена полная библиография и в которой будут приведены возможные последовательности согласных для каждого языка, в настоящей статье не приводятся многие работы, к которым пришлось обращаться в процессе исследования.

Прежде чем приступить к изложению конкретных результатов исследования, необходимо рассмотреть несколько теоретических проблем, связанных с методом анализа. Краткость приводимого обсуждения объясняется тем, что методика рассматривается здесь лишь постольку, поскольку она касается процедуры, используемой в настоящем исследовании. Для эффективного сопоставления данных различных языков необходимо решить ряд проблем, связанных с определением понятия сочетания согласных. Первая проблема состоит в определении согласного. В соответствии с традиционным пониманием согласный трактуется здесь в терминах его функций в пределах слога, т. е. скорее как граница (*margin*), а не вершина слога. Это означает, что среди слоговых и неслоговых аллофонов одной и той же фонемы, например [u], [w] в некоторых языках, только неслоговые признаются согласными. Строго говоря, когда в одной и той же фонеме имеются оба аллофона — согласный и гласный, то это различие является нерелевантным признаком рассматриваемой фонемы и в то же время именно оно представляет собой центральный вопрос в настоящем исследовании. Такие же различия возникают и в других случаях. Рассмотрим, например, приводимое ниже правило 5. Согласно этому правилу, наличие конечных гетероганнх сочетаний носовых и шумных в каком-либо языке означает наличие сочетаний гомоганнх фонем. Во многих языках имеются конечные сочетания, фонетически транскрибируемые как [hk] или [hg], где [h] следует считать вариантом фонемы /n/ наряду с другими ее вариантами [n] и [h]. Поверхностное рассмотрение фонемной транскрипции /nk/ может привести к интерпретации этого сочетания как гетероганного. Однако, строго говоря, если учесть, что в этом случае различие между дентально-альвеолярной и велярной позицией не является различительным признаком, с фонологической точки зрения нельзя причислить это сочетание ни к гетероганнх, ни к гомоганнх. Все же классификация звуков на чисто фонетической основе дает возможность сравнивать различные языки и делать общие выводы⁵. Вполне очевидно, что одна и та же тенденция, действующая в различных языках, в одном из языков ведет к определенной дистрибуции аллофонов [n] и [h], в то время как в другом языке, в котором имеются отличные друг от друга фонемы /n/ и /h/, эта тенденция ведет к предпочтению последовательностей типа /nd/ и /hg/ в отличие от /ng/ и /hg/. Этим, конечно, не ставится под сомнение ценность фонемного анализа при описании отдельных языков.

В связи с тем, что сведения об аллофонах, как это можно было видеть, имеют большое значение для настоящего исследования, формулировки фонемных сочетаний, встречающиеся в литературе, заменялись фонетическими описаниями, даваемыми в тех же или других работах. По той же причине данные древних языков не учитывались при рассмотрении избранных нами для анализа 104 языков, хотя в отдельных случаях (когда отсутствие фонетических подробностей серьезно влияло на выдвигаемые гипотезы) такие языки принимались во внимание.

Трудности возникают также в связи с понятием «сочетание» (*cluster*), входящим в термин «сочетание согласных». Хорошо известно, что для некоторых классов звуков не удалось выработать непротиворечивого, заслужившего всеобщего признания критерия, который давал бы возможность

⁵ Сказанное здесь вполне согласуется с мнением Э. Фишер-Йоргенсен о том, что «тенденции к свободным комбинациям или к определенным ограничениям между различными частями слога, видимо, легче формулируются в том случае, когда части слога определяются на фонетической основе» (E. Fischer-Jørgensen, On the definition of phoneme categories on a distributional basis, AL, VII, 1—2, Copenhagen, 1952, стр. 14).

решить вопрос о том, имеем ли мы дело с сочетанием или с последовательностью фонем в отличие от отдельной фонемы. Так, в языках с фонемным противопоставлением аспирированных и неаспирированных согласных решение вопроса о том, имеем ли мы дело с отдельной фонемой, например /p^h/, или с сочетанием /ph/, зависит от соображений симметрии или «модели» звуковой системы вообще, что часто ведет к различным решениям вопроса даже в пределах одного и того же языка. Для эффективного сравнения языков совершенно необходимо в таких случаях остановиться на том или ином решении (даже и произвольном) и последовательно применять его в процессе анализа. Вообще разбираемые последовательности хорошо определены в классической работе по фонологии Н. Трубецкого, где они характеризуются соответственно как «произведенные одним артикуляционным движением или посредством последовательного разъединения артикуляционного комплекса»⁶. В первом из этих случаев, где речь идет об аффрикатах, в нашей работе постулируется наличие сочетания «смычный + фрикативный»; в последнем случае мы имеем дело с отдельными согласными (в том числе с аспирированными, глоттализированными, лабиализованными, палатализированными, веляризованными и фарингализованными звуками). Последовательность «носовой + гоморганный звонкий смычный», которая некоторыми исследователями для определенных языков рассматривается как отдельная фонема (например, в языке фиджи), в данной работе всегда считается сочетанием.

Возникает также проблема определения терминов «начальный» и «конечный». В принципе всегда имеется в виду начало и конец высказывания. В большинстве специальных исследований начало и конец слова в общем означает то же самое, что и начало и конец высказывания. В том случае, однако, когда слово подчиняется правилам сандхи, для формулировки тех или иных правил можно принять во внимание только начальные и конечные формы высказывания. В тех случаях, когда обнаруживается, что граница слова проходит между элементами последовательности согласных, которая реально или потенциально является началом или концом высказывания, такая последовательность считается бесспорным сочетанием. Так в русск. *v dom'e* мы усматриваем начальное сочетание согласных /vd/.

Особые трудности возникают в связи с трактовкой сочетаний в ассимилированных словах. Трудно провести линию раздела между чужими формами и формами, полностью ассимилированными в языке. Отметим, что в одних исследованиях используются различия между чужими и исконными сочетаниями, в других такого различия не проводится. При сборе материала для настоящей работы по возможности проводилось различие между чужими и исконными сочетаниями, для чего использовались оригинальные источники (если таковые имеются), этимологические словари или собственный опыт исследователя. Однако в связи с тем, что такого разграничения не удалось произвести для всех исследуемых языков, в данной работе при формулировке тех или иных правил учитываются как заимствованные, так и исконные сочетания. Хотя исключение сочетаний, которые встречаются в том или ином языке только в заимствованных формах, изменило бы место некоторых языков в типологической классификации (см. прилагаемые ниже таблицы), принятая нами трактовка сочетаний в ассимилированных словах никак не может обесценить приводимых ниже правил.

Следующей проблемой является различение таких сочетаний, которые возникают в пределах границ морфемы, и таких, которые выходят

⁶ N. S. Trubetzkoy, указ. соч., стр. 58.

за эти пределы. Мы старались по мере возможности учитывать это различие; однако в некоторых случаях информация, имевшаяся в нашем распоряжении, была недостаточной для решения этой проблемы. В некоторых случаях, где имелись достаточные фактические данные, существование морфемных границ отмечается при формулировании соответствующих правил.

Наконец, возникает вопрос о том, какую разновидность языка следует привлекать для исследования; большое значение имеет даже быстрота речи, ибо во многих случаях определенные последовательности согласных, встречаемые в медленной и более тщательной речи, сокращаются или ассимилируются в более быстрой или в разговорной речи. В основном в данной работе рассматривалась «стандартная» форма языков, обычно лучше всего описанная с фонетической точки зрения. Соответствующая ссылка в библиографии обычно дает достаточную информацию об использовании в работе той или иной разновидности языка. Так, для языка хинди используется диалект рашкханди, для языка карен — диалект сау. Что касается быстроты речи, то, в основном, используются формы медленной речи (*lento*), а не быстрая речь (*allegro*), хотя приводятся данные и в отношении форм *allegro* в тех случаях, когда они имеются. Следует отметить, что рассмотрение форм *allegro* дает возможность глубже понять «трудные» и менее обычные звуковые последовательности, а также направление исторических изменений. Однако систематическое рассмотрение подобных случаев будет возможно в специальном исследовании.

Вообще оказалось целесообразным различать начальные и конечные сочетания как отдельные системы, каждая из которых наделена совершенно определенными (хотя часто и одинаковыми) свойствами. При исследовании 104 языков выявилось 90 начальных систем и 62 конечные системы. Хотя определенные связи между начальными и конечными системами нельзя исключать, в общем очевидно их независимое функционирование; во всяком случае оказалось невозможным сформулировать какие-либо правила, связывающие эти системы.

Прежде всего сформулируем правила, относящиеся к свойствам начальных и конечных систем в зависимости от длины звуковых последовательностей.

1. Если в начальных и конечных системах x — число последовательностей протяженностью m , а y — число последовательностей протяженностью n , причем $m > n$, и p — число согласных фонем, то $\frac{x}{p^m} \leq \frac{y}{p^n}$. Другими словами, возможности различных логически допустимых сочетаний уменьшаются или остаются прежними при увеличении протяженности последовательностей. Это можно иллюстрировать на примере начальных сочетаний в английском языке, где число согласных фонем равно 22, причем все они, за исключением /ʒ/ и /b/, встречаются как отдельные фонемы. Число логически возможных последовательностей протяженностью 2 выражается следующим образом: $22^2 = 484$, из которых реально встречается 28. Число возможных комбинаций при протяженности 3 равно $22^3 = 10\ 648$, из которых реально встречаются только 8. Последовательностей протяженностью более 3 не обнаружено. Отсюда:

$$\frac{20}{22}(L=1) > \frac{28}{484}(L=2) > \frac{8}{10\ 648}(L=3) > 0(L=4) = 0(L=5)$$

и т. д.

Как видно из приведенных данных, абсолютное число комбинаций протяженностью 2 (т. е. 28) больше числа подобных комбинаций протяженностью 3 (т. е. 8) и т. д. В то же время для предельного случая $L = 1$ оказывается, что число одиночно употребляемых согласных меньше числа

комбинаций протяженностью 2. В связи с этим можно сделать следующее утверждение относительно абсолютной протяженности.

2. Если в начальных и конечных системах x — число последовательностей протяженностью m , а y — число последовательностей протяженностью n , причем $m > n$, а $n \geq 2$, то $x \leq y$.

Сформулированное в «Memorandum concerning language universals» утверждение [если оказывается, что слоги, содержащие последовательности из n согласных в каком-либо языке представляют собой силлабические типы, то последовательности протяженности $n - 1$ согласных должны также встречаться в соответствующей позиции (перед или после гласной)]. Исключение составляет случай, когда не наблюдается перехода $CV \rightarrow V$]⁷ можно рассматривать как следствие приведенных выше правил 1 или 2, по крайней мере постольку, поскольку речь идет об инициалах и финалах слова как особом случае начала и конца слога. Наконец, в правилах 1 и 2 не делается никаких утверждений относительно $L = 0$, ибо в этом случае речь не идет о звуковых комбинациях.

Вообще правила 1 и 2, для которых не было найдено исключений в 104 исследованных нами языках, являются объективным свидетельством трудностей, возникающих при исследовании сочетаний согласных. Нам представляется, что предпочтение, отдаваемое последовательностям небольшой протяженности (правила 1—2), вполне согласуется с диахронической тенденцией к упрощению сочетаний, ибо любое упрощение автоматически уменьшает (абсолютно и относительно) число последовательностей, протяженность которых поддается уменьшению, и увеличивает число последовательностей небольшой протяженности.

Следующее правило касается свойства последовательностей, которое можно назвать их разложимостью, и основано на гипотезе, впервые сформулированной Ельмслевом.

3. Каждая начальная или конечная последовательность протяженностью m содержит по крайней мере одну непрерывную «подпоследовательность» протяженностью $m - 1$.

В подавляющем большинстве случаев последовательность легко разлагается. Это выражается в том, что любая непрерывная «подпоследовательность», независимо от ее протяженности, может встречаться как самостоятельная последовательность. Как и в предыдущих случаях, количество исключений из правила 3, обнаруженных при анализе собранного материала, весьма невелико. Эти исключения (общее количество их равно 10) наблюдаются в языках чатино, паме и кёр д'ален. Таким образом, хотя правило 3 имеет только статистическую ценность, оно далеко не является отражением случайности. То, что рассматриваемая закономерность не является случайной в отдельных языках, можно иллюстрировать на примере начальных сочетаний в английском языке. Все 8 английских сочетаний протяженностью 3 (*skw, skr, skl, skj, spl, spj, spr* и *str*) полностью разложимы. Единственными начальными сочетаниями протяженностью 3, которые можно образовать из сочетаний протяженностью 2 и которые отвечают требованиям полной разложимости, являются следующие: *spl, spr, spj, str, stw, skl, skr, skj, skw, sfl, sfr, sfj*. То обстоятельство, что все 8 сочетаний, выбранные наугад из $20^3 = 8000$ логически возможных комбинаций, входят в набор из 12 сочетаний, чисто статистически, конечно, имеет большое значение. Это правило можно переформулировать следующим образом. В каждой начальной и конечной системе, независимо от ее протяженности, число полностью разложимых

⁷ «Universals of language», ed. by J. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963, стр. 263.

последовательностей больше, чем число последовательностей, не поддающихся полному разложению. Рассмотрение привлекаемого нами для анализа материала не обнаружило каких-либо исключений из указанного правила. Причины явления разложимости заключаются, по крайней мере частично, в том, что последовательности большей протяженности образуются из более коротких сочетаний путем морфологической или синтаксической комбинации. Последняя встречается, например, в начальных последовательностях согласных в славянских языках, где имеются предлоги, состоящие из одного согласного. Отсюда в качестве общего правила должно следовать, что чем больше протяженность той или иной последовательности, тем более вероятно, что она содержит одну или более морфемных границ или границ слова. К сожалению, лишь для немногих языков удалось произвести классификацию последовательностей в этом аспекте. Различалось два класса последовательностей: последовательности, которые встречаются исключительно тогда, когда они содержат морфемную границу или границу слова, и последовательности, в которых (по крайней мере в некоторых случаях) не проходит внутренняя граница. Следующее правило представляет собой лишь предполагаемую возможность, проверенную на нескольких примерах, приводимых ниже.

4. Если в начальных и конечных системах имеются последовательности, протяженность которых составляет соответственно m и n , причем $m > n$, то размеры последовательностей, которые встречаются только при внутренних морфемных границах и имеют протяженность m , равны или больше размеров таких же последовательностей с протяженностью n . Ввиду того что каждая граница слова является также морфемной границей, указанное правило вполне достаточно сформулировать в терминах морфемных границ.

Среди исследованных языков были кёр д'ален и голландский. В начальных сочетаниях языка кёр д'ален обнаружены следующие соотношения:

$$\frac{0}{42}(L=1) < \frac{83}{88}(L=2) < \frac{42}{42}(L=3) = \frac{2}{2}(L=4).$$

В конечных сочетаниях:

$$\frac{0}{42}(L=1) < \frac{62}{77}(L=3) < \frac{11}{12}(L=4) < \frac{1}{1}(L=5).$$

В голландских начальных сочетаниях не обнаружено морфемных границ. В связи с этим результаты имеют следующий вид:

$$0(L=1) = 0(L=2) = 0(L=3).$$

Числовые соотношения конечных сочетаний в голландском языке выражаются так:

$$\frac{0}{11}(L=1) < \frac{2}{38}(L=2) < \frac{20}{32}(L=3) < \frac{10}{11}(L=4) < \frac{2}{2}(L=5).$$

Переходим к правилам более специального характера. Эти правила можно классифицировать с двух точек зрения: с логической и с материальной. Логически, если система обладает определенным свойством ϕ , то она обладает и каким-то другим свойством ψ . Большинство правил, приводимых здесь, имеет именно такой характер. Если свойства ϕ и ψ взаимно обуславливают друг друга, то они являются эквивалентными. Любой язык, имеющий свойство ϕ , обладает и свойством ψ , и наоборот. Другой вид логических утверждений относится к пересечению всех систем. Такие свойства можно считать основными в том смысле, что они относятся ко всем системам (даже к системам с наименьшим количеством звуковых комбинаций). При противоположном виде утверждений мы имеем дело

с необычными (избегаемыми) в языке комбинациями. Если какой-то определенный логически возможный тип комбинаций не встречается ни в одной системе, то он представляет собой дополнение к сумме классов всех систем. В этом случае даже система с наибольшей протяженностью не обладает именно данным свойством.

С материальной или фонетической точки зрения выдвигаются правила относительно предпочтения тех или иных типов согласных или их последовательностей по сравнению с другими согласными или последовательностями согласных. Такие правила можно классифицировать на контекстуальные, ординальные и абсолютные. Контекстуальным мы называем правило предпочтения одного класса согласных другому в определенном контексте. Контекст, в котором наблюдаются сходства с изучаемым классом согласных, называется ассимилятивным; в случае их различия контекст именуется диссимилятивным. Вполне очевидно, что эти термины, которые с полным основанием применяются по отношению к диахроническим процессам, уместны здесь лишь постольку, поскольку действие ассимиляции и диссимиляции может повлечь за собой данные контекстуальные свойства последовательностей, описываемых синхронно. Говоря об ординальных правилах, мы имеем в виду случаи, когда описывается предпочтение каких-либо классов согласных не только в контексте, но и по отношению к определенному порядку их следования. Подобные правила обычно касаются структуры слога и тенденции одних классов звуков выступать в качестве периферийных (ср., например, смычные), а других — в качестве центральных (ср., например, плавные, полугласные) по отношению к центральному вокалическому ядру. Наконец, под абсолютным правилом имеется в виду такое, в котором описывается массовая тенденция предпочтения одного класса звуков другому, независимо от контекста и ориентации в слоге. Так, имеется правило предпочтения комбинаций незвонких согласных — комбинациям звонких, правила предпочтения комбинаций неглоттализированных глоттализированным, шипящих — другим спирантам. Вообще все формулируемые здесь правила делятся в соответствии с данной нами ранее классификацией на ассимилятивные и диссимилятивные, ординальные и абсолютные. Первое из таких правил касается предпочтения комбинаций, являющихся однородными в отношении звонкости по сравнению с комбинациями, разнородными в этом плане.

5. Начальных или конечных систем, в которых все комбинации шумных были бы разнородны с точки зрения звонкости, не существует. Это правило основывается на том факте, что в ряде языков все комбинации шумных однородны по звонкости (английский, польский)⁸. Подобное же правило не имеет силы в отношении комбинаций «шумный — сонант», ибо сонанты обычно бывают звонкими, независимо от того, выступают ли они в комбинации со звонкими или глухими шумными.

Другое ассимилятивное правило касается тенденции, при которой звонкий смычный, следующий за носовым, должен иметь аналогичное этому последнему место артикуляции (гоморганные комбинации).

6. В конечных системах наличие хотя бы одной последовательности «носовой (звонкий или незвонкий) + гетероганный шумный» означает существование по меньшей мере одной последовательности «носовой (звонкий или незвонкий) + гоморганный шумный».

⁸ Исключение составляет не рассмотренный нами язык палачи карен, где все (начальные) сочетания шумных имеют вид «глухой + звонкий». Утверждение о том, что во всех языках, где есть сочетания шумных, первый компонент некоторых сочетаний может быть глухим, насколько можно судить, не имеет исключений.

Как и в отношении других правил вида $\phi \supset \psi$, здесь имплицитно подразумевается ошибочность противоположного правила: $\psi \supset \phi$. Если бы оно было верным, универсалию можно было бы сформулировать в виде эквивалентности. В качестве доказательства правила 6 мы приводим номера тех из 104 исследованных языков, где носовой в конечной позиции встречается как в гетерогорганнных, так и в гомогорганнных последовательностях со смычными; затем дается список языков, где имеются только гомогорганнные комбинации и отсутствуют гетерогорганнные. При подобной типологической классификации один из четырех логически возможных типов (а именно — класс языков, имеющих гетерогорганнные, но не имеющих гомогорганнных комбинаций подобного рода) отсутствует.

Языками с конечными системами, содержащими как гетерогорганнные, так и гомогорганнные комбинации, являются следующие: 1, 2, 3, 4, 7, 10, 13, 27, 28, 30, 33, 35, 36, 41, 42, 43, 48, 49, 61, 62, 64, 67, 72, 75, 76, 80, 81, 86, 87, 94, 101, 102, 103. Языки с конечными системами, содержащими гомогорганнные, но не имеющими гетерогорганнных комбинаций: 5, 11, 15, 16, 23, 34, 44, 45, 46, 51, 66, 69, 70, 77, 82, 89, 93, 96, 97, 98. Данные по языку 57 (кашмири) оказались недостаточными для отнесения этого языка к одному из двух возможных типов. В остальных языках в конечных системах нет комбинаций носовых и смычных.

Полученные результаты можно изобразить следующим образом:

	Гетерогорганнные комбинации	—	Гетерогорганнные комбинации	
Гомогорганнные комбинации	33		20	
Гомогорганнные комбинации	0		8	[4]

Правило 6 почти во всех случаях имеет силу и для начальных систем; примечательное исключение составляет ряд славянских языков (например, русский, польский, чешский), в которых имеются начальные гетерогорганнные комбинации (типа *mg*), но нет гомогорганнных последовательностей. Отметим, что, формулируя данную гипотезу, мы учитывали последовательности «носовой + шумный» даже в том случае, если перед ними или после них имеются одна или более согласных; так, русск. [mgl] считается примером гетерогорганнного сочетания.

Перейдем к рассмотрению диссимилятивных правил. Прежде всего приведем правила, в которых формулируется предпочтение комбинаций «смычный + спирант» в противоположность комбинациям «смычный + смычный» или «спирант + спирант». Приводимые здесь правила касаются только последовательностей с протяженностью 2. Последовательности протяженностью 3 (и более) смычных или 3 (и более) фрикативных чрезвычайно редки; универсалии, аналогичные приводимым ниже, безусловно можно было бы сформулировать и для этих случаев.

7. В начальных системах наличие хотя бы одной комбинации «смычный + смычный» означает наличие по меньшей мере одной комбинации «смычный + фрикативный». В самом деле, в языках, в которых есть комбинации «смычный + смычный», почти всегда имеются как комбинации «смычный + фрикативный», так и комбинации «фрикативный + смычный». Аффрикаты рассматриваются здесь как комбинации «смычный + фрикативный» (см. выше). В следующих языках наряду с комбинациями «смычный + смычный» имеются также комбинации «смычный + фрикативный» и «фрикативный + смычный»: 2, 10, 14, 16, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 38, 41, 42, 44, 59, 61, 77, 79, 80, 81, 82, 93, 102. В двух языках, 47 и 87, имеются комбинации «смычный + смычный» и «смычный + фрикативный», но нет комбинаций «фрикативный + смычный». Дальнейшие

подробности выглядят следующим образом:

	Фрикативный ·смычный	Фрикативный + + фрикативный	Смычный + + фрикативный	~ (Фрикативный + + смычный ∨ смычный + + фрикативный)	
Смычный + + смычный	23	0	2	0	[2]
~ Смычный + + смычный	35	3	20	7	

8. В конечных системах наличие хотя бы одной комбинации «смычный + смычный» означает наличие по крайней мере одной комбинации «фрикативный + смычный». И здесь в большинстве языков, где есть комбинации «смычный + смычный», имеются комбинации «смычный + фрикативный» и «фрикативный + смычный». В следующих языках наблюдаются все три комбинации: 2, 3, 4, 7, 16, 27, 30, 33, 35, 36, 38, 41, 42, 43, 44, 48, 61, 62, 64, 67, 72, 77, 80, 81, 82, 86, 87, 94, 96, 101. Только в одном языке, 98, обнаружены сочетания «смычный + смычный» и «фрикативный + смычный», но нет сочетания «смычный + фрикативный». Изобразим это следующим образом:

	Смычный + + смычный	(Фрикативный + + смычный) · (смычный + + фрикативный)	Фрикативный + + смычный	Смычный + + фрикативный	~ (Фрикативный + + смычный ∨ смычный + + фрикативный)	
Смычный + + смычный	30		0	1	0	[3]
~ Смычный + смычный	16		10	4	1	

Незначительное предпочтение начальной комбинации «смычный + спирант» и конечной комбинации «спирант + смычный», вытекающее из двух приведенных выше правил, наводит на мысль о возможной связи со слоговой структурой: более открытый фрикативный в каждом случае ближе к вокалическому центру слога.

Можно сформулировать также подобные правила относительно начальных и конечных комбинаций фрикативных. Перейдем к рассмотрению этих правил.

9. В начальных системах существование хотя бы одной комбинации «фрикативный + фрикативный» означает наличие по крайней мере одной комбинации «смычный + фрикативный» или «фрикативный + смычный». В большинстве случаев в языках, в которых есть комбинация «фрикативный + фрикативный», имеются комбинации «смычный + фрикативный» и «фрикативный + смычный». Такими языками являются следующие: 1, 3, 10, 13, 14, 27, 28, 30, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 44, 48, 52, 61, 62, 63, 64, 75, 77, 80, 81, 82, 86, 93, 103, 104. Только в одном языке имеются комбинации «фрикативный + фрикативный», но нет комбинации «фрикативный + смычный» (56). В двух языках, 49 и 67, есть комбинации «фрикативный + фрикативный», но нет комбинации «смычный + фрикативный». Подробнее представим это так:

	(Фрикативный + + смычный) · (смычный + + фрикатив- ный)	Фрикатив- ный + смыч- ный	Смычный + + фрикатив- ный	~ (Фрикативный + смыч- ный ∨ смычный + + фрикативный)	
Фрикатив- ный + фрика- тивный	31	2	1	0	[4]
~ Фрикативный + фрикативный	29	18	3	6	

10. В конечных системах наличие хотя бы одной комбинации «фрикативный + фрикативный» означает существование по крайней мере одной комбинации «смычный + фрикативный» или «фрикативный + смычный». Приводим языки, в которых есть комбинация «фрикативный + фрикативный» и в которых имеются одновременно комбинации «фрикативный + смычный» и «смычный + фрикативный»: 3, 4, 7, 13, 18, 27, 30, 33, 35, 36, 41, 42, 43, 49, 61, 62, 64, 67, 75, 76, 77, 79, 86. В двух языках, где имеются конечные сочетания «фрикативный + фрикативный», нет конечной комбинации «смычный + фрикативный» (34 и 98); в одном языке (1) нет сочетания «фрикативный + смычный». Эти и предыдущие результаты обобщены следующим образом.

	(Фрикативный + смычный) · (смычный + фрикативный)	Фрикативный + смычный	Смычный + фрикативный	~(Фрикативный + смычный ∨ смычный + фрикативный)
Фрикативный + фрикативный	23	2	1	0
~Фрикативный + фрикативный	22	3	9	2

[5]

Общее положение Б. Трнки о том, что не встречаются последовательности, различающиеся только одним признаком, имеет силу в некоторых ограниченных случаях, главным образом тогда, когда речь идет о различиях в типах ларингальной артикуляции (звонкость, глухость, глоттализация). Что касается противопоставления «звонкий — глухой», то часто встречаются последовательности звонких и незвонких носовых, причем незвонкие с фонематической точки зрения часто интерпретируются как /h/. Имеются достоверные, хотя и редкие, примеры последовательности звонких и незвонких фрикативных; согласные, входящие в эти последовательности, во всех других отношениях являются идентичными. Имеются в виду начальные /sz/, /fv/ и /kʎ/ в языке палайчи карен (этот язык не был привлечен в настоящем исследовании) и конечное /vf/ в нивхском. Что касается смычных, то начальное /td/ было отмечено в языках билаан и хаси. В обоих случаях в связи с отсутствием подробностей фонетического описания в соответствующих источниках нельзя не считать с возможностью наличия сварабхакти гласного. Единственным примером рассматриваемого явления в конечных системах является /dt/ в языке кёр д'ален, где, однако, между согласными проходит морфемная граница. Следует полагать, что комбинации, существующие только при наличии морфемной границы, по аналогии с другими алломорфами, в которых содержатся сочетания рассматриваемых звуков, должны противостоять разного рода изменениям. Как будет показано ниже, тот факт, что в рассмотренных исключениях в начальных системах глухой предшествует звонкому, но в конечных системах звонкий предшествует глухому, не является случайным. Обобщения, частично относящиеся к затронутым здесь вопросам, будут сформулированы ниже.

Чрезвычайно редко встречается также последовательность глухих и глоттализированных согласных, которые во всех других отношениях были бы идентичными. Единственным примером, обнаруженным в рассматриваемых языках, является начальное сочетание /kk'/ в языке куенай; в этом сочетании содержится морфемная граница. Кроме языков, рассмотренных для данной работы, следует отметить приводимый Фанг-Куэй Ли (правда, без фонетического описания) пример из языка эйак, где

имеется конечное сочетание /q'q/, содержащее морфемную границу⁹. Наконец, в рассмотренных нами языках не было обнаружено ни одного примера последовательности согласных, когда единственным различием между сочетающимися согласными были бы соответственно звонкость и глоттализация. Не встречаются сочетания не только типа */p'b/, но и типа */m'h/ и т. д. В самом деле, общая тенденция глоттализированных звуков не сочетаться со звонкими дает возможность сформулировать следующее правило, частично совпадающее с предыдущим: последовательности глоттализированных и звонких смычных не встречаются. Частичная взаимозависимость указанных двух принципов подтверждается тем фактом, что в последовательности */br'/ нарушаются оба эти правила. То, что эти правила не являются идентичными, видно из того, что в последовательности */h'/ нарушается только первое из них, а в */p'g/ — только второе. Ни одно из правил данного раздела не ограничено последовательностями, состоящими лишь из двух согласных. Таким образом, можно сформулировать следующие правила.

11. В начальных системах смычные никогда не выступают непосредственно перед глухим смычным, если единственным различием между этими звуками является звонкость; в конечных системах при тех же условиях за глухими смычными никогда не следуют смычные.

12. Только в случае, если между звуками, входящими в сочетание, проходит морфемная граница, в конечных системах за звонкими смычными могут непосредственно следовать смычные, отличающиеся от них лишь отсутствием звонкости.

13. Ни одна последовательность согласных, отличающихся соответственно лишь глухостью и глоттализированностью, не встречается в начальных и в конечных системах, если между этими согласными не проходит морфемная граница.

14. Сочетания звонких и глоттализированных шумных не встречаются ни в начальных, ни в конечных системах.

Следующие два правила касаются хорошо известной тенденции, в результате которой невозможно сочетание нескольких плавных или нескольких сибилантных. Хотя конечное сочетание *rl* весьма обычно, начальное *rl* встречается только в диалекте митла (язык запотек) при наличии между компонентами морфемной границы. В исследованном материале не обнаружено ни одного примера *lr*. Что касается сибилантных, то качественно различные сибилантные, главным образом /s/ и /š/, имеют явно выраженную тенденцию не сочетаться друг с другом. Практически во всех примерах между компонентами сочетаний проходит морфемная граница. Единственным примером, где нет морфемной границы, является двукомпонентное конечное сочетание /zž/ в берберском языке шилха. Не встречалось ни одного случая конечных двукомпонентных сочетаний шипящих и свистящих сибилантов, например */šs/. Перейдем к формулировке правил.

15. В начальных и конечных системах за латеральными никогда непосредственно не следует звук типа *r*. В начальных системах последовательность *r* + латеральный встречается только при наличии морфемной границы между компонентами.

16. В конечных системах двукомпонентные сочетания не могут состоять из шипящих и свистящих сибилантов, следующих друг за другом.

Рассмотрим ординальные правила в том плане, как это определялось выше. Отметим прежде всего тенденцию плавных следовать за шумными в начальных системах и предшествовать им в конечных системах. Правда, иногда встречается и обратный порядок. Во многих подобных случаях,

⁹ IJAL, 22, 1956, стр. 47.

особенно в конечной позиции в слове или на стыке с глухими согласными, сами плавные выступают как глухие. Даже для случаев, где подобного положения не существует, вполне возможны общие правила в указанном смысле.

17. Наличие в начальных системах хотя бы одной последовательности, содержащей плавный (звонкий или глухой), за которым непосредственно следует шумный, означает существование по крайней мере одной последовательности, состоящей из шумного, за которым непосредственно следует плавный.

В следующих языках есть как сочетание «плавный + шумный», так и сочетание «шумный + плавный»: 2, 10, 14, 20, 28, 30, 41, 59, 75, 81, 103. В следующих языках нет никаких сочетаний шумных с плавными: 6, 21, 29, 31, 34, 47, 54, 58, 66, 71, 73, 79, 99, 100. В остальных языках, проанализированных нами, имеется сочетание «шумный + плавный», но нет сочетания «плавный + шумный» (это — наиболее обычный случай). Результаты суммированы ниже:

	Шумный + плавный	~Шумный + плавный	
Плавный + шумный	12	0	
~Плавный + шумный	64	14	[6]

Подобное же правило верно для конечных систем.

18. Наличие в конечных системах хотя бы одной последовательности, содержащей смычный, за которым непосредственно следует плавный, означает существование по крайней мере одной последовательности, содержащей сочетание «плавный + смычный».

Языки, в которых есть как сочетание «шумный + плавный», так и сочетание «плавный + шумный»: 2, 7, 15, 28, 33, 38, 41, 43, 49, 67, 75, 76, 77, 80, 81, 97, 98, 103. В большинстве языков имеется сочетание «плавный + шумный», но нет сочетания «шумный + плавный». В остальных языках вообще нет сочетаний шумных и плавных. К таким языкам относятся: 5, 9, 23, 34, 44, 46, 58, 61, 79, 82, 83, 86, 89, 93, 99, 102, 104. Эти данные суммированы следующим образом:

	Плавный + шумный	~Плавный + шумный	
Шумный + плавный	18	0	
~Шумный + плавный	27	17	[7]

Полугласные, конечно, в равной или еще большей мере, чем плавные, имеют тенденцию находиться рядом с вершиной слога. При исследовании обнаружено очень немного случаев, когда полугласные отделены от гласных промежуточным плавным или носовым, например, начальные *wɪ*, *wɹ* и *wl* в пашто, а также *wɪ* и *wɪ* в языке чатино. Глухие полугласные встречаются в сочетании с промежуточными согласными различных типов. Но нет ни одного доказательного примера, когда шумный отделяет звонкий полугласный от вершины слога. В чешском языке, по крайней мере в литературном произношении, есть такие последовательности, как /jde/ и /jsou/. Однако Травничек, давая фонетическое описание чешского *j*, говорит, что оно является фрикативным (třená) и окрашено консонантным шумом (souhláskový šelest); Кучера же говорит, что *j* «артикулируется с умеренным ламино-палатальным трением»¹⁰. В связи с этим можно сформулировать следующее правило.

19. За звонкими полугласными в начальных системах не следуют шумные, а в конечных системах им не предшествуют шумные. Хотя, как мы видели, есть примеры, когда два звонких сонанта находятся

¹⁰ См.: F. Trávníček, *Mluvnice spisovné češtiny*, I, Praha, 1951, стр. 19; Н. Кучера, *The phonology of Czech*, 's-Gravenhage, 1961, стр. 28.

рядом с гласным; как правило, такая последовательность никогда не отделяется от гласного шумным. В начальных и конечных системах нет также последовательностей из трех сонантов. В нивхских конечных последовательностях фонем типа *xlg* и *ntu* мы имеем дело с фонетически краткими гласными, находящимися между согласными¹¹. Отсюда — следующее правило.

20. В начальных системах за двумя следующими друг за другом звонкими сонантами всегда находится гласный, в конечных системах сочетанию звонких сонантов предшествует гласный.

Сильно выраженная тенденция к ассимиляции по звонкости была отмечена выше. В меньшинстве примеров встречаются последовательности со звонкими и глухими компонентами. Анализ этих случаев показывает, что почти во всех примерах комбинаций, разнородных по звонкости своих компонентов, звонкий согласный, взятый в отдельности, или озвонченная последовательность согласных находятся рядом с гласным. Исходя из исследуемых языков был произведен общий подсчет комбинаций шумных с точки зрения звонкости двух компонентов сочетания. В тех случаях, когда один из согласных оказывался частично озвонченным, т. е. озвонченным в течение определенной части периода звучания согласного, и глухим — в течение остального периода его звучания, комбинации не принимались во внимание. В тех же случаях, когда имелась возможность свободной вариации двух последовательностей, различающихся по звонкости одного из своих компонентов, доказательность каждого варианта принималась за половину. Эти случаи были немногочисленными. Хотя использованный при подсчетах метод безусловно весьма приближителен и не дает возможности оперировать точными цифрами, результаты могут представить некоторый интерес, ибо позволяют получить по крайней мере приблизительное понятие об относительной частоте различных типов сочетаний. Всего было зарегистрировано 1030 двукомпонентных сочетаний для начальной позиции и 683 — для конечной. Результаты приводятся в процентах от общего количества:

	Начальная позиция	Конечная позиция
Глухой + звонкий	66,70	78,62
Звонкий + звонкий	21,65	12,59
Глухой + глухой	10,68	2,05
Звонкий + глухой	0,97	6,73

[8]

Для начальных систем общим (не только в отношении последовательностей шумных) является положение о том, что перед глухим согласным или последовательностью согласных, предшествующих гласному, не могут находиться звонкие сегменты. Все случаи исключений из этого правила представляли собой сочетания «носовой + гоморганный глухой смычный», за которыми следует гласный, например начальное /nt/; такие сочетания были отмечены в языках чатино, чрау и паме (отоми). Другими примерами прерванной звонкости в начальной последовательности являются сочетания в языке хаси, например *bt*, *dp*, и в языке билаан, например *bt*, *bs*. Можно указать также на чешское *js*, в котором, как отмечалось выше, *j* интерпретируется как звонкий фрикативный. Ввиду того что в описании языков хаси и билаан содержались лишь немногие фонетические подробности, вполне возможно, что, как и в других подобных случаях, начальные смычные /b/, /d/ и т. д. являются глухими слабыми (*lenes*). Следующее правило делается при условии, что отмеченные только что исключения верны.

¹¹ Эти данные сообщены нам Р. Аустерлицем.

21. В начальных системах перед глухим согласным или последовательностью глухих согласных, непосредственно предшествующих гласному, не могут находиться один или более звонких согласных, если не считать сочетания «звонкий носовой + гоморганный глухой шумный».

В трех языках, в которых, как отмечалось выше, имеются сочетания «звонкий носовой + глухой гоморганный шумный», мы находим более обычную комбинацию «звонкий носовой + звонкий гоморганный шумный». В связи с этим можно сформулировать следующее правило.

22. В начальных системах наличие хотя бы одной последовательности «звонкий носовой + глухой гоморганный шумный» означает существование по крайней мере одной последовательности «звонкий носовой + звонкий гоморганный шумный».

Для конечных систем положение, симметричное правилу 21, сформулированному для начальных систем, имеет следующий вид: за глухим согласным или последовательностью глухих согласных, непосредственно следующих за гласным, не может находиться звонкий согласный или последовательность звонких согласных. Суммируя оба указанных правила, можно утверждать, что у слога имеется звонкий центр, состоящий из гласного и возможных предшествующих и последующих сочетаний звонких согласных, причем озвончение обычно ограничено этим ядром; таким образом, озвончение не может быть прервано и снова возобновлено в пределах одного и того же слога. Что касается конечных систем, то здесь в пределах исследованного материала было обнаружено очень немного исключений из разбираемого принципа, причем эти последние часто носят весьма сомнительный характер. Исключения касаются таких случаев, как амхарийское конечное *kd* в единичном слове, конечное *tg^{no}* в кёр д'ален, венгерское *sd*, описываемое как редкое Вертепом и не упоминаемое Холлом, а также нескольких арабских сочетаний, компонентами которых неизменно являются фарингальные. Подобно этому, в начальных системах также наблюдаются случаи сочетаний «глухой шумный + звонкий носовой» (здесь не обязательно гоморганный), например *tn*, *kr* в языке паме. Совсем не встретились сочетания «глухие плавные (или носовые) + звонкие согласные». Все эти результаты можно суммировать в следующем правиле.

23. В конечных системах (если не считать случаев, когда за глухими шумными следует звонкий носовой) после глухого согласного или последовательности глухих согласных, следующих за гласным, не могут находиться один или более звонких согласных.

Можно также сформулировать ряд ординальных правил относительно тенденции плавных располагаться ближе к вершине слога, чем находятся носовые. Это можно сформулировать в виде обычных следствий, учитывая, однако, что, как и следовало ожидать, глухие плавные не разделяют со звонкими плавными свойство быть ближе к вершине слога, чем носовые.

24. В начальных системах наличие хотя бы одной последовательности «звонкий плавный + носовой» означает существование по крайней мере одной комбинации «носовой + плавный». Согласно правилу 21, второй компонент этих комбинаций также должен быть звонким, согласно же правилу 20 за этой последовательностью должен находиться гласный. Языками, в которых встречаются как сочетания «звонкий плавный + носовой», так и сочетания «носовой + плавный», являются 14, 30, 41, 59, 75, 77, 81. Языки, в которых есть последовательности «носовой + плавный», но нет сочетаний «звонкий плавный + носовой», следующие: 16, 19, 25, 26, 37, 40, 43, 51, 55, 56, 57, 60, 61, 72, 80, 82, 84. В языках 2, 10 и 20 нет сочетания «носовой + плавный», но есть сочетание

«плавный + носовой», причем плавный в этом случае —^rглухой. В диалекте митла языка запотек (103) есть сочетание $\tilde{r}N/$, но нет комбинаций «носовой + плавный». Однако различие здесь скорее между слабой и сильной артикуляцией (*lenis* и *fortis*), чем между звонкими и глухими; при этом /r/, видимо, глухая. В связи с тем, что мы не располагаем подробными данными о звонкости и глухости в разбираемом языке, вполне возможно, что здесь мы имеем дело с мнимым исключением. Ниже суммируется имеющаяся информация о подобных случаях:

	Носовой + плавный	~Носовой + плавный	
Плавный + носовой	7	(1)	
~Плавный + носовой	17	65	[9]

Соответствующее правило для конечных систем может быть сформулировано в более общем виде. Последовательности «плавный + носовой» не только имеют предпочтение перед последовательностями «носовой + плавный», но вообще перед всеми прочими комбинациями носовых и плавных, т. е. «носовой + носовой» и «плавный + плавный».

25. В конечных системах наличие хотя бы одной последовательности «носовой + плавный», «носовой + носовой», «плавный + плавный» означает существование по крайней мере одной последовательности «плавный + носовой». В языках 4, 7, 13, 16, 27, 33, 36, 38, 41, 42, 43, 49, 67, 72, 76, 77, 80, 86, 98 имеются комбинации одного или нескольких видов: «носовой + плавный», «носовой + носовой», «плавный + плавный», а также «плавный + носовой». В языках 3, 15, 18, 30, 35, 44, 57, 64, 65, 75, 81, 82, 94, 102 есть сочетания «плавный + носовой», но нет комбинаций трех других типов. Эти данные приводятся ниже:

	Носовой + плавный ∨ носовой + носовой ∨ плавный + плавный	~(Носовой + плавный ∨ носовой + носовой ∨ плавный + плавный)	
Плавный + носовой	19	14	(10)
~Плавный + носовой	0	29	

Абсолютные правила, к которым мы сейчас переходим, касаются предпочтения глухих шумных перед звонкими. Статистическое преобладание комбинаций «глухой шумный + глухой шумный» над тремя видами комбинаций звонких в составе двукомпонентных сочетаний ярко продемонстрировано в табл. 8. Возможен также целый ряд правил нестатистического характера. Так, для начальных систем можно сформулировать следующее правило.

26. В начальных системах наличие хотя бы одной комбинации, состоящей из двух звонких шумных, означает существование по крайней мере одной комбинации из двух глухих шумных. Единственным исключением из этого правила является диалект сгау языка карен (56), в котором есть комбинация со звонкими шумными /bɣ/, но отсутствует последовательность, в которой оба компонента были бы глухими. Имеются, однако, комбинации, в которых первый компонент — глухой, а второй — /ɣ/, например /pɣ/ и /sɣ/. Языками, в которых обнаружены сочетания как звонких, так и глухих шумных, являются: 1, 3, 10, 11, 13, 16, 18, 30, 36, 37, 40, 41, 42, 44, 49, 52, 59, 62, 63, 64, 67, 69, 75, 77, 80, 81, 82, 84, 86, 98, 103. В остальных языках есть только сочетания глухих шумных, если не считать 56 (язык карен — см. выше), а также следующие языки, где нет сочетаний «шумный + шумный»: 8, 19, 25, 29, 50, 57, 60, 74, 78, 90, 91, 95. Имеющиеся данные суммируются следующим образом:

	Глухой шумный + + глухой шум- ный	Глухой шумный + + глухой шум- ный	[11]
Звонкий шумный + звон- кий шумный	31	1	
~Звонкий шумный + + звонкий шумный	46	12	

Языком карен как исключением можно пренебречь, если правило 26 переформулировать следующим образом: наличие сочетания «звонкий шумный + звонкий шумный» означает наличие по крайней мере одной комбинации с начальным глухим шумным.

Еще более ярко выражается тенденция к оглушению конечных шумных. Это показано статистически в табл. [8] и [12], откуда видно, что количество языков, где имеются только комбинации глухих шумных в конечных системах, превосходит число языков, обладающих теми же сочетаниями в начальной позиции. Для конечных систем из этого правила нет исключений.

27. В конечных системах наличие хотя бы одной комбинации из двух звонких шумных означает существование по крайней мере одной комбинации, состоящей из двух глухих шумных. Сочетания как звонких, так и глухих шумных обнаруживаются в следующих языках: 3, 4, 7, 13, 36, 41, 44, 48, 64, 75, 76, 80, 82, 86, 98, 103. Во всех остальных языках имеются только сочетания глухих шумных, если не считать 23, 28, 65, 88 и 89, в которых вообще нет сочетаний шумных. Эти данные можно представить следующим образом:

	Глухие шум- ~ ные + глухие шумные	Глухие шумные + глухие шумные	[12]
Звонкие шумные + звон- кие шумные	16	0	
~Звонкие шумные + звон- кие шумные	41	5	

Преобладание глухих над звонкими проявляется не только в комбинациях шумного с шумным, но также в сочетаниях шумного с сонантом. Для начальных систем имеется единственный случай, когда в языке осаге (по сведениям Вольфа) один информант употреблял в начальной позиции [br-], которое могло свободно варьироваться с [bæ-], а другой информант — [bl-], свободно варьировавшееся с [bəl-] и [bəd-]. Однако отсутствие других случаев комбинаций «шумный + плавный» в начальной позиции не дает возможности сформулировать ни одного правила, охватывающего все случаи сочетаний «шумный + плавный» в начальной позиции. Тем не менее следующие более узкие правила не имеют исключений в пределах исследованных языков.

28. В начальных системах наличие хотя бы одной последовательности «звонкий шумный + носовой» означает существование по крайней мере одной последовательности «глухой шумный + носовой».

29. В начальных системах наличие хотя бы одной последовательности «звонкий шумный + полугласный» означает существование по крайней мере одной последовательности «глухой шумный + полугласный».

Распределение языков с точки зрения проведения в них указанных двух принципов описывается ниже, см. [13] и [14]:

	Глухие шумные + + носовые	~Глухие шум- ные + носовые	[13]
Звонкие шумные + носо- вые	24	0	
~Звонкие шумные + но- совые	27	39	

	Глухие шумные + + полугласные	~Глухие шумные + + полугласные
Звонкие шумные + полу- гласные	39	0
~Звонкие шумные + полу- гласные	22	29

Для конечных систем возможно подобное же утверждение, всеобщность которого — абсолютна.

30. В конечных системах наличие хотя бы одной комбинации «сонант + + звонкий шумный» означает существование по крайней мере одной комбинации «сонант + глухой смычный». Подробности см. ниже:

	Сонант + глухой шумный	~Сонант + глу- хой шумный
Сонант + звонкий шумный	24	0
~Сонант + звонкий шум- ный	33	5

В то время как для шумных глухость преобладает над звонкостью (мы пытались это показать выше), для сонантов положение обратное. Глухие носовые, плавные и полугласные в конкретном употреблении часто являются аллофонами, которые наблюдаются только в окружении глухих (ниже изложено основное ограничение встречаемости глухих сонантов). В то время как наиболее типичным видом последовательностей шумных является такой, в котором все компоненты — глухие, последовательности глухих сонантов вообще не встретились в пределах исследованных языков.

31. В начальных и конечных системах непосредственно перед глухими сонантами и после них не может находиться другой глухой сонант.

Глоттализированные согласные (в принципе их можно отнести к третьей основной группе наряду со звонкими и глухими, ибо они обладают тем же различительным признаком ларингального уклада при артикуляции) являются вторичными по отношению к неглоттализированным согласным. Это видно из того факта, что если в языках, обладающих глоттализированными и неглоттализированными согласными, существуют определенные звуковые комбинации, некоторые из них непременно состоят исключительно из неглоттализированных согласных; наличие же сочетаний, одним из компонентов которых является один или более глоттализированных согласных, необязательно. Это положение можно считать крайним случаем следующего более общего правила.

32. Если в языке имеется хотя бы одно сочетание, в состав которого входят n глоттализированных согласных, в нем есть по меньшей мере одно сочетание, в состав которого входят $n - 1$ глоттализированных согласных. Это правило было проверено на примерах, содержащих вплоть до 3 глоттализированных согласных (встречаются только в 41 — грузинском). Языками, в которых имеются сочетания, содержащие два глоттализированных согласных, и которые поэтому по правилу 32 обладают сочетаниями с одним глоттализированным согласным, а также сочетаниями, в состав которых не входят такие согласные, являются 27 и 102. В языках 2, 4, 23, 28, 53, 61, 73, 79, 87, 92 имеются сочетания с одним глоттализированным компонентом, а также сочетания, состоящие исключительно из неглоттализированных компонентов. В языках 6, 24, 32, 50, 69, 71, 72, 100, обладающих глоттализированными согласными, вовсе нет сочетаний с глоттализированными компонентами.

Под глоттализированными здесь имеется в виду обычный эксплозивный тип согласных. Число исследованных языков, в которых имеются имплозивные, обычно подвергающиеся озвончению, было слишком мало для того,

чтобы сделать какие-либо надежные выводы. Можно, однако, с полным основанием полагать, что последовательности имплозивных и глоттализованных эксплозивных не существуют; не встречаются последовательности имплозивных и звонких или глухих смычных, а также сочетания различных имплозивных друг с другом. В пределах изучаемых языков в начальных системах отмечены только последовательности «имплозивные + звонкие плавные». В основных типах сочетаний обнаруживается предпочтение шумных носовым, по крайней мере в окружении плавных, что определяется следующими 4 взаимосвязанными правилами.

33. В начальных системах наличие хотя бы одного сочетания «носовой + плавный» означает существование по крайней мере одного сочетания «шумный + плавный». Языками, в которых обнаруживаются как сочетания «носовой + плавный», так и сочетания «шумный + плавный», являются 14, 16, 19, 25, 26, 30, 37, 40, 41, 43, 51, 55, 56, 57, 59, 60, 72, 75, 77, 80, 81, 82, 84. В остальных языках (за исключением пятнадцати, в которых вообще нет ни того, ни другого типа сочетаний: 6, 21, 29, 31, 34, 47, 54, 58, 66, 71, 73, 79, 87, 90, 100) мы находим сочетания «шумный + плавный» при отсутствии комбинации «носовой + плавный». Результаты суммируются ниже:

	Шумный + плав- ный	~ Шумный + + плавный	
Носовой + плавный	23	0	
~Носовой + плавный	52	15	[16]

34. В начальных системах наличие хотя бы одного сочетания «плавный + носовой» означает существование по крайней мере одного сочетания «плавный + шумный».

Начальные сочетания «плавный + шумный» или «плавный + носовой», конечно, намного менее обычны, чем группы, рассмотренные в правиле 33. Языками, в которых есть сочетания «плавный + носовой» и «плавный + + шумный», являются: 2, 14, 20, 41, 59, 75, 77, 81, 84, 103. Языки, в которых нет сочетаний «плавный + носовой», но есть комбинация «плавный + шумный», следующие: 10, 28, 30. В остальных языках не обнаружено ни одной из разбираемых звуковых комбинаций. Результаты суммируются следующим образом:

	Плавный + шум- ный	~ Плавный + шум- ный	
Плавный + носовой	10	0	
~Плавный + носовой	3	77	[17]

35. В конечных системах наличие хотя бы одного сочетания «плавный + носовой» означает существование по крайней мере одного сочетания «плавный + шумный». Языками, обладающими обоими видами комбинаций («плавный + носовой» и «плавный + шумный»), являются следующие: 3, 4, 7, 13, 15, 16, 18, 27, 30, 33, 35, 36, 38, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 57, 64, 65, 67, 72, 75, 76, 77, 80, 81, 82, 86, 94, 98, 102. Языки, где есть сочетания «плавный + шумный», но нет сочетаний «плавный + + носовой»: 1, 2, 10, 28, 51, 62, 69, 97, 88, 96, 97, 101, 103. В остальных языках не обнаружено ни одной разновидности разбираемых звуковых комбинаций. Результаты суммируются следующим образом:

	Плавный + шум- ный	~Плавный + + шумный	
Плавный + носовой	34	0	
~Плавный + носовой	13	15	[18]

36. В конечных системах наличие хотя бы одного сочетания «носовой + плавный» означает существование по крайней мере одного сочетания

«смычный + плавный». Языки, в которых имеются как сочетания «носовой + плавный», так и сочетания «шумный + плавный», следующие: 2, 7, 28, 38, 41, 43, 49, 76, 80, 98. Языки, в которых есть сочетания «шумный + плавный», но нет сочетаний «носовой + плавный», следующие: 27, 33, 67, 75, 77, 81, 103. В остальных языках не обнаружено ни одного вида разбираемых звукосочетаний. Результаты представлены ниже:

	Шумный + плав- ный	~Шумный + плав- ный	
Носовой + плавный	10	0	[19]
~Носовой + плавный	7	45	

Преобладание шумных над носовыми видно также из следующего правила.

37. В конечных системах наличие хотя бы одного сочетания «носовой + носовой» означает существование по крайней мере одного сочетания «носовой + шумный». Это правило относится также к носовым геминатам. Языки, имеющие сочетания «носовой + носовой» и «носовой + шумный», следующие: 4, 7, 27, 41, 43, 64, 67, 72, 76, 77, 80, 86. В остальных языках (если не считать 9, 38, 58, 65, 79, 83, 99, 104, где вообще нет сочетаний разбираемого типа) имеются сочетания «носовой + шумный», но нет сочетаний «носовой + носовой». Результаты суммируются следующим образом:

	Носовой + шум- ный	Носовой + шум- ный	
Носовой + носовой	12	0	[20]
~Носовой + носовой	42	8	

Предпочтение плавных носовым, по крайней мере в одном окружении, формулируется в следующем правиле.

38. В начальных системах наличие хотя бы одного сочетания «шумный + носовой» означает существование по крайней мере одного сочетания «шумный + плавный».

Исключение представляет язык 31 (санти дакота), в котором имеются сочетания «шумный + носовой», но нет сочетаний «шумный + плавный». Дело в том, что в этом языке вообще нет плавных согласных. Языки, в которых есть как сочетания «шумный + носовой», так и сочетание «шумный + плавный», следующие: 1, 2, 8, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 20, 23, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 51, 52, 59, 60, 61, 62, 63, 67, 69, 72, 75, 77, 80, 81, 82, 84, 86, 87, 92, 93, 98, 102, 103. В языках 6, 24, 29, 34, 47, 54, 58, 66, 71, 73, 79, 90, 99, 100 нет ни одного из рассматриваемых сочетаний. В остальных языках, за исключением санти, имеются сочетания «шумный + плавный», но отсутствуют сочетания «шумный + носовой». Результаты суммируются ниже:

	Шумный + плав- ный	~Шумный + плавный	
Шумный + носовой	50	1	[21]
~Шумный + носовой	25	14	

Наконец, следует сформулировать абсолютные гипотезы, касающиеся артикуляции. Есть определенные данные о преимуществе дентально-альвеолярных звуков над лабиальными и палатально-велярными. Это вполне явно демонстрируется на примере так называемого закона конечных дентально-альвеолярных.

39. В каждом языке, в котором имеются конечные звукосочетания, содержится по крайней мере одно сочетание с конечным шумным, артикулируемым в дентально-альвеолярной части речевого аппарата. Наи-

более надежной проверкой этой гипотезы могут, конечно, служить системы, в которые входят очень немногие конечные сочетания. Примерами из древних языков, не включенных в список исследованных в настоящей работе, могут служить классический греческий, где имеются три конечных сочетания *ps*, *ks* и *ɣks*, а также латинский, все конечные сочетания в котором оканчиваются на *s* или *t*. Из языков, привлеченных нами к исследованию, можно назвать язык балти, где находим только *ks*, *rs*, *ɣs* и *ks*, а также язык масай, где имеются только сочетания *rn*, *rt* и *rd*. Из правил 27 и 30 следует, что по крайней мере один из конечных дентально-альвеолярных шумных должен быть глухим.

Соответствующее правило для начальных систем нельзя ограничивать шумными, ибо имеются системы, обладающие в начальной позиции только сочетаниями «носовой + шумный».

40. Каждый язык, в котором имеются начальные сочетания согласных, содержит по крайней мере одно сочетание с начальным согласным, артикулируемым в дентально-альвеолярной части речевого аппарата. Хорошим примером этого является апачский язык чирикахауа, в котором, кроме начальных альвеолярных аффрикат, имеются только сочетания *st* и *sd*. Кроме того, правильность данного положения подтверждается еще и следующим правилом.

41. Язык, в котором имеются какие-либо аффрикаты, обладает по крайней мере одной, артикулируемой в дентально-альвеолярной или альвео-палатальной части речевого аппарата. Речь идет о случаях, когда в таких языках, как немецкий, где имеется аффриката типа *pf*, также встречается и *ts* (или *tʃ*, или их звонкие и глоттализированные варианты). Из языков, подвергшихся исследованию, в 3, 23, 28, 32, 42, 43, 48 и 61 имеются как альвеолярные или альвео-палатальные аффрикаты, так и аффрикаты с другим местом артикуляции. В языках 8, 14, 15, 17, 19, 25, 29, 38, 49, 50, 55, 56, 65, 70, 74, 78, 89, 90, 91, 95 вообще нет аффрикат. В остальных языках имеются дентально-альвеолярные или альвео-палатальные аффрикаты, но нет других. Результаты суммируются следующим образом:

	Другие аффрикаты	~Другие аффрикаты	
Дентальные и подобные аффрикаты	8	0	[22]
~Дентальные и подобные аффрикаты	75	21	

*

На основе изучения 104 языков можно сделать основные выводы о предпочтении тех или иных звуковых типов в начальных и конечных сочетаниях согласных (эти выводы вытекают из приведенных выше правил).

1. Более короткие сочетания согласных предпочитают более длинным.
2. Сочетания, которые возможно разложить на подсочетания, также встречающиеся самостоятельно, предпочитают неразложимым сочетаниям.
3. В терминах ассимиляции гоморганные сочетания «носовые + шумные» предпочитают гетероганнным сочетаниям «носовые + шумные»; сочетания согласных, которые однородны по звонкости, предпочитают сочетаниям, разнородным в этом отношении.
4. В терминах диссимиляции, последовательности, которые отличаются только глоттальным укладом, а также последовательности различных видов сибилантных или плавных — наименее употребительны.

5. В отношении вершины слога следует отметить, что наиболее употребительны комбинации, в которых сонанты ближе к вершине, чем шумные, и в которых звонкие согласные ближе к вершине, чем глухие.

6. В терминах абсолютных правил, глухие шумные предпочитают звонким, звонкие сонанты — глухим, неглотализованные согласные — глотализованным, плавные — носовым и, наконец, дентально-альвеолярная локализация артикуляции предпочитается всем другим позициям.

Выше делались ссылки на важность разного рода смежных проблем; попытаемся здесь суммировать и дополнить эти замечания. В общем важность смежных проблем заключается в том, что они, независимо от выводов, сделанных только на основе анализа начальных и конечных звуко сочетаний, дают возможность получить дополнительный материал, относящийся к исследуемым вопросам. Кроме того, рассмотрение смежных проблем неизбежно ведет к постановке новых вопросов. Ясно, что получение более полного и надежного набора правил и их объяснение может быть осуществлено только в таком более широком плане.

Среди смежных проблем следует упомянуть изучение срединных сочетаний, фонематических систем, морфофонематических альтернатив, канонических форм морфем и диахронических звуковых изменений. Важность первой из этих проблем, изучения срединных звуко сочетаний, вполне очевидна; ее можно считать неотъемлемой частью общей проблемы сочетания согласных. Примером связи между изучением фонематических систем и звуко сочетаний является следующий факт. Параллельно тому, что шумные в звуковых комбинациях предпочитают носовым, можно отметить, что не существует языков, где не было бы шумных, но существуют немногие языки, где нет носовых. При изучении морфофонематических альтернатив выясняется, что определенные «избегаемые» звуковые комбинации вообще подчинены морфофонематическим правилам замещения. Например, в языках майя имеется префикс 3-го лица с базисной формой *s*-; при этом существует правило, согласно которому основы с начальной базисной формой *-š* обладают заместительной формой, употребляемой вместо последовательности *sš*. Такие альтернативы, конечно, являются результатом диахронических изменений, зафиксированных письменностью или выводимых на основе других данных. Вполне понятно, что факты альтернатив, отражающие исторические изменения, дают определенную дополнительную информацию, которую следует учитывать при построении любой теории, причем такая информация может оказать помощь в решении соответствующих вопросов. Так, в приведенном выше примере чисто синхронная регистрация начальных комбинаций дает только возможность сделать вывод о том, что сочетание *sš* отсутствует. Однако вопрос заключается в том, употребляются ли вместо ожидаемого *sš* звуки *s*, *š* или (что вполне логически возможно) какой-то третий звук или звуковая комбинация.

Изучение канонической формы морфем может также вскрыть факты самостоятельного значения, касающиеся исследуемых вопросов. Так, обратившись к вопросу о сибилантных, можно указать на тот факт, что в апацком языке чирикахуа не допускаются корни, в состав которых входят как *s*, так и *š*. Такие «дистанционные» явления, вероятно, обусловлены более сложными психологическими процессами и могут поэтому несколько отличаться от явлений, наблюдаемых непосредственно в звуковых последовательностях. Так, в семитических языках, как правило, несколько согласных с одним и тем же местом артикуляции не встречаются в пределах одного корня. В одном корне исключаются, в частности, сочетания «носовые + гоморганные смычные», которые вообще весьма обычны.

Наконец, следует отметить, что правила, представленные здесь, являются лишь частью выводов, возможных при рассмотрении как привлеченного материала, так и других данных. Так, здесь не принимались во внимание возможные закономерности частотности различных видов комбинаций в разных текстах, не были рассмотрены также количественные правила о системах, например, правила об относительном численном составе классов фонем, непосредственно следующих за определенными фонемами или их классами или предшествующих им. Следует надеяться, что дальнейшие исследования дадут возможность проверить правила, представленные здесь, а также выдвинуть новые.

Список языков *

1. Африкаанс: Meyer de Villiers, Afrikaanse klankleer, Kapstaad—Amsterdam, 1958 (I, F, T).
2. Агуакатек (язык майя): IJAL, XXII, 1956, стр. 76 (I, T).
3. Албанский: L. Newmark, Structural grammar of Albanian, Bloomington, 1957 (I, F, T).
4. Амхарский: C. H. Armbruster, Initia Amharica, Cambridge, I — 1908, II — 1910 (F, P, C).
5. Язык амуэша (аравакский): IJAL, XIX, 1953, стр. 191; «Miscellanea phonetica», 3, 1958, стр. 15 (I, F, T).
6. Апачские языки: «Linguistic structures of native America» ed. by H. Hoijer, New York, 1946, стр. 55 (I, T).
7. Арабский (египетский): R. Hargrell, The phonology of colloquial Egyptian Arabic, New York, 1957 (F, T).
8. Язык аранта: «Oceania», XII, 1942, стр. 255 (P, I, T).
9. Язык арапахо: IJAL, XXII, 1956, стр. 49 (F, T).
10. Язык балти (тибетский): A. F. C. Read, Balti grammar, London, 1934 (I, F, P, C).
11. Баскский: P. Lhonde, Dictionnaire basque-français et français-basque, Paris, 1926; H. Gavel, Éléments de phonétique basque, Bayonne, 1929 (I, F, P, C).
12. Бенгальский: «Language», XXXVI, 1, 1960, стр. 22; R. Wagner, Bengalische Texte in Urschrift und Umschrift, Berlin, 1930 (I).
13. Берберский (шилаха): J. Applegate, An outline of the structure of Shilha, New York, 1958 (I, F, T).
14. Язык билаал: «Philippine journal of science», 84, 1955, стр. 311 (I, F, T).
15. Бретонский: A. Sommerfelt, Le breton parlé à Saint-Pol-de-Léon, Rennes, 1921 (I, F, T).
16. Болгарский: М. Минков, Българо-английски речник, София, 1958; Ст. Стойков, Увод в българската фонетика, София, 1955 (I, F, C).
17. Камбоджийский: «Bull. of the School of Oriental and African studies», 14, London, 1952, стр. 149; BSLP, XLII, 1942, стр. 112 (I, T).
18. Каталанский: Badi Margarit, A gramática històrica catalana, Barcelona, 1951; P. Falega, Diccionario de la llengua catalana, Barcelona, 1954 (I, F, C).
19. Язык чам: E. Aumonier, A. Cabaton, Dictionnaire çam-français, Paris, 1906 (I, P).
20. Язык чатино: IJAL, XX, 1954, стр. 23 (I, T).
21. Язык чинантек (квиотепек): IJAL, XXVII, 1961, стр. 237 (I, T).
22. Язык чинантек (узила): IJAL, XXVIII, 1962, стр. 251 (I, T).
23. Язык чонтал (хокан): IJAL, XVI, 1950, стр. 35 (I, F, T).
24. Язык чонтал (майя): IJAL, XXV, 1959, стр. 44 (I, T).
25. Язык чрау: BSLP, 57, 1962, стр. 171 (I, C).
26. Чукотский: «Handbook of American Indian languages», ed. F. Boas, II, Washington, 1922, стр. 639 (I, P).
27. Язык кёр д'ален: там же, III, New York, 1939, стр. 517 (I, F, T).
28. Язык кус: там же, II, стр. 303 (I, F, P, C, T).
29. Куикатек: IJAL, XII, 1946, стр. 139 (I, T).
30. Чешский: H. Kučera, The phonology of Czech, 's-Gravenhage, 1961; F. Trávníček, Mluvnice spisovné češtiny, Praha, 1948 (I, F, C).

* Буквы после каждой ссылки означают следующее: I — наличие начальных звукосочетаний; F — наличие конечных звукосочетаний; C — информация о звукосочетаниях весьма неполная; P — фонетическая информация неполная или ненадежная; T — один из источников содержит таблицу или другой вид обобщений в отношении сочетаний согласных.

31. Язык дакота (санги): «Handbook of American Indian languages», I, Washington, 1911, стр. 879 (I, P, T).
32. Язык дакота (янктоп): IJAL, XXI, ст. 56 (I, T).
33. Датский: A. M a r t i n e t, La phonologie du mot en danois, Paris, 1937 (I, F, T).
34. Язык делавер: «Linguistic structures of native America», стр. 130 (I, F, T).
35. Голландский: A. C o h e n, Fonologie van het Nederlands en het Fries, 's-Gravenhage, 1961 (I, F, T).
36. Английский: L. B l o o m f e l d, Language, New York, 1933, стр. 127—138 (I, F, T).
37. Язык эве: D. W e s t e r m a n n, A study of the Ewe language, London—New York, 1960 (I, P, C).
38. Французский: K. N y r o p, Manuel phonétique du français parlé, 6-me éd., Copenhagen, 1951; «Lingua», V, 1955—1956, стр. 253 (I, F, T).
39. Фриаский: A. C o h e n, Fonologie van het Nederlands en het Fries, стр. 35 (I, T).
40. Язык га: B. W i l k i e, Ga grammar. Notes and exercises, Oxford, 1930 (I, C, P).
41. Грузинский: NTS, 18, 1958, стр. 5; «Bull. of the School of Oriental and African studies», 14, стр. 55 (I, F, P).
42. Немецкий: W. G. M o u l t o n, The sounds of English and German, Chicago, 1962.
43. Нивхский: T. H a t t o r i, Versuch einer Phonologie des Südostgiljakschen Phonembestands, «Journ. of Hokkaido Gakugei university», XIII, 1962, стр. 67 (I, F, P, T).
44. Греческий: A. K a t s o u d a s, Verb morphology of modern Greek, Bloomington, 1962 (I, F, T).
45. Хинди: «Language», XXXIV, 1958, стр. 212 (I, T).
46. Язык гуабиса: «Lingua posnaniensis», 6, 1957, стр. 1 (F, T).
47. Язык гунчол: IJAL, XI, 1954, стр. 31 (I, T).
48. Венгерский: «Acta linguistica Hung.», 3, 1953, стр. 125—157; 411—429; 4, 1954, стр. 193—224; R. H a l l, Hungarian grammar, Baltimore, 1944 (I, F, T).
49. Исландский: B. K r e s s, Die Laute des modernen Isländischen, Leipzig, 1937 (I, F, T).
50. Язык новай-ото: IJAL, XIII, 1947, стр. 233 (I, C, T).
51. Ирландский: B. O. C u i r e, The Irish of West Muskerry, Dublin, 1944 (I, F, T).
52. Итальянский: R. H a l l, An Italian dictionary, 2-nd ed., Cambridge, 1925; R. H a l l, Descriptive Italian grammar, Ithaca, 1948 (I, T).
53. Язык икскатек: M. T. F. d e M i r a n d a, Fonémica del Ixcateco, México, 1959 (I, T).
54. Японский: «Language», XXVI, 1950, стр. 86 (I, T).
55. Яванский: K. K. U h l e n b e c k, De structuur van het Javaanse morpheem, Bandoeng, 1949 (I, T).
56. Язык карен: «University of California publications in linguistics», 25, 1961 (I, P, T).
57. Капммирский: AO, 19, 1943, стр. 79 (I, F, P, C, T).
58. Язык керсан: IJAL, XII, 1946, стр. 229 (I, F, T).
59. Язык хаси: L. R a b e l, Khasi, a language of Assam, Baton Rouge, 1961 (I, P, T).
60. Корякский: «Handbook of American Indian languages», II, стр. 639 (I, P, T).
61. Язык кутенай: IJAL, XIV, 1948, стр. 37 (I, F, T).
62. Латвийский: J. E n d z e l i n, E. H a u s e n b e r g, Latviešu valodas vardnīca, Chicago, 1956; J. E n d z e l i n, Latviešu valodas gramatika, Riga, 1951 (I, F, C).
63. Литовский: J. O t r e b s k i, Gramatyka języka litewskiego, Warszawa, 1958 (I, F, T).
64. Маратхи: A. K. K e l k a r, The phonology and morphology of Marathi (Cornell dissertation), 1958 (I, F, C).
65. Язык масай: A. N. T u c k e r, J. T o m p o O l e M p a a y e i, A Maasai grammar, London, 1955 (F, P, C).
66. Язык мазатек: ILAL, XIII, 1947, стр. 78 (I, T).
67. Норвежский: NTS, 12, 1942, стр. 5 (I, F, T).
68. Язык осаре: IJAL, XVIII, 1952, стр. 63 (I, T).
69. Осетинский (западный): «Bull. of the School of Oriental and African Studies», 1951, стр. 36 (I, F, C).
70. Хантыйский: W. S t e i n i t z, Ostjaksische Grammatik und Chrestomathie, 2-e Aufl., Leipzig, 1950 (F, T).
71. Язык отоми (мазахуа): IJAL, XIX, 1953, стр. 253 (I, T).
72. Язык отоми (паме): IJAL, XXII, 1956, стр. 242 (I, F, T).
73. Язык отоми (темоа): IJAL, XV, 1949, стр. 213 (I, T).

74. Язык палаунг: «Bull. of the School of Oriental and African studies», XXIII, 1960, стр. 544 (I, T).
75. Язык пашто: Н. Р e n z l, A grammar of Pashto, Washington, 1955 (I, F, T).
76. Персидский: Г. Е. Н у е, The phonemes of modern Persian (Michigan dissertation), 1955 (F, T).
77. Польский: Т. В e n n i, Fonetyka opisowa, в кн: Т. В e n n i, Gramatyka języka polskiego, Kraków, 1923; К. В u l a s, F. J. W h i t f i e l d, The Kościuszko foundation dictionary, II, The Hague, 1961.
78. Португальский: «Boletín de Filología», 3, Lisboa, 1949, стр. 1 (I).
79. Язык квилют: «Handbook of American Indian languages», III, стр. 149 (I, F, T).
80. Румынский: А. G r a u r, A. R o s e t t i, Esquisse d'une phonologie du roumain, «Buletín ling.», 36, Bucureşti, 1938, стр. 5 (I, F, T).
81. Русский: Р. И. А в а н е с о в, Фонетика современного русского литературного языка, М., 1955 (I, F, T).
82. Сербскохорватский: «Language», XXII, 1946, стр. 112 (I, F, T).
83. Язык сиерра пополука: IJAL, XIII, 1947, стр. 13 (F, T).
84. Сингалезский: «University of Ceylon review», XVIII, 1960, стр. 163 (I, C).
85. Испанский: «Language», XXVII, 1951, стр. 248 (I, T).
86. Шведский: «Studia linguistica», 9, København, 1955, стр. 8 (I, F, T).
87. Язык такелма: «Handbook of American Indian languages», II, стр. 7 (I, F, C, T).
88. Язык таос: «Linguistic structures of native America», стр. 184 (F, C).
89. Язык темне: W. A. A. W i l s o n, An outline of the Temne language, London, 1961 (F, T).
90. Язык терена: IJAL, XII, 1946, стр. 60 (I, T).
91. Пайский: А. S. A b r a m s o n, The vowels and tones of standard Thai, Bloomington, 1962 (I, T).
92. Язык тойолабал (язык майя): IJAL, XII, 1946, стр. 34 (I, T).
93. Язык тотонак: там же (I, F, T).
94. Турецкий: Э. В. С е в о р т я н, Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955.
95. Язык тви: P. S c h a c h t e r, Teaching English pronunciation to the Twi-speaking student, Legon, 1962.
96. Узбекский: Ch. B i d w e l l, A structural analysis of Uzbek, New York, 1955 (F, T).
97. Язык вайгали: NTS, 17, 1954, стр. 146 (I, F, P, C, T).
98. Уэльский (валлийский): S. J o n e s, A Welsh phonetic reader, London, 1926; T. G. J o n e s, A. G w y n n, Geira-dur Gymraeg-Saesneg a Saesneg-Gumraeg, Cardiff, 1950 (I, F).
99. Язык вичита: IJAL, XVI, 1950, стр. 179 (I, F, T).
100. Язык виннебаго: A. S u s m a n, The accentual system of Winnebago, New York, 1943 (I, T).
101. Язык юма: «Linguistic structures of native America», стр. 249 (F, T).
102. Язык юрок: «University of California publications in linguistics», 15, 1951 (I, F, C).
103. Язык запотек (митла): Е. В r i g g s, Mitla Zapotec grammar, Mexico, 1961 (I, F, T).
104. Язык зок: IJAL, XVII, 1951, стр. 105 (I, F, T)*.

Перевел с английского М. М. Маковский

* В таблицах, начиная со стр. 49, используются знаки: ~, обозначающий отрывание; ·, обозначающий конъюнкцию («и»); V, обозначающий альтернативу («или»).

В. В. КОЛЕСОВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ,
РАЗВИВАЮЩЕЙ АКАНЬЕ

Вынесенная на обсуждение проблема аканья достаточно широка. В журнальной статье целесообразно ограничиться лишь некоторыми связанными с ее решением вопросами. Здесь речь пойдет об основных условиях образования фонологической модели, вызвавшей появление аканья.

Опубликованные в ходе дискуссии статьи В. И. Георгиева и В. Г. Руделева¹ заслуживают подробного разбора. Однако сразу вызывает недоумение одна общая особенность статей: в них не учитывается все значение фонологических систем отдельных славянских языков. Сопоставляя «аканье» различных славянских языков, В. И. Георгиев реконструирует «праславянское аканье», не учитывая той возможности, что в современных славянских говорах аканье могло явиться результатом самостоятельных изменений; поддерживая квантитативную теорию возникновения аканья, предложенную А. А. Шахматовым, В. Г. Руделев оставляет в стороне элементы фонологической системы, пересекающиеся с количеством, например ударение, хотя фонологическая система может быть изучена эффективно лишь при условии, что изучаются все элементы системы, и только этой системы.

Против теории Шахматова о происхождении русского аканья выставлено много интересных соображений². В их числе важны следующие положения, выдвинутые Ф. П. Филиным³: 1) аканье не всегда совпадает с количественной редукцией гласных в безударных слогах; 2) аканье развивается только в восточнорусском (по терминологии А. А. Шахматова) наречии, не затрагивая северно- и южнорусское, хотя характер ударения (динамической) во всех этих наречиях в эпоху образования аканья был одинаковым.

Возникает задача установить те основные тенденции в развитии восточнославянской системы гласных, которые обусловили переинтеграцию элементов локальных систем, что в свою очередь повлекло за собой возникновение моделей, вызвавших появление аканья.

1. Говоря об аканье, чаще всего имеют в виду рефлексацию гласного неверхнего подъема в первом предупредарном слоге. Действительно, первый предупредарный слог в древневосточнославянском языке отличался от других слогов рядом функциональных особенностей. В частности, гласные первого предупредарного слога часто уподоблялись (или «расподоблялись»)

¹ В. И. Георгиев, Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, ВЯ, 1963, 2; В. Г. Руделев, К фонологической интерпретации русского аканья, там же.

² См.: R. Jakobson, Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, в кн.: R. Jakobson, Selected writings, I, s-Gravenhage, 1962, стр. 92 и сл.

³ См.: Ф. П. Филин, Очерк истории русского языка до XIV ст., Л., 1940, стр. 46—56, 87; его же, К вопросу о происхождении аканья, «Диалектологический сборник», II, Вологда, 1941.

по качеству следующему ударному гласному. Примеры ассимиляции гласных первого предударного слога следующему ударному гласному и их диссимиляции в том же положении общезвестны (ср. хотя бы: *гратань*, *ребенокъ*, *теперь*, *багатъ*, *гараздъ*, *Ар#бъ*, *свирбпъ*, *свидбтель*, *вития*, *мизинець* ⁴).

Межслововая ассимиляция, а также диссимиляция гласных, распространённые по всем русским говорам, не являются последовательными в том смысле, что не на каждый тип изменения можно привести достаточно длинный список примеров. Больше всего материала дают ассимилятивные изменения $o > a$ и $e > u$. Изменение $o > a$ в некоторых случаях (особенно показательно неглагольные формы, где трудно предполагать какие-либо морфологические чередования) до сих пор сохраняется в украинском (ср. *багато*, *гарячий*, *гаразд*, *калач*, *качан*, *залаяв* и под.) ⁵, а в древне- и среднерусском довольно обычно, например, в окающем говоре Аввакума ⁶, еще раньше в Новгородской минее 1097 г. или в Радзивилловском списке летописи XV в. ⁷. Много позже, в связи с проникновением аканья в письменность, соответствующие примеры появляются в русском литературном языке: *баран*, *заря*, *калач*, *карман*, *касатка*, *качан*, *лапта*, *лапша*, *стакан* и т. д. С приведенными выше они имеют то общее свойство, что *a* вместо *o* закрепляется в них только в том предударном слоге, который не проверяется сильной позицией (под ударением) в пределах той же самой морфемы, т. е. находится в абсолютно слабой позиции. Такая позиция гласных (в неодносложных словах, как правило, в суффиксальных образованиях) возникает исторически сначала в результате обобщения новоаканьютой интонации, а следовательно и неподвижного ударения на втором слоге слова, а впоследствии в результате семантических разрывов ранее родственных слов (*багат* ~ *бог*, *касатка* ~ *косу*), исчезновения родственных слов (*калач* ~ *коло*) или заимствования (*боран* ~ *баран*) ⁸. Отчетливее это прослеживается на изменении $e > u$ перед *и*: ассимиляции нет в случаях, если *ѣ* первого предударного слога поддерживается ударным *ѣ* той же морфемы — *бѣжиши*, *грѣшиши*, *смѣшиши* при *бѣгъ*, *грѣхъ*, *смѣхъ*, но *сидиши*, *сидитъ* из *сѣдиши*, *сѣдитъ*. Так же можно объяснить все известные примеры ассимиляции и диссимиляции гласных в первом предударном слоге: показателен самый факт их редкости, ибо он устанавливает зависимость фонетического изменения от морфологической функции слова.

Понятие абсолютно слабой (изолированной) позиции гласного не является новым: для гласных *ѣ*, *ѝ* в формах *много*, *кѣнъ азъ*, *кѣто*, *кѣтица* и под. оно установлено И. Фалёвым ⁹. Именно в этой позиции раньше всего

⁴ Другие примеры древнерусской ассимиляции-диссимиляции приводятся в книге А. И. Соболевского «Лекции по истории русского языка», 4-е изд., М., 1907, стр. 82.

⁵ Произношение *a* вместо *o* перед ударным *a* распространено в говорах, промежуточных между юго-западными и теми северноукраинскими говорами, которые развивают аканье. См.: О. Курило, До питання про українські форми з неаголосним *a* на місці етимологічного *o*, «Ювілейний збірник на пошану ак. М. С. Грушевського», II, Київ, 1928.

⁶ П. Черных, Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия, I, Иркутск, 1927, стр. 10 и сл.

⁷ См.: С. П. Обнорский, Исследование о языке Минее за ноябрь 1097 г., ИОРЯС, 29 (1924), 1925, стр. 215; П. А. Расторгуев, Говоры на территории Смоленщины, М., 1960, стр. 33—34.

⁸ См.: Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 5-е изд., Киев, 1958, стр. 107. Ассимиляция-диссимиляция гласных в заударном слоге, также возможная в древнерусском языке, осложнилась грамматически.

⁹ И. Фалёв, О редуплицированных гласных в древнерусском языке, сб. «Язык и литература», II, 1, Л., 1927.

Таблица 1

Парадигмы односложных имен существительных с исконно подвижным ударением

	Южнорусские памятники			Севернорусские памятники		
	*-а	*-о	*-ь	*-а	*-о	*-ь
Им.	гора	дѣбрь	крѣвь	гѣра	дѣбрь	крѣвь
Род.	горѣ	дѣбрѣ	крѣви	гѣры	дѣбрѣ	крѣви
Дат.	горѣ	дѣбру	крѣви	гѣрѣ	дѣбру	крѣви
Вин.	(к горѣ)	(на двору)	крѣвь	гѣру	дѣбрь	крѣвь
Твор.	(на гору)	дѣбрѣмъ	крѣвью	гѣрою	дѣбрѣмъ	крѣвью
Местн.	горѣ	дѣбрѣ	крѣви	гѣрѣ	дѣбрѣ	крѣви
Им.	гѣры	дѣбри	?	гѣры	дѣбри	крѣви
Род.	гѣрь	дѣбрѣвъ	крѣви	гѣрь	дѣбрѣвъ	крѣви
Дат.	горѣмъ	дѣбрѣмъ	?	гѣрамъ	дѣбрѣмъ	крѣвѣмъ
Вин.	гѣры	дѣбрь	?	гѣры	дѣбрь	?
Твор.	горѣми	дѣбрьми	крѣвьми	гѣрами	дѣбрьми	крѣвьми
Местн.	горѣхъ	дѣбрьхъ	крѣвѣхъ	гѣрахъ	дѣбрьхъ	крѣвѣхъ

начинается нейтрализация фонологического противопоставления у гласных фонем. Принимая во внимание изложенные и некоторые другие факты истории языка, следует говорить о морфологически изолированной позиции гласных как о самостоятельной позиции и учитывать тенденцию к единству отдельных манифестаций фонемы в пределах морфемы. С абсолютно слабой позиции начинается изменение редуцированных гласных; в абсолютно слабой позиции подготавливаются изменения других гласных. Употребляя уже известные формулировки, можно сказать, что на первом этапе изменения гласных (в изолированной позиции) оно определялось не фонетическими, а фонологическими факторами¹⁰: «осуществлялось постепенное устранение морфологической значимости звуков в изолированной позиции»¹¹.

2. Единство манифестаций фонемы обеспечивается подвижным характером ударения: изолированная позиция гласного как особая позиция возможна только в языке с подвижным ударением. Это совпадает со следующим фактом: появление аканья возможно лишь в языке с подвижным ударением. Так называемые «пересекающиеся чередования» гласных в русском языке представляют собою исторически развившийся тип чередований; долгое время они не были свойственны большинству русских диалектов.

Сравнительное изучение древнерусских акцентированных рукописей позволяет отчетливо выделить группу собственно севернорусских памятников (преимущественно летописи), указывающих на то, что к XVI в. северные русские говоры почти последовательно развили свободное неподвижное ударение во всех грамматических категориях слов. В качестве примера можно привести парадигмы односложных имен существитель-

¹⁰ См.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 98.

¹¹ В. М. Марков, К истории сочетаний редуцированных с плавными в русском языке, ФН, 1961, 4, стр. 123.

ных с исконно подвижным типом ударения, в том виде, как они определяются древнерусским материалом (табл. 1; в скобках указаны варианты ударения, возможные в словах с исконно кратким гласным корня).

Такой тип ударения прослеживается, например, в Погодинском списке I Псковской летописи XVI в. (ЛПБ Погод. 1413), в Костромской Гормчей XVI в. (ЛПБ F. 11.87), в Патриаршем списке. Никоновской летописи XVI в. (БАН СССР 32.14.8) и т. д. (в том числе и в тех рукописях, где подобное распределение ударения сопровождается чисто фонетическим различием *ѣ* : *о*). В этих рукописях также обобщается постоянное ударение на втором слоге в двусложных именах существительных (*соко́л, отро́къ, завѣсть, память, живѣть, язвѣкъ* и др. во всех формах склонения). Колебания в ударении отдельных форм существительных типа *гора, рѣка*, а также непоследовательное обобщение ударения на суффиксе в суффиксальных именах существительных и в причастиях (только в случае краткости корневого гласного; если гласный корня долг, ударение на корне: *кротѣсть, бодрѣсть, теплѣсть, гордѣсть, но старѣсть, тихость, мудрѣсть, смѣлѣсть, крѣпѣсть, жестѣта, мокрѣта, добрѣта, корѣта, щедрѣта*, но *грамота, скѣдота, красота, чѣстота, лѣпота; возведѣнь, совершѣнь, исторжѣни, наречѣнь, но плѣбнѣнь, срублѣнь, поставлѣнь*) ведет к предположению, что это собственно фонетический этап в развитии севернорусского неподвижного ударения, еще не затуханный морфологическими обобщениями. С этой стороны характерны существительные и прилагательные, образованные с помощью суффиксов, в состав которых некогда входил слабый *ъ* или *ь*: после их исчезновения гласный предыдущего слога стал позиционно долгим, и ударение постоянно закрепилось за этим слогом (*конѣць, но кѣнца, кѣнцу... кѣнци* — мн. ч.). Остатки древнерусского неподвижного свободного ударения, особенно в словах чисто диалектных или устаревших для современного литературного языка, сохраняются в современных псковских, костромских, кировских, архангельских говорах. Если оставить в стороне такое крайнее явление, может быть развившееся позже, как «ляпанье» в Заонежье, в севернорусском ударении неподвижного типа вслед за Л. Л. Васильевым следует видеть сохранение и развитие очень древней особенности русских говоров¹². Свободное неподвижное ударение возникло в результате разложения праславянского музыкального ударения в эпоху постепенного исчезновения количественных различий у гласных. Поддержанное собственно морфологическими процессами свободное неподвижное ударение со временем могло измениться в стабилизированное ударение (несвободное и неподвижное) типа современного польского. Свободное неподвижное ударение как этап в развитии стабилизированного ударения прослеживается в северокашубских и некоторых македонских говорах¹³. Очевидно, и этой своей особенностью древние новгородские и псковские говоры сближаются с западнославянскими.

В дальнейшем, в эпоху образования национального русского языка, развитие акцентуационных типов, определяемое исторической традицией и, надо полагать, так и не достигшее полной завершенности для всех типов слов, было прервано интенсивным влиянием общерусских норм,

¹² См.: Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI — XVII веков, Л., 1929, стр. 144. В южновеликорусских говорах свободное неподвижное ударение если и встречается, то спорадически и обычно может быть отнесено за счет перемещения населения; ср. *вѣда, вѣдою, нѣчам, нѣпам, гблѣвою, огбнем* и некот. др. в дер. Семеновка Брянской обл. (см.: [А. В. Пр у с с а к], О говорах Брянского и Ливенского уездов, Сб. ОРАС, 99, 1923, стр. 19).

¹³ См.: З. Тополийска, За словенскиот слободен и неподвижен акцент, «Македонски јазик», XI — XII, 1—2, 1960—1961.

и древнее севернорусское ударение сохранилось только в виде остатков, хотя и значительных временами (особенного внимания заслуживают старые записи по отдаленным районам Костромской области). Но до XVI в. неподвижное ударение явилось одной из причин, почему севернорусские говоры не развивали аканья: не было соотношенности сильной и слабой позиции гласных в пределах одной морфемы, и это препятствовало изменению гласных в зависимости от ударения. Стабилизация, кроме того, влечет за собою ослабление экспираторной силы ударного гласного, а следовательно, и противопоставления его всем безударным¹⁴.

3. Возникновению неподвижного ударения предшествовало позиционное распределение ударений в словоформе в зависимости от долготы или краткости гласного в основной морфеме — корневой. Колебание ударений в севернорусских памятниках возможно лишь в формах с исконно двусложной флексией: твор. падеж ед. числа муж. и жен. рода, дат., твор. и местн. падежи мн. числа жен. рода, дат. и местн. падежи мн. числа муж. рода. В остальных случаях колебания не зарегистрированы (кроме имени существительного *река* в сочетании с названием реки). Отмеченное колебание важно, поскольку оно соответствует развитию общеславянского количества: раньше всего сократился гласный абсолютного конца слова, вызвав удлинение гласного в предыдущем слоге; в закрытом конечном слоге, т. е. именно в указанных флексиях, исконная долгота сохранялась, а исконно краткий удлинялся перед слабым редуцированным. Все это привело к позиционному перераспределению количества, в разных славянских языках имевшему свои особенности¹⁵. Очевидно, *двѣра* при *дворѣмъ*, *ѡбра* при *горѣми* и сохраняет это древнейшее распределение ударения в зависимости от количества слога. Постепенно образуется положение, по которому долгим мог быть только гласный под ударением. Не случайно в некоторых древнерусских рукописях писцы пытаются дифференцировать в написании гласный ударный и безударный. Так, в первой части Академического списка IV Новгородской летописи XVI в. (БАН СССР 16.3.2) безударный *у* последовательно изображается буквами *ѹ* или *Ѻ*, ударный *у* — буквой *оу*, безударный *и* изображается буквой *и*, ударный — буквой *і*, *о* безударное передается буквой *о*, ударное — буквой *ѡ*, буквами *ѣ* и *е* соответственно ударный и безударный *ѣ*. Аналогичное положение в Вологодско-Пермской летописи XVI в. (БАН СССР 16.8.15) и т. д.

Обобщение фонетической долготы гласного под ударением показывает, что аканье развилось достаточно поздно, поскольку удлинение предударных гласных, предполагаемое Шахматовым на втором этапе развития аканья в связи с фонетическим сокращением долгих ударных гласных, могло начаться не раньше XVI в.¹⁶ Однако безусловно важно, что в эпоху образования аканья долгота гласных в пределах словоформы определялась ударением, и наоборот: ударение в слове определялось позиционным распределением количества в словоформе. Нельзя говорить о долготе и краткости гласных в пределах слова, не затрагивая вопроса о словесном ударении.

¹⁴ Z. T o p o l i Ń s k a, Z historii akcentu polskiego od wieku XVI do dziś, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 112.

¹⁵ См.: А. А. Шахматов, К истории ударений в славянских языках, ИОРЯС, III (1898), [кн. 1], стр. 11 и сл.; Chr. S. Stang, Slavonic accentuation, Oslo, 1957, стр. 36 и сл.

¹⁶ Иное толкование, по существу снимающее гипотезу А. А. Шахматова, предложено Н. Н. Дурново («Диалектологические разсуждения в области великорусских говоров», ч. I — Южновеликорусское наречие, 2, [Шамордино], 1917, стр. 57 и сл.).

4. Важнейшие изменения отдельных элементов общевосточнославянской системы гласных фонем происходили на всей территории восточнославянского языка не одновременно; поэтому соотношение элементов вновь возникающих систем на разных территориях оказывалось различным. В южнорусском (> украинский язык) редуцированные гласные исчезли раньше, чем в других диалектах восточнославянского языка; позже всего они исчезли на севере. Изменение $\delta < o$ под восходящей интонацией как результат изменения музыкального ударения в динамическое развивалось не вполне синхронно с падением слабых редуцированных: $\delta < \delta$ нет в украинских говорах, не совсем четко оно прослеживается в ряде южновеликорусских говоров, но зато определено оно было общим для всех северновеликорусских говоров и для некоторой части южновеликорусских говоров. Возможно, только в говорах, к которым восходят современные южновеликорусские, падение слабых редуцированных (т. е. фонологическое их исчезновение во всех позициях) совпало по времени с окончательным изменением музыкального ударения в динамическое. В северновеликорусских говорах изменение типа ударения началось одновременно или даже немного раньше окончательного исчезновения слабых редуцированных. На это определено указывает своеобразное преломление действия акцентологического закона Шахматова в условиях древнего севернорусского неподвижного ударения¹⁷. Отсутствие $\delta > \delta$ в украинских говорах также свидетельствует о несинхронном в этих говорах развитии редуцированных гласных и o под восходящим ударением. Таким образом, исторически различные типы аканья развиваются на тех территориях, где фонологическое исчезновение редуцированных гласных хронологически совпало с окончательным изменением музыкального ударения в динамическое¹⁸.

5. При динамическом характере ударения различие в мускульном напряжении при произнесении ударных и безударных гласных может повести к качественной редукции гласных в безударной позиции¹⁹. Качественная редукция гласных, связанная с их сокращением, усложняется редукцией качественной, которая с точки зрения физиологической представляет собой условное положение покоя или безразличности органов речи, их «ненапряженность». Артикулируемый таким образом гласный акустически отличается от гласного, произнесенного с тем же точно положением органов речи, но со значительной степенью напряженности речевого аппарата. Характер гласного ненапряженного в большей мере зависит от окружающих звуков, при артикуляции же гласного напряженного в резонаторе со сравнительно твердыми стенками в условиях относительно высокой селективности увеличивается характерный тембр гласного. Таким образом, «напряженные» звуки звучат ясно и качественно определено; в «ненапряженных» — качество гласного как-то скрадывается, и они звучат до некоторой степени безразлично²⁰. Поскольку только напряженность влияет на тембровую характеристику гласного, понятие качественной редукции можно связать именно с напряженностью

¹⁷ См.: В. В. Колесов, Несколько дополнений к акцентологическому закону Шахматова, «Вопросы теории и истории языка. Сб. в честь проф. В. А. Ларина», Л., 1963.

¹⁸ Аналогичные замечания о соотношении указанных изменений развивал Н. С. Трубецкой в работе «Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit», ZfslPh, I, 1924.

¹⁹ Для гласных неверхнего подъема на это указывали А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново; ср.: Н. Н. Дурново, указ. соч., стр. 49 и сл.

²⁰ См.: Л. В. Щербина, Избранные работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 140.

гласного; в таком случае редукцию безударных гласных можно понимать как противоположение напряженных и ненапряженных гласных²¹.

Нельзя, разумеется, отрывать друг от друга качественную и количественную редукцию: в современном литературном языке, например, они связаны через ударение; однако когда речь заходит о причинах возникновения аканья, необходимо разграничивать эти два вида редукции, что диктуется и общими соображениями, в частности исторического характера, и фактами современных говоров. Действительно, редуцированный гласный может быть напряженным²² (именно такими напряженными редуцированными были *ь* и *ъ* в положении перед *і* в общеславянском), но долгим или даже кратким он быть не может; ненапряженность может вызвать количественную редукцию, обратная же зависимость для своей реализации требует дополнительных условий. Удобнее поэтому редуцированным звуком называть сверхкраткий в противопоставлении к краткому и долговому или краткий в противопоставлении к долговому и связывать его с планом количественной редукции. Тогда основным признаком качественной редукции гласного можно считать его ненапряженность.

Сравнивая различные типы говоров со стороны их ударения, Л. В. Златоустова приходит к выводу о том, что в окающем говоре с редукцией безударный гласный по длительности может быть равен ударному, а иногда и превышать его²³. В таких условиях основной характеристикой гласного является прежде всего напряженность и только во вторую очередь длительность. Наоборот, в окающих говорах без редукции ударный гласный выделяется не напряженностью, а интенсивностью и только во вторую очередь длительностью²⁴. Таким образом, окающие говоры с редукцией с литературным произношением объединяет степень напряженности гласных, вызывающая качественную редукцию гласных. Разная степень количественной редукции косвенно определяется редукцией качественной: в окающих говорах без редукции количественная редукция минимальна.

Ослабление артикуляции в произношении безударных гласных отмечено в некоторых севернорусских говорах²⁵, однако количественной редукцией такое ослабление напряженности сопровождается лишь в некоторых позициях, например в заударном закрытом слоге.

Выясняется, таким образом, возможная первоначальность качественной редукции сравнительно с количественной, т. е. первоначальная значимость ДП «напряженность ~ ненапряженность», а не ДП «долгота ~ краткость», как будто бы сменившего оппозицию по ДП «диффузность ~ компактность»²⁶; ДП «долгота ~ краткость» мог быть производным от ДП «напряженность ~ ненапряженность».

Существенно также, что количественная редукция гласных в безударных слогах не отражается в древнерусских памятниках, хотя графически это было вполне возможно²⁷. Примеры Смоленской грамоты 1229 г., при-

²¹ Ср.: Л. Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Л., 1960, стр. 184.

²² См.: Л. В. Щербачева, *указ. соч.*, стр. 139.

²³ Ср.: Р. И. Аванесов, *О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии*, «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка», 9, Л., 1927, стр. 67—68.

²⁴ Л. В. Златоустова, *О природе словесного ударения в окающих говорах с редукцией и без редукции сравнительно с литературным языком*, «Материалы и исследования по русской диалектологии», Новая серия, III, М., 1962, стр. 129, 132.

²⁵ См.: О. Брок, *Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда*, Сб. ОРЯС, 83, 4, 1907, стр. 10 и сл.

²⁶ См.: В. Г. Руделев, *указ. соч.*, стр. 33.

²⁷ Об отражении редукции гласных верхнего подъема в памятниках см.: М. А. Соловова, *Очерки по исторической грамматике русского языка*, Л., 1962, стр. 53 и сл.

водимые Б. М. Ляпуновым и И. М. Тимчиновой²⁸, неубедительны по причинам уже изложенным²⁹: слишком часто такая «редукция» гласных происходит в слоге под ударением, чтобы фактам этой грамоты придавать фонетическое значение. Вдобавок они уникальны для древнерусской письменности³⁰. Ф. П. Филин видит редукцию безударных гласных в редких написаниях типа *новгородъ* и *дворць*, *новгородь*, *конць*³¹, встреченных в новгородских памятниках XII — XIII вв. Однако характер примеров позволяет объяснить их иначе — это может быть графическое отражение начавшегося обобщения основ, обычного в древнеовгородских рукописях эпохи падения редуцированных: *дворць* при *дворца*, *дворцоу*..., как *все*, *взе* (вместо *весь*) при *всего*, *всемоу*... или *петре* при *петра*, *петроу*³².

6. Сказанное позволяет подойти к проблеме аканья с точки зрения функционального взаимодействия ударных и безударных гласных в диакритическом плане, развивая положения, содержащиеся в работах Ф. П. Филина (фонетическое толкование) и Н. Ван-Вейка (фонологическое толкование)³³.

Древнерусский язык унаследовал из общеславянского единую систему гласных фонем; их распределение в потоке речи не зависело от ударения. Но в связи с изменением музыкального ударения в динамическое все последующие фонетические и фонологические изменения стали осуществляться в рамках новой просодической модели, которая определяла их качественно иной характер. Интонация как слоговое ударение постепенно растворялась в ударении словесном. В связи с распадением группо-фонем интонация как важнейшая характеристика слога уступает место единому словесному ударению, которое становится структурным центром слова.

Постепенно в составе ударных и безударных гласных фонем наступают известные различия. Прежде всего, возникает фонема δ из исконого o под восходящим ударением, которая представляет собою напряженный гласный и встречается только под ударением. Напряженность выступает только под ударением, которое в этом отношении противопоставляется безударному положению. Следующее изменение, увеличившее частотность o за счет e , в большинстве говоров тоже происходит в зависимости от ударения. Если переход $\delta > \delta$ можно предполагать почти на всей территории современного русского языка, то переход $e > o$ в восточной части южновеликорусского наречия является чертой относительно новой. В тех же говорах началось и изменение $\epsilon > e$, также в безударной позиции. При этом существенно, что ϵ переходило в e в безударном слоге только на той территории, где установилось фонологическое противопоставление $\delta : o$

²⁸ Б. М. Ляпунов, Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летоиси, I, СПб., 1900, стр. 94—95; И. М. Тимчинова, К хронологии явлений, предшествующих аканью, «Уч. зап. Высшей школы г. Одессы. Отд. гуманитар.-обществ. наук», 2, 1922.

²⁹ См.: Л. В. Усачева, Язык смоленских грамот XIII — XIV вв. (Фонетика). Канд. диссерт., М., 1954, стр. 225 и сл.

³⁰ Так же проблематична постулируемая М. И. Корнеевой - Петрулан связь ϵ Смоленской грамоты 1229 г. с δ ($o - c o$) и ϵ с ϵ ($e - c e$) (М. И. Корнеева - Петрулан, К истории отдельных фонетических особенностей белорусского языка, «Даследаванні па беларускай і рускай мовах», Мінск, 1958): нет видимой связи в реализации букв ϵ , ϵ , есть исключения и т. д. Сам материал, в том виде, как он приведен в статье, определенно указывает на зависимость употребления букв ϵ , ϵ или o , e (δ) от качества предыдущего согласного.

³¹ Ф. П. Филин, Очерк истории русского языка..., стр. 51.

³² Ср.: Л. Васильев, Одно соображение в защиту написаний *ръ*, *ьръ*, *ьрь*, *ьль* древнерусских памятников, как действительных отражений второго полногласия, ЯМНП, Новая серия, ч. XXII, 1909, кн. 8, стр. 312—313.

³³ N. van Wijk, Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje, «Slavia», XIII, № 4, 1934, стр. 654 и сл.

под ударением; в смоленско-полоцких говорах, где никогда не было фонемы δ^{34} , ϵ в любой позиции очень рано изменилось в e .

Большой материал, приведенный С. И. Котковым³⁵, не оставляет сомнений в справедливости заключения, сделанного еще Л. Л. Васильевым: в южновеликорусских говорах XVI — XVII вв. $\epsilon > e$ только в безударном слоге. Поэтому редкие примеры изменения $\epsilon > e$ только перед мягкими согласными независимо от ударения³⁶ представляются странным исключением. Некоторые факты как будто объясняют это исключение.

Подсчеты употребления $\bar{t}$ и остальных гласных (после мягких согласных) по московским грамотам XIV в. в зависимости от ударения и характера следующего согласного (основная и первая дополнительная выборки, см. ниже) дали следующие результаты:

Таблица 2

Абсолютная и относительная частота гласных после мягких согласных в московских грамотах XIV в.

Позиция Гласный	Абсолютная частота		Относительная частота	
	под ударением	без ударения	(по всему количеству $\bar{t}$)	
$\bar{t}i$	245	35	$\bar{t}i$	28%
$\bar{t}i'$	226	369	$\bar{t}i'$	25,7%
Всего	471 (18,6%)	404 (11,2%)	$\bar{t}i$	4%
Остальные гласные	2046	3255	$\bar{t}i'$	42%
Итого	2517 (100%)	3629 (100%)		100%

Под ударением количество $\bar{t}i$ почти равно количеству $\bar{t}i'$ (t — любой твердый согласный, i' — любой мягкий согласный; также отмечается и положение конца слова); в безударном слоге число $\bar{t}i$ невелико, частота $\bar{t}i'$, напротив, высокая. В связи с этим можно полагать, что дальнейшее распространение фонетического изменения $\epsilon > e$ под ударением заключалось в изменении $\epsilon > e$ сначала только перед мягким согласным³⁷. Этот этап изменения ϵ и засвидетельствован в некоторых московских памятниках до XVI в. Указанная хронологическая граница чрезвычайно важна, так как до конца XV в. позиционное изменение $e > o$ перед твердыми согласными затрудняло изменение $\epsilon > e$ в этой позиции. Это второе объяс-

³⁴ См.: Р. И. Аванесов, Проблемы образования языка великорусской народности, ВЯ, 1955, 5; на отрицании δ в древнем белорусском языке основана, как известно, точка зрения Н. Ван-Вейка о сильном яканье как исхонном типе яканья. Однако в части белорусских говоров долгое время сохранялись остатки δ (см.: T. L e h r S p i a w i ŋ s k y, Ślady dawnych różnic intonacyjnych w językach ruskich, «Studia i szkice wybrane», Warszawa, 1957, стр. 305).

³⁵ С. И. Котков, Южновеликорусское наречие в XVII столетии, М., 1963, стр. 35—52.

³⁶ Например, в Переяславском евангелии 1354 г.; см.: П. С. Кузнецов, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, «Докл. и сообщ. [Ин-та русского языка АН СССР]», 2, 1948, стр. 137; шесть примеров, приведенные здесь, остаются уникальными — во всяком случае в «Исторической грамматике русского языка» П. С. Кузнецова и В. И. Борковского новые примеры подобного рода не приводятся (см. стр. 135).

³⁷ В памятнике с еще более редкими, чем в Переяславском евангелии, примерами изменения $\epsilon > e$ представлены лишь случаи с безударным ϵ в конечном открытом слоге и перед мягким согласным; ср. данные Московского евангелия 1358 г. (О. А. Князевская, К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в., «Труды Ин-та языковедения [АН СССР]», VIII, 1957, стр. 158 и сл.).

нение первоначального распространения *e* вместо ударного *ě* только перед мягким согласным. Учитывая, что современные среднерусские окающие говоры указывают на одинаковое изменение безударного *e* и *e* из *ě* в *o* перед твердым согласным (в то время как, например, в архангельских говорах *e* из *ě* не изменилось в *o*), следует допустить, что изменение *'et* в *'ot* в северо-восточных говорах оставалось еще позиционным изменением, когда каждый безударный *ě* изменился в *e*.

Рассмотренные фонетические изменения подготовили и обусловили изменение фонологической системы гласных. Появились некоторые несоответствия двух систем гласных:

Под ударением	Без ударения
<i>и</i> <i>ы</i> <i>у</i>	<i>и</i> <i>ы</i> <i>у</i>
<i>ě</i> <i>о</i>	<i>e</i> <i>o</i>
<i>e</i> <i>а</i>	<i>e</i> <i>а</i>

В соотношении этих двух систем гласных

Под ударением	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>ě</i>	<i>e</i>	<i>а</i>	<i>o</i>	<i>ъ</i>	<i>у</i>
Без ударения	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>а</i>	<i>а</i>	<i>o</i>	<i>у</i>

образуются первые пересекающиеся ряды гласных

Под ударением	<i>ě</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ъ</i>	или	<i>ě</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ъ</i>
Без ударения	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>		<i>e</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>o</i>

которые потенциально могут распространяться и на другие корреляции в цепи, поскольку намечается основной принцип соответствия элементов двух параллельных систем. Общая тенденция заключается в постепенном обобщении в безударной позиции только тех гласных, которые не образуют с ударными гласными пересекающихся рядов, т. е. *а* и *и* (*ы* постепенно сходит на уровень оттенка фонемы *и*, а *у* устраняется из указанного противопоставления как безударный лабиализованный).

Вместе с изменениями гласных гласных в фонологической системе изменяются и некоторые физиолого-акустические качества этих фонем, потому что некоторые ДП, важные в предыдущий период, становятся нерелевантными в новой системе. В частности, в связи с нейтрализацией фонологического противопоставления *ě* и *e* в безударной позиции звук *e* по своему образованию стал более задним и более нижним, а в связи с отсутствием противопоставления *ъ* и *o* безударный *o* передвинулся вперед и вниз; это было возможно потому, что *e* и *o* являются гласными более неопределенного по месту и более нижнего образования, чем напряженные *ě* и *ъ*.

Названные изменения в конечном счете способствовали усилению функционального противопоставления ударных гласных безударным с генерализацией ДП «напряженность ~ ненапряженность». Передвижение гласных среднего подъема в нейтральный средний ряд с одновременным понижением артикуляции вело к реальному сближению с *а* как гласным, ближайшим в системе по ряду и подъему. Незадолго перед этим в результате некоторых фонетических изменений фонема *а* передвинулась в средний ряд из заднего, где она противопоставлялась фонеме *ѧ*³⁸.

³⁸ См.: В. К. Журавлев, Генезис одной общеславянской изоглоссы, «Все-союзная конференция по славянской филологии 17—22 декабря 1962 г.», Л., 1962; его же, Из истории вокализма в праславянском языке позднего периода, ВЯ, 1963, 2, стр. 11 и сл. В применении специально к русскому языку здесь несколько архаизировано фонологическое изменение *а*.

В результате в безударной позиции

и ы у
 .....
 → е о ←
 а ←

теряется ДП «лабиализованный ~ нелабиализованный», возникает два варианта гласного неверхнего подъема е и а — более высокий и передний и более низкий и задний; сближение е с о в безударной позиции облегчается изменением $e > o$ (в некоторых говорах такое изменение имело место и в безударной позиции). Происходит фонологическое перераспределение гласных в двух системах, образуется компактная группа безударных гласных фонем неверхнего подъема с важной особенностью — неопределенного образования, ненапряженные. Все остальные изменения определяются фонологической моделью, возникшей в результате целой серии последовательных фонетических изменений: здесь становится важным влияние окружающих звуков, в частности и прежде всего влияние ударного гласного.

Таковы соображения о формировании основных особенностей модели, обусловившей появление аканья. Несинхронное развитие языковых систем привело к перинтеграции их элементов в разных диалектах древнерусского языка и разному соотношению этих элементов в рамках вновь возникающих систем. Наиболее благоприятные условия для возникновения аканья создались непосредственно после падения слабых редуцированных в широкой полосе восточнославянских говоров, промежуточных между современными северовеликорусскими и украинскими говорами. В дальнейшем аканье может развиваться и не в зонах его первоначального возникновения, но по характеру своего возникновения это аканье отличается от первоначального аканья (ср. развитие аканья в псковских говорах, основные этапы которого хорошо освещены в литературе).

7. Количественные характеристики распределения гласных в древнерусских текстах как будто подтверждают изменение гласных среднего подъема в зависимости от системы гласных в определенной позиции. В качестве примера приведем подсчеты по оригинальным русским текстам XIV в. северо-восточного происхождения³⁰ (табл. 3).

Учитывая фонетические изменения, затронувшие северо-восточные русские говоры в XII — XIV вв., целесообразно при подсчетах особо выделить положение *ѣ* перед твердым согласным *t* и перед мягким согласным *t'*, а также на конце слова: в последних случаях *ѣ* изменяется в *e* (из среднего неверхнего подъема переходит в средний). Изменение *e* в *o* не столь важно для наших подсчетов (в результате изменения гласный не переходит

³⁰ Основная выборка произведена по припискам и записям писцов к Суздальским Пандектам 1296 г., Сийскому евангелию 1339 г., Переяславскому евангелию 1354 г., Галичскому евангелию 1357 г., Московскому евангелию 1358 г., Лаврентьевской летописи 1377 г., списку Ефрема Сирина 1377 г., евангелию 1400 г., а также по московским грамотам XIV в. в издании «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв.», М. — Л., 1950 (№№ 1—5, 8). Необходимая точность (относительная ошибка $\sigma = 10\%$) была достигнута для ударных гласных после твердых согласных и безударных гласных, кроме положения первого предупредительного слога после твердых согласных. Первая дополнительная выборка произведена по тому же изданию московских грамот (№№ 6, 7, 9—12). Необходимая точность подсчетов ($\sigma = 10\%$) достигнута для гласных безударных слогов, кроме первого предупредительного слога после мягких согласных. Вторая дополнительная выборка произведена по тому же изданию московских грамот (№№ 13—15). Необходимая точность подсчетов ($\sigma = 10\%$) достигнута для согласных первого предупредительного слога после твердых согласных и ударных гласных после мягких согласных. Для наиболее редкой позиции — первый предупредительный слог после мягких согласных — добиться $\sigma = 10\%$ не оказалось возможным ввиду ограниченности текстов. Удовлетворяемся поэтому относительной ошибкой $\sigma = 14\%$.

Таблица 3

Абсолютная частота гласных по позициям

Позиция Гласный	После твердых согласных			После мягких согласных		
	ударный слог	первый предударный слог	остальные безударные слоги	ударный слог	первый предударный слог	остальные безударные слоги
<i>и</i>	—	—	—	1289	720	1828
<i>ы</i>	153	52	240	—	—	—
<i>у</i>	194	301	259	150	40	246
<i>ѳѳ'</i>	—	—	—	381	19	22
<i>ѳѳ'</i>	—	—	—	346	21	352
<i>ѳ</i>	497	—	—	—	—	—
<i>еѳ</i>	29	18	62	500	365	358
<i>еѳ'</i>	8	3	27	353	439	469
<i>о</i>	340	1881	666	—	—	—
<i>а</i>	505	873	394	682	186	354
Всего	1726	3128	1648	3701	1790	3629

из одного подъема в другой), однако и оно учтено. В соответствии с данными исторической фонетики русского языка для эпохи до XV в. принято, что сочетания *кы, гы, хы* уже изменились в *ки, ги, хи*, *ж* и *ш* отвердели, а *ц', ч'* и *ѳ'* сохраняют исконную мягкость; *ѳ* определяется в тех позициях, где эта фонема была возможна. При подсчетах опущены заимствованные (нерусские) имена собственные и географические названия, ударения которых не удалось установить по акцентированным русским рукописям; в редких случаях сомнений относительно ударения слово при подсчетах опускалось.

Поскольку нас интересуют изменения гласных в пределах подъема (различие в компактности), внутри каждой системы относительные частоты гласных можно представить в виде числа, общего для всех гласных соответствующего подъема (табл. 4).

Таблица 4

Относительная частота гласных в зависимости от компактности (в %)

Гласные		Отношение к ударению		
		Ударный слог	Первый предударный слог	Остальные безударные слоги
После <i>t</i>	верхнего подъема	20,2	11,3	30,3
	средневерхнего подъема	28,6	—	—
	среднего »	21,9	60,8	45,8
	нижнего »	29,3	27,9	23,9
	Всего	100	100	100
После <i>t'</i>	верхнего подъема	38,8	42,5	57,1
	средневерхнего подъема	10,3	01,1	00,7
	среднего »	32,4	46,0	32,4
	нижнего »	18,5	10,4	09,8
	Всего	100	100	100

Легко вычислить направление изменения гласных в пределах выделенных позиций; это изменение статистически определяется количественными характеристиками гласных в системе и некоторыми свойствами меры неопределенности (энтропии)⁴⁰ (табл. 5).

Таблица 5

Направление изменения гласных среднего подъема (информация *H*)

Гласные		Отношение к ударению		
		Ударный слог	Первый предударный слог	Остальные безударные слоги
После <i>t</i>	средние становятся верхними	1.56	0.85	0.79
	» » средневерхними	1.48	1.31	1.53
	» » нижними	1.48	0.51	0.87
	действительная информация	1.98	1.31	1.53
После <i>t'</i>	средние становятся верхними	1.14	0.57	0.52
	» » средневерхними	1.50	1.38	1.32
	» » нижними	1.36	1.06	1.04
	действительная информация	1.85	1.45	1.37

Что же касается гласного *a*, то в безударной позиции после твердого согласного он сближается с гласным среднего подъема, а после мягких согласных — как будто с гласными верхнего подъема; очевидно, приводимые ниже статистические данные указывают на изменение *a*, совпадающее с изменениями *e* и *o* (табл. 6).

Таблица 6

Направление изменения гласного *a* в слабой позиции (информация *H*)

Гласный	Позиция	После твердых		После мягких	
		первый предударный	остальные безударные	первый предударный	остальные безударные
<i>a</i>	становится верхним	0.96	0.99	1.07	0.97
<i>a</i>	» средневерхним	1.31	1.53	1.40	1.33
<i>a</i>	» средним	0.51	0.87	1.06	1.03
	Действительная информация	1.31	1.53	1.45	1.37

Из приведенных таблиц выясняется:

1. Подударные гласные после твердых согласных изменениям не подвергаются. Статистическая закономерность (ср. совпадение двух отмеченных энтропических градиентов) подтверждает известный факт, что подударные гласные четко различаются после твердых согласных.

2. После твердых согласных гласные среднего подъема в первом предударном слоге совпадают с гласными нижнего подъема, в остальных безударных слогах — с гласными верхнего подъема. Фонетически это значит, что в безударных слогах гласные среднего подъема реализуются как ненапряженные по артикуляции нелабиализованные гласные среднего ряда, близкие к *a* в первом предударном слоге и близкие к *y* (в транскрипции *ъ*,

⁴⁰ Методика исследования предложена Р. Эбернети, см.: R. A b e r n e t h y, The fall of the jers. A statistical interpretation, сб. «For Roman Jakobson», The Hague, 1956.

с артикуляторно-акустической точки зрения оттенков фонемы *ы*⁴¹) в остальных безударных слогах. Это недиссимилятивный тип аканья.

3. Статистическая характеристика гласных после мягких согласных затруднительна. Совпадение энтропического градиента по всем позициям (в любом случае гласный неверхнего подъема сближается с гласным верхнего подъема) и отсутствие подобного совпадения для нескольких потенциальных изменений в сильной позиции (как это определено обнаруживается в позиции после твердых согласных) позволяет предполагать, что безударные гласные в позиции после мягких согласных не изменялись. Фонетически это может значить, что в московских говорах XIV в. положение возле мягкого согласного (перед, после или между мягкими согласными) функционально отличалось от положения возле твердого согласного, и это функциональное отличие последовательно определяло все фонетические изменения ($e > o$, $\bar{b} > e$, $a > e$ и под.). Возможно, что в ряде московских говоров не только иканье, но и предшествовавшее ему еканье⁴² развивалось довольно поздно, хотя по нашим статистическим данным еканье можно допустить в некоторых московских говорах в XIV в., но только в первом предударном слоге (см. табл. 6).

⁴¹ См.: А. Н. Гвоздев, О фонологических средствах русского языка, М.—Л., 1949, стр. 26 и сл.

⁴² Из новейших работ см.: В. М. Марков, Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря, «Уч. зап. Казанск. ун-та», 119, 5, 1959; З. М. Волоцкая, Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVIII — начала XIX века (на материале памятников дубочной литературы), сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка», М., 1961.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. Н. СЕЛИВЕРСТОВА

ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛОВ ТИПА *ВСЕ* И ТИПА *КТО-НИБУДЬ*

1. Значение слова можно представить как набор различительных и избыточных признаков (смысловых, стилистических, экспрессивных и т. д.)¹. Очевидно, подобный анализ может проводиться только на материале слов, составляющих семантическую группу, т. е. слов, имеющих по крайней мере один общий дифференциальный семантический признак. В данной статье будет сделана попытка рассмотреть смысловые признаки слов семантической группы, которую составляют следующие слова и выражения: *все, каждый, любой, всякий, весь, оба, некоторые, все, что угодно, кто угодно, кто бы ни..., что бы ни..., один из..., двое из...* и т. д., слова с частицами *-нибудь, -либо, кое-, ни и не* (*не с кем, не о ком и т. д.*, но не *некто* и *ничто*), а также некоторые другие. Все указанные слова лишены денотативной функции и в речи относятся к слову, обозначающему совокупность объектов, либо как его определения, либо связаны с ним предлогом *из*². Выступая в этой определительной функции, данные слова показывают, какую часть от общего количества членов совокупности составляют участвующие в событии объекты. Они могут также относиться к словам, обозначающим объект, состоящий из отдельных частей, и показывать, какую долю от всего объекта составляют участвующие в событии части. Эта относительная количественная информация и является содержанием первого признака, который объединяет все члены данной семантической группы. Мы будем называть его признаком *количественного участия*. Этот признак принимает три основных значения: 1) «все», 2) «не все», 3) «необязательно все» (т. е. разрешается взять и все, и не все) / «отсутствует указание, что все»³. Некоторые члены группы могут выражать и абсолютную количественную характеристику, в связи с чем число значений признака значительно возрастает: «все, а именно два», «не все, причем больше одного», «не все, а именно два», «не все, а именно только один» и т. д.

Второй признак, присущий данным словам, показывает, какую часть от общего количества объектов совокупности составляют объекты, которые

¹ Работы подобного рода уже проводились. См., например, обзор некоторых из них в статье Ю. Д. Апресяна «Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики» (сб. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963).

² Высказывания, не имеющие этого слова, как предложил И. А. Мельчук, можно считать эллиптическими, так как в противном случае мы должны будем прийти к выводу, что одно и то же слово в одном и том же значении иногда имеет денотативную функцию, а иногда нет. Например: *Я хочу посоветоваться с кем-нибудь из них* и *Я хочу посоветоваться с кем-нибудь*.

³ Два последних значения, во всяком случае в русском языке, никогда не противопоставлены друг другу, а выступают как варианты.

по своим качествам могут стать или быть выбранными в роли участвующих в событии. Мы назовем его признаком *качественного участия*. Информация, заключенная в этом признаке, подобна содержанию, например, такого высказывания: *Участника события можно выбирать только из 50% членов совокупности.*

Как и предыдущий, этот признак может принимать те же три основных значения, на которые также могут наслаиваться абсолютные количественные характеристики (практически значений этого признака всегда меньше, чем предыдущего). Отметим, что если данная совокупность состоит из большого числа объектов, которые распадаются на несколько классов, то последний признак относится именно к этим классам, а не к отдельным объектам. Поскольку этот признак всегда имеет дело с качествами, можно было бы считать, что он относится только к классам, хотя бы и состоящим из одного члена (вследствие правила логики о возможности перевода класса в качество и наоборот). Однако по некоторым соображениям эти случаи удобнее различать.

Если слово имеет оба признака, то между ними устанавливаются следующие отношения: количество объектов, которые могут по своим качествам участвовать в событии, всегда либо больше, либо равно требуемому количеству участвующих элементов. Например, «качественно — все, количественно — только один». Признак *качественного участия* относится только к такому объекту, в отношении которого в момент речи нельзя сказать, что он обязательно не будет участвовать в событии. Поэтому если количество качественно возможных участников (или мест, моментов времени и т. д.) больше требуемого количества участвующих элементов, то это значит, с одной стороны, что между объектами, качественно способными участвовать в событии, устанавливается отношение дизъюнкции («или»), определяемое их возможностью фактического участия, а с другой — что участвующий в событии элемент еще не выбран.

Оба выделенных признака сами по себе не указывают на существование участвующего в событии объекта. Эта информация заключена в признаке «существования», который может принимать три значения: 1) «существует»; 2) «не существует»; 3) «отсутствует указание, что существует»/«если существует»⁴. Первое значение этого признака реализуется во всех высказываниях, в которых не в форме импликации содержится утверждение об осуществлении события. Это же значение может выступать в сообщениях, в которых утверждается необходимость или возможность осуществления события или описывается побуждение к осуществлению события, но в этих случаях данное указание говорит не о существовании участвующего в событии объекта, а о существовании объекта, который может, должен, умеет и т. д. участвовать в событии. Значение «отсутствует указание, что существует» реализуется, например, в вопросительных предложениях или в высказываниях, в которых утверждение об осуществлении события дается в форме импликации. Например: *Такое замечание его разозлит* (т. е. если будет сделано замечание, относящееся к данному подклассу замечаний, то он разозлится). Поскольку в простых предложениях, лишь внутренне представляющих собой импликацию, первое событие, которое и делает возможным участие объекта в событии, выступающем денотатом предложения, не описывается, удобно ввести еще один термин — «объект, поставленный в соответствие с событием». Таким объектом мы

⁴ Значение «отсутствует указание, что существует» включает значение «если существует» как частное, выступающее в высказываниях, которые по крайней мере по внутренней форме представляют собой импликацию («если... то»). Однако этот вариант значения важно выделить, так как бывают слова, которые могут использоваться только в тех случаях, когда выступает именно этот вариант.

будем называть объект, участие которого в событии зависит только от того, будет ли он участвовать при участии других. Таким образом, вариант признака существования, который выступает в этих условиях, можно сформулировать как «если существует объект, поставленный в соответствие с бытием».

Значение «не существует» появляется при наличии отрицания, распространяющегося на все сообщение. Признаки количественного и качественного участия в этом случае могут иметь значение «ни один». Однако если рассматривать эти предложения в качестве утвердительных предложений типа *неверно, что...*, то признак существования будет иметь значение «существует», а для признаков качественного и количественного участия следует выделить еще один вариант значения «даже один» (или «хотя бы один»), который выступает только в этих условиях. Следует указать еще на один вариант значения признака существования, который также выступает в условиях отрицания: «существует объект, не участвующий в событии» и «отсутствует указание, что существует объект, не участвующий в событии». Пример: *Двое из них не пришли*.

Признак существования в отличие от двух первых признаков обязательно появляется в каждом высказывании и при отсутствии анализируемых слов. Однако его введение необходимо для понимания условий, при которых их появление в речи возможно⁵.

2. При помощи выделенных признаков опишем те единицы содержания, которые закреплены за рассматриваемыми лексемами⁶.

Лексема⁷ *любой* имеет следующую единичную содержания: 1) количественно — из всех членов совокупности в событии может участвовать: а) только один; б) по крайней мере один; 2) качественно — все члены совокупности могут участвовать в событии; 3) если существует участвующий объект (или объект, который может участвовать и т. д.).

Лексемы с частицей *-нибудь* имеют следующую единицу содержания: 1) количественно — а) только один; б) по крайней мере один; 2) качественно — отсутствует указание, что все, но больше одного; 3) а) существует; б) не существует; в) отсутствует указание, что существует⁸.

Прежде чем рассмотреть, действительно ли вносят указанные лексемы приписанное им содержание и единственно ли оно, сделаем следующие предварительные замечания.

⁵ Содержание выделенных признаков в некоторой степени соответствует содержанию логических операторов существования и всеобщности, но между ними есть и существенные различия. Одним из проявлений этих различий является невозможность показать разницу между словами *некоторые*, *несколько*, *кто-нибудь*, если их описывать через данные логические константы. Однако существование этого соответствия позволяет отнести рассматриваемые единицы к группе кванторных слов. К этой группе также относятся слова типа англ. *the* и *a*, которые показывают, является ли участвующий в событии элемент (или набор элементов, или класс, взятый как элемент) единственно возможным обозначаемым слова или выражения, с которым они синтаксически связаны, или нет (содержание этого признака близко к содержанию этга- и йота-операторов), а также некоторые другие слова и выражения.

⁶ Здесь не будут рассмотрены следующие члены данной семантической группы: 1) *всякий*; *весь*, лексемы с частицей *-либо* и некоторые другие; 2) *никто*, *ничто* и т. д., *не с кем*, *не о ком* и т. д. Слова с частицей *не* и *ни* имеют признак количественного участия в значении «ни один» (или «неверно, что хотя бы один»). Различаются они по признаку способности к участию — фактического участия (ср. *Мне не с кем было говорить* и *Я ни с кем не говорил*). Принципы анализа остальных слов, кроме слова *всякий*, не вносят ничего существенного нового по сравнению с теми единицами, которые будут проанализированы.

⁷ Мы пользуемся термином «слово» и «лексема» в том дифференцированном значении, которое предложено в статье Н. И. Толстого «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (ВЯ, 1963, 1).

⁸ Из-за недостатка места здесь не рассматриваются признаки, по которым противопоставлены между собой слова *кто-нибудь* — *что-нибудь* — *где-нибудь* и т. д.

Для того чтобы доказать, что за некоторой лексемой закреплена некоторая единица содержания, достаточно показать, что существуют высказывания, в которых данная лексема передает данную информацию. Это можно показать экспериментально с помощью того или иного вида опроса информантов. При рассмотрении вопроса о единственности единицы содержания достаточно доказать, что не существуют высказывания, в которых данная лексема не имела бы данного значения. Это можно установить, перечислив все условия, при которых ее появление в речи возможно (при этом делается очевидное допущение, что если лексема выражает рассматриваемые сведения при данных условиях в нескольких сообщениях, то это верно и для всех сообщений, имеющих эти условия). Если обнаруживается новая информация, то встает вопрос о том, имеем ли мы дело с новым значением или с вариантом старого. Появившаяся информация может быть обусловлена значением других членов предложения. В этом случае, по-видимому, не возникает вопрос о появлении нового значения (во всяком случае он не вставал для данной группы слов). Если же эта новая информация не предполагается другими словами, то нужно учитывать следующее: 1) исчезает ли старый различительный признак; 2) может ли новая информация рассматриваться как значение признака, являющегося различительным в некоторой другой группе слов. Если оба условия выполняются, то слово полисеманлично. Если старый признак не исчезает, а лишь распространяется на новую область, и новый признак не является различительным ни в одной семантической группе, то мы имеем дело с вариантом значения. Если же выполняется только второе условие, то требуется выдвижение дополнительных критериев, не все из которых пока ясны.

Заметим, что если новый вариант значения слова обусловлен значением других членов предложения, то мы имеем дело с вариантом уже существующих в значении признаков. Если же этого нет, то мы будем говорить о появлении нового непостоянного избыточного признака.

Переходим к рассмотрению значения анализируемых слов. Остановимся сначала на первых двух признаках. Очевидно, что, например, в высказываниях *Возьми любую из этих книг* и *Выбирай любую* участвующий в событии объект разрешается выбирать из всех членов совокупности, но количественно можно взять только один объект. Обязательное наличие признака качественного участия доказывается невозможностью употребления слова *любой*, так же как и слов с частицей *-нибудь*, по отношению к совокупностям, состоящим из совершенно одинаковых объектов или во всяком случае различающихся несущественно. Например, нельзя сказать *Впишем в эту плоскость любую (какую-нибудь) точку*. Очевидно, здесь всегда можно выбрать из всех членов совокупности. Принимает ли признак количественного участия значение «только один» или «по крайней мере один» — зависит от того, считается ли количество участвующих объектов важной характеристикой данного события или нет. Так, предложение *Возьми любую из этих книг* с наибольшей вероятностью будет понято как показывающее, что разрешается взять только одну книгу, но сообщение *Если ты мне не веришь, спроси любого из них* допускает возможность опроса и всех членов совокупности. В этом случае дается свобода выбора участвующего элемента не только по качеству (кто именно станет участвовать), но и по количеству.

Те же самые причины влияют на варьирование признака количественного участия в значении слов с частицей *-нибудь*. Покажем, что слова с частицей *-нибудь* имеют значение признака качественного участия: «(а) — отсутствует указание, что все, но (б) больше одного». (а) Значение «отсутствует указание, что все» проявляется, например, в реакции слушателя:

при получении сообщения с этими словами всегда возможен вопрос *Какой?, С кем?* и т. д., который свидетельствует о неопределенности полученной информации. Напротив, по отношению к высказыванию со словом *любой* такой вопрос невозможен. (б) Выше указывалось, что всякое слово, значение признака качественного участия которого выражает большую величину, чем значение признака количественного участия, употребляется только при описании событий с еще не выбранным участвующим объектом. Поэтому употребление слов с частицей *-нибудь* только для описания таких событий доказывает, что у этих слов имеет место указанное соотношение признаков, т. е. признак качественного участия имеет значение «больше одного». Пример: *Я поговорила с кем-нибудь из них* (нельзя сказать *Я поговорила с кем-нибудь из них*).

Имеется еще одно слово, значение которого складывается из тех же компонентов, что и у рассмотренных слов. Это союз *или*. Он показывает, что денотаты всех членов предложения, которые он связывает, могут качественно участвовать в событии, но количественно будет участвовать только один или по крайней мере один⁹. Этот союз также используется для описания события с невыбранным участником или местом, временем и т. д. Если же он используется при описании события с выбранным участником (местом, временем и т. д.), то только в том случае, когда нужно передать информацию об отсутствии сведений у говорящего о том, кто участвовал в событии или где, когда и т. д. оно происходило (еще об одном условии см. ниже). Признак качественного участия находит здесь себе новое применение: он относится к объектам, которые в сознании говорящего могут соотноситься с участвующим, в то время как в действительности с ним соотносится только один из них.

Заметим, что именно вследствие того, что союз *или* является сложной единицей, включающей как составную часть отношение конъюнкции, он не может употребляться в отличие от логической связки *или*, для описания события с выбранным участвующим объектом, если говорящему известно, какой именно объект выбран.

Слова с частицей *-нибудь* также могут использоваться для передачи информации об отсутствии сведений у говорящего о том, кто участвовал в событии или где, когда и т. д. оно имело место, но только при условии, когда утверждение об осуществлении события (или уже — об осуществлении события при участии членов данной ограниченной совокупности) делается лишь с определенной степенью вероятности. Высказывания этого типа характеризуются либо такими выражениями, как *может быть, вероятно, должно быть* и т. д., либо частицей *ли* (плюс обычно союз *или*), либо могут иметь особую интонацию. Примеры: «Я ее тоже, должно быть, обидел каким-нибудь необдуманно глупым словом» (Тургенев, Дворянское гнездо) (ср. *Все говорят, что он ее чем-то обидел*); «Вероятно, в Анне было что-нибудь особенное, потому что Бетси тотчас заметила это» (Толстой, Анна Каренина) (ср. *В этот день в Анне было что-то особенное*). В других условиях эту информацию передают только слова с частицей *-то*. Ср., например: *Она хочет посоветоваться с кем-нибудь из них* (участник не выбран) и *Она хочет посоветоваться с кем-то из них* (участник выбран, но говорящему неизвестно, кто выбран).

Имеется еще одно условие, при котором и слова с частицей *-нибудь*, и союз *или* употребляются при описании события с выбранным участвующим элементом, но в этом случае они уже не указывают на отсутствие

⁹ Совпадение (точнее, частичное совпадение) значений союза *или* и рассматриваемых слов может служить еще одной иллюстрацией утверждения о том, что слова, принадлежащие к разным частям речи, могут иметь одинаковое значение.

сведений у говорящего. Таким условием является наличие в качестве денотата предложения многократного события, причем оно должно быть расчленено на отдельные случаи реализации. Показателями таких высказываний являются наречия *всегда*, *иногда*, *изредка*, *постоянно*, а также слово *каждый* в сочетании с существительным, обозначающим время, относительное местоимение *когда* и при некоторых особых условиях выражения *много раз*, *не раз*, *несколько раз*, *часто*. В этих условиях указание на то, что количество объектов, качественно соответствующих участвующим, больше количества участвующих, используется для того, чтобы показать, что в каждом случае реализации события участвует только один или по крайней мере один (причем хотя бы в одном случае обязательно не все) из тех, которые участвуют во всем многократном событии. Таким образом, слова с частицей *-нибудь* и союз *или* показывают, что участвующий в событии элемент меняется. Примеры: *Изредка она взглядывала на кого-нибудь из нас* (т. е. в событии в целом участвовали не обязательно все, но больше одного, а в каждом случае осуществления события участвовал только один); «Дверь в гостиную была открыта, и там всегда кто-нибудь сидел» (Тургенев, Несчастная); *Каждое воскресенье она ездит на дачу к своей сестре или тете*. В рассматриваемом случае данные слова также могут относиться только к объектам с разными качествами. Поэтому нельзя, например, сказать: *Каждый день он приносит какую-нибудь охапку хвороста*.

По той же причине, что и в рассмотренном случае, слова с частицей *-нибудь* употребляются в функции дополнения в высказываниях, подлежащее которых включает слова *все* или *каждый*. Пример: *В этот вечер мы все были чем-нибудь заняты*. Здесь также описывается несколько событий, но различаются они не по времени, а по участникам.

Итак, было показано, что значения слов с частицей *-нибудь* и слова *любой* различаются по признаку качественного участия. Слова с частицей *-нибудь* могут иметь несколько вариантов значения, которые характеризуются не только новыми вариантами различительного признака, но и появлением новых избыточных признаков: 1) указание на невыбранность участвующего элемента; 2) указание на отсутствие сведений у говорящего; 3) указание на смену участвующих. Некоторые сомнения вызывает лишь роль второго признака (см. приведенные выше критерии), но, по-видимому, его можно считать не различительным в значении данных слов.

Перейдем теперь к рассмотрению признака существования. Выше указывалось, что слово *любой* имеет значение этого признака «если существует». При просмотре условий употребления этого слова обнаруживается, что оно встречается: 1) в высказываниях, описывающих побуждение к осуществлению события; 2) в высказываниях, указывающих на возможность осуществления событий; 3) в сообщениях, описывающих свойства объектов; 4) в сообщениях, в которых утверждение об осуществлении события дается в форме импликации (*если... то*). (При другом характере утверждения употребление слова *любой* невозможно. Нельзя, например, сказать *Завтра я пойду в театр с любым из моих друзей*.)

В высказываниях четвертого типа слово *любой* употребляется, кроме нескольких особых случаев, только тогда, когда они представляют собой импликацию лишь по внутренней форме. Это объясняется тем, что данное слово не может иметь областью своего действия сложное предложение¹⁰.

¹⁰ Эта особенность не является обязательной для слов с такими же смысловыми признаками, что и у слова *любой*, и является результатом действия конфигуративного признака, под которым мы понимаем признак, определяющий возможность употребления слова при данных смысловых, стилистических и экспрессивных признаках или их вариантах, допускающих это употребление. Термин «конфигуративный признак»

Слово *любой* всегда относится ко всей импликации и, таким образом, получает здесь информацию «если существует». Примеры: *Я приму любого из них, Любой из них мне поможет, Любое твое замечание только разозлит его*. В этих условиях часто можно говорить даже о том, что информация «если существует» вносится словом *любой*: при замене его на другие слова она исчезает (ср. *Я приму его, Я им всем помогу*).

Приведем еще один пример из высказываний, которые относятся ко всем возможным случаям возникновения событий, чтобы показать, что и здесь употребление слова *любой* имеет место только в тех случаях, когда допустимо внесение информации «если существует». Ср. два предложения *Любое замечание его злит* и *Такое замечание злит любого (Такие замечания злят любого)*, первое из которых возможно, второе — нет. Это объясняется тем, что утверждение «если существует лицо, по отношению к которому сделано замечание, то оно злится» бессмысленно, так как существование¹¹ замечания предполагает существование лица, к которому оно относится, но не наоборот. Вследствие этого заявление «если имеет место замечание, то он злится» вполне возможно. Поскольку мы часто понимаем, что такие ситуации действительно имели место, то признак существования может принимать значение «когда существует».

При наличии других средств, указывающих на отсутствие утверждения об осуществлении события, слову *любой* можно приписать и значение «существует объект, который может, готов и т. д. участвовать в событии» и значение «если существует». Например, предложение *Возьми любую из этих книг* можно интерпретировать как «если ты будешь брать книгу» и как «существует книга среди членов данной совокупности, которую ты можешь взять». Но невозможность употребления слова *любой* в высказываниях, в которых на осуществлении события настаивают с большой категоричностью и, следовательно, которые не могут иметь условную форму, показывает, что значение «если существует» сохраняется и в этих условиях. Это высказывания с глаголами *должен, следует, нужно* и т. д. и с соотносительным с ними глаголом в повелительном наклонении. Нельзя, например, сказать *Ты должен завтра помочь любому из них* или *Помоги завтра любому из них*¹².

Обратимся теперь к высказываниям, утверждающим существование возможности осуществления события. Почти все высказывания этого типа представляют собой описание свойств (характеристик), присущих объектам. Так, в предложении *Я могу решить эту задачу* говорится о том, что автору речи присуще свойство «способность решить эту задачу», возникшее в результате его внутренних качеств. Или же в высказывании *Ты имеешь на это право* указывается, что адресату речи присуще некоторое свойство, данное правом, и т. д. Эти высказывания близки к сообщениям типа *Человек смертен, У меня есть книга, Электрон есть отрицательно заряженная частица*, т. е. к высказываниям, описывающим свойства и характеристики объекта, а не события в узком смысле слова.

Поскольку в момент речи объекты уже обладают приписываемыми им свойствами, то эти высказывания в известном смысле близки к высказы-

выбран потому, что он соответствует имеющемуся синтаксическому термину. Другим примером проявления конфигуративного признака служит ограничение употребления слов с частицей *-нибудь* (при указании на отсутствие сведений у говорящего) высказываниями, утверждающими осуществление события с той или иной степенью вероятности. Другие признаки этого типа здесь не рассматриваются.

¹¹ Заметим, что слово *существование* в данном случае означает существование объекта вообще, а не в качестве участника события.

¹² Существуют, однако, некоторые особые условия, при которых употребление слова *любой* с глаголами *должен, следует* и т. д. возможно.

ваниям, описывающим уже осуществившиеся события. Употребление слова *любой* в этих условиях возможно только потому, что данные сообщения (при наличии слова *любой*) представляют собой описание мысленного события сопоставления объекта и свойства, которое предлагается совершить некоторому лицу, не обозначенному в сообщении (обычно адресату речи). Так, предложение *Коля умнее любого из них* означает, что кого бы мы ни взяли для сравнения, Коля будет умнее выбранного лица, причем можно сравнивать по крайней мере одного. Эта интерпретация подтверждается: 1) невозможностью употребления слова *любой*, кроме рассмотренного выше случая, в высказываниях, описывающих осуществившееся событие (т. е. в высказываниях, в которых подобная внутренняя форма маловероятна, так как они уже описывают событие); 2) относительно редким появлением слова *любой* перед словом, обозначающим ограниченную совокупность объектов, если не имеется прилагательного в сравнительной степени. Кроме того, если допустить, что это не так, и приписать слову *любой* какое-либо другое значение, то нетрудно показать, что оно его не имеет. Итак, можно считать, что слово *любой* всегда имеет значение признака существования «если существует». Невозможность его употребления в вопросительных предложениях, кроме тех случаев, когда последние представляют собой импликацию, а также в некоторых других условиях, показывает, что это слово не может принимать более общий вариант «отсутствует указание, что существует». Имеются, правда, некоторые сомнительные случаи.

Слова с частицей *-нибудь*, напротив, не имеют постоянного значения признака существования, а принимают в речи то или иное значение в зависимости от условий. Так, в предложениях *Если мне будет кто-нибудь звонить, скажите, что я вернусь в 7 часов* и *Вы что-нибудь ели сегодня?* слово *кто-нибудь* получает значение «если будет существовать»; а слово *что-нибудь* — значение «отсутствует указание, что существует»; в предложении *Мне неприятно видется с кем-нибудь из них* лексема *кто-нибудь* имеет значение «не существует»¹³, а в сообщении *Я поговорю с кем-нибудь из них* — значение «существует».

Признак существования не является различительным в значении слова *любой* и слов с частицей *-нибудь*. Различительным его, по-видимому, можно считать на уровне высказываний, а не слов. Роль этого признака в значении членов анализируемой группы (исключением является лишь слово *любой*) не совсем ясна. Но возможно, следует считать, что он входит в качестве избыточного в их значение, а не просто добавляется в речи, как у других слов, причем нужно считать избыточным признак в целом, а не то или иное из его значений (поэтому это, не противоречит сказанному на стр. 83). Значение признака «если существует», несомненно, составляет постоянный избыточный признак в единице содержания лексемы *любой*.

Остановимся теперь на тех единицах содержания, которые выражаются другими лексемами рассматриваемой группы.

3. Слово *некоторые* и слова с частицей *кое-* имеют следующее значение: 1) количество объектов, участвующих в событии, меньше общего числа членов совокупности, но больше одного; 2) количество объектов, из которых могут выбираться участвующие, меньше общего количества членов совокупности, но больше одного; 3) а) существует; б) отсутствует указание, что существует. Таким образом, значение первого и второго признака совпадают («не все, но больше одного»). Посмотрим,

¹³ Слово *неприятно* играет здесь роль скрытого отрицания.

насколько соответствует это значение той информации, которую выражают данные слова.

Наличие первого и третьего признака, по-видимому, не вызывает сомнения (например, в предложении *Я посоветуюсь с некоторыми из моих друзей* утверждается, что произойдет событие, в котором будут участвовать друзья автора речи, причем не все, но больше одного). Но справедливость выделения третьего признака требует известного подтверждения, причем сомнения могут возникнуть как в отношении выделения данного признака вообще, так и в отношении того значения, которое оно принимает. О наличии данного признака вообще говорит невозможность употребления слов с частицей *-кое* и слова *некоторые* по отношению к совокупности объектов, не различающихся по своим качествам или различающихся несущественно. Например, предложение *Возьми некоторые из этих тетрадей* маловероятно, если речь идет о совокупности совершенно одинаковых чистых тетрадей. Представляются неправильными и предложения типа *Он согласился взять только некоторые из этих яблок*. О том, что данный признак принимает значение «не все, но больше одного», говорят следующие факты: 1) опрос информантов показал (было опрошено 12 человек), что высказывания типа *Я посоветуюсь с некоторыми из моих друзей* не понимаются, как показывающие, что все члены совокупности качественно могут соответствовать участвующим или что отсутствуют указания о том, все или не все могут соответствовать (в отношении последнего значения иногда возникают некоторые колебания). Так как никакого четвертого предположения сделать нельзя, то следует признать, что данный опрос говорит в пользу значения «не все, но больше одного»; 2) о том, что данное слово имеет значение «не все, но больше одного», а не значение «отсутствует указание, что все», говорит также его неупотребительность в высказываниях, описывающих побуждения к осуществлению события некоторым другим лицом, особенно если говорящий не предполагает давать дальнейших пояснений. Например, предложения *Возьми себе некоторые из этих книг*, *Покажи ему некоторые из моих последних этюдов*, *Сыграйте мне кое-что из ваших новых произведений* были найдены большинством информантов неправильными или сомнительными, и во всяком случае всеми было признано, что они обязательно потребовали бы некоторой дополнительной информации, прежде чем можно было бы приступить к выполнению инструкции. Добавление слов *хоть, все равно какие* и т. д. может нейтрализовать указанную информацию в рассматриваемых словах. Пример: *Прочти хоть некоторые из его работ, все равно какие*.

Заметим, что совпадение значений признака качественного и количественного участия еще не обязательно показывает, что количество объектов, качественно соотносенных с участвующими, равно обязательно количеству участвующих (вследствие неопределенности значения «больше одного»). Кроме того, данные слова могут говорить лишь о том, что отобраны качества, т. е. классы, к которым должны относиться участвующие. Однако чаще всего предполагается, что эти количества равны (причем никогда не указывается, что они обязательно не равны). Вследствие этого данные слова постоянно используются при описании событий с выбранными участниками (или местом, временем и т. д.), в частности при описании уже осуществившихся событий, не указывая при этом на отсутствие сведений у говорящего¹⁴. Пример: «Пела она простую рязан-

¹⁴ Анализируемые слова могут указывать на отсутствие сведений у адресата речи о том, кто (или что) участвовали или будут участвовать в событии. Иногда эта информация становится основной, и указание на то, что количество участвующих меньше общего количества объектов совокупности, исчезает. Пример: *Часть Б...*

скую песню, и кое-кто из женщин начал ей подпевать» (Паустовский, Во глубине России).

4. Лексемы *все* и *каждый* показывают, что количество участвующих объектов или объектов, которые могут, должны и т. д. участвовать, равно общему количеству членов совокупности. Признак существования, в зависимости от условий, получает значения «существует», «отсутствует» указание, что существует и «не существует»¹⁵.

Можно утверждать, хотя и выделяются некоторые сомнительные случаи, что признак качественного участия отсутствует в значении данных слов. Об этом говорит возможность их употребления по отношению к совокупностям объектов с одинаковыми или почти одинаковыми качествами. Значение «все» признака количественного участия у этих слов очевидно. Укажем только на те варианты данного признака, которые возникают при употреблении слов *все* и *каждый* в сообщениях, описывающих многократные события. В этих условиях рассматриваемые слова могут либо указывать на то, что все члены совокупности участвуют в каждом случае реализации события, либо — во всем многократном событии в целом (т. е. в каждом отдельном случае может участвовать и один). Первая информация возникает в уже рассмотренном выше типе сообщений. Это сообщения, в которых выделяются отрезки времени, в каждый из которых имела место реализация события. Вторая информация появляется в высказываниях, в которых все случаи осуществления события относятся к одному общему периоду времени, в пределах которого все они произошли (или происходят)¹⁶. Примеры: *Каждое воскресенье мы все ей помогли* и *Мы все много раз ей помогли* (т. е. необязательно в каждом случае реализации события участвовали все члены совокупности), *Они все у меня бывают*.

Хотя слова *все* и *каждый* противопоставлены всем другим членам данной семантической группы по признаку количественного участия, иногда появляется возможность замены лексемы *любой* на лексемы *все* и *каждый* и наоборот: *Любой из них умнее его*, *Каждый из них умнее его* и *Они все умнее его*. Эта возможность появляется в высказываниях, описывающих свойства объектов. Признак количественного участия у слова *любой* здесь, как и везде, может принимать, в зависимости от смысла сообщения, либо значение «только один», либо значение «по крайней мере один». Однако если при получении информации «по крайней мере один» в сообщении, описывающем побуждение к реализации события, адресат речи мог осуществить событие с другим количеством участвующих объектов, чем если бы он получил информацию «все», то в рассматриваемом случае адресат речи не может влиять на количество объектов, в действительности обладающих данным свойством. Поэтому если ему в данном случае разрешается в соответствии с событием поставить и один объект, и все, то это значит, что в действительности и количественно все члены совокупности обладают данным свойством. (Напомним, что эти сообщения со словом *любой* представляют собой собственно описание некоторого мысленного события сопоставления объектов и приписываемых им

содержит перечень суффиксов с некоторыми необходимыми для их обработки указаниями (т. е., очевидно, все необходимые указания даны). В этом случае в соответствии с выделенными выше критериями следует говорить о появлении нового значения.

¹⁵ Признак, по которому различаются слова *все* и *каждый*, в статье не рассматривается. О лексемах *all* и *very* см.: Н. Reichenbach, *Elements of symbolic logic*, New York, 1947.

¹⁶ Показателями этого типа высказываний служат выражения *несколько раз*, *много раз*, *не раз*, *часто* (кроме некоторых особых условий) и/или многократная форма глагола; в особых случаях наречия *постоянно*, *иногда* и т. д.

свойств.) Из сказанного понятно, почему в этих условиях возникает возможность взаимозамены, которая отсутствует в высказываниях, описывающих побуждение к осуществлению события. Значение «по крайней мере один» чаще всего возникает, если слово *любой* относится именно к тому члену предложения, свойства которого описываются. (Наличие свойства у одного объекта обычно не зависит от того, имеется ли оно у другого.) Примеры: *Любой из нас может решить эту задачу, Мы все можем решить эту задачу. Но предложение Я могу купить любую из этих картин не эквивалентно высказыванию Я могу купить все эти картины.* Возможность замены в некоторых случаях лексемы *любой* на лексему *каждый*, но не на лексему *все*, объясняется тем, что слово *каждый* в тех случаях, когда оно относится к тому члену предложения, свойства которого описываются, показывает, что каждый член совокупности в отдельности обладает данным свойством, но все вместе они не обязательно его имеют. Пример: *Каждый человек может быть выбран в Верховный Совет* (нельзя сказать: *Все люди могут быть выбраны в Верховный Совет*).

Остановимся еще на одном факторе, который сказывается на возможности их взаимозамены. Этим фактором является наличие у слова *любой*, в отличие от слова *все* и *каждый*, признака качественного участия. Отсутствие этого признака у слов *все* и *каждый* приводит к тому, что они не могут относиться к совокупности классов. Поэтому в тех случаях, когда они добавляются к существительным, обозначающим класс объектов, взятый как один элемент, они показывают, что данное утверждение справедливо и для каждого объекта класса. Добавление слова *любой*, напротив, показывает, что данное утверждение справедливо для всех подклассов данного класса. Утверждение, справедливое для класса или подкласса, может быть несправедливым для его членов. Поэтому, с одной стороны, не всегда возможно добавление данных лексем к существительному, а с другой стороны, иногда возможно употребление только слова *любой*, но не слов *все* и *каждый*. Примеры: *Книга прекрасный подарок* (нельзя сказать: *каждая книга* или *любая книга*); «Эта художественная сила „заразительности образом“ часто отмечается любым читателем» (Розов, Дистанция пробега) (данное утверждение вряд ли справедливо для каждого читателя.) В некоторых случаях, однако, слово *все* может относиться к совокупности классов. Пример: *В восемь лет он уже читал все книги* (т. е. книги, которые он читал, могли принадлежать ко всем подклассам книг, иными словами, могли иметь любой набор качеств).

Итак, на основании изложенного можно утверждать, что: 1) признак качественного участия имеется у всех членов данной семантической группы и является различительным для них; 2) признак качественного участия присущ лишь некоторым членам, но также является различительным для них; 3) признак существования является, по-видимому, различительным на уровне высказываний, его роль в значении данных слов, за исключением слова *любой*, требует дополнительного рассмотрения; 4) слова *любой*, *все*, *каждый* и, вероятно, слова с частицей *-нибудь* имеют только одно значение (в статье приведен лишь основной материал для данного утверждения); напротив, слова *некоторые*, *кое-кто*, *кое-что* и т. д. полисемантически; 5) все рассмотренные члены группы имеют несколько вариантов значения, которые характеризуются либо только видоизменениями различительных признаков, либо и появлением новых избыточных признаков¹⁷.

¹⁷ Автор приносит искреннюю благодарность П. С. Кузнецову, И. А. Мельчуку и В. Н. Ярцевой за обсуждение статьи и многие ценные советы.

Н. Л. КАМЕНЕЦКАЙТЕ

ХАРАКТЕР СИНОНИМИИ УСТОЙЧИВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Фразеология каждого языка отражает в какой-то мере его специфику: специфику его грамматического строя, словаря и также специфику исторического пути народа — его носителя. Однако, помимо национальной специфики, в глагольной фразеологии имеются и общие черты, одна из которых проявляется во фразеологической синонимике¹. Главное состоит в том, что синонимия фразеологизмов носит одинаковый характер.

В чем же это выражается? Известно, что характер значения фразеологизма определяется характером отношения значения целого к значению его составных частей. С этой точки зрения, во всех пяти языках, привлекаемых нами для сравнения (английский, немецкий, французский, русский, литовский²), ярко выделяются, с одной стороны, фразеологизмы типа *to give a look*; *den Anfang machen*; *faire connaissance*; *дать ответ*; *padaryti priekaištą* и, с другой стороны, фразеологизмы типа *take one's life*, *Hand an sich legen*; *mettre fin à ses jours*; *наложитъ на себя руки*; *atimti sau gyvenimą*.

В первом случае характер значения фразеологизмов состоит в том, что целое является суммой значений составных частей, а во втором случае целое является производением, вытекающим из слияния значений его составных частей. Разный характер отношения значения целого к значению составных частей обуславливается степенью мотивированности и спаянности лексических компонентов каждого фразеологизма или, иначе говоря, особенностями внутренней структуры фразеологизмов. А раз внутренняя структура фразеологизмов определяет характер их значения, возникает вопрос о ее влиянии и на синонимию фразеологизмов.

Исследование данного вопроса требует, в первую очередь, дифференцированного подхода к фразеологии, т. е. ее разделения на типы, согласно особенностям внутренней структуры фразеологизмов, с последующим изучением характера синонимии в пределах каждого типа в отдельности. Поставленной цели полностью удовлетворяет деление фразеологизмов всего на две группы, которые можно назвать «неидиоматичными» и «идиоматичными».

¹ См. по этому вопросу: Ю. Д. Апресян, Фразеологические синонимы типа «глагол + существительное» в современном английском языке. Канд. диссерт., М., 1955; Э. С. Паулаускене, Варианты фразеологических единиц в современном английском языке. Канд. диссерт., М., 1956; Н. Л. Каменецкайте, Характер синонимии глагольных фразеологических единиц в современном английском языке. Канд. диссерт., М., 1960; Е. И. Зибудайте, К вопросу о синонимичных устойчивых словосочетаниях в современном французском языке, «Уч. зап. [Вильнюск. гос. пед. ин-та], IX, 1960; А. П. Хазанович, Синонимия во фразеологии современного немецкого языка. Канд. диссерт., М., 1958.

² Выбор языков сделан умышленно, для того чтобы сопоставить два германских языка, притом один с аналитическим, а второй с синтетическим строем, и совершенно разные языки: романский — славянский — балтийский.

Характер синонимии неидиоматичных фразеологизмов. Сюда причисляются все глагольные фразеологизмы типа «глагол + существительное», в которых существительное выступает в номинативном значении и является семантическим стержнем фразеологизма, а глагол имеет фразеологически связанное значение, которое может быть либо образным (*shoot a look, saisir l'occasion, die Gelegenheit ergreifen, втереться в доверие, mesti žvilgsni*), либо необразным (см. выше примеры типа *дать ответ*). Значение таких фразеологизмов мотивировано и представляет собой сумму значений своих семантически делимых компонентов: номинативного значения именного и фразеологически связанного значения глагольного компонента.

Синонимия неидиоматичных фразеологизмов образуется за счет семантического сближения соответствующих лексических компонентов, каждому из которых, ввиду их семантической делимости, принадлежит особая роль в синонимии фразеологизмов этого типа.

Так как именной компонент является носителем стержневого значения неидиоматичного фразеологизма, то синонимичность таких фразеологизмов обуславливается главным образом общностью в значении именных компонентов. Эта общность в значении может выражаться либо в синонимии существительных, либо в том, что именными компонентами фразеологизмов являются одни и те же существительные.

Выступая в неидиоматичных фразеологизмах в прямом значении, синонимичные существительные сохраняют присущие им различия и вносят их в синонимию соответствующих фразеологизмов. Приведем некоторые примеры. Английские синонимы *need* и *want* различаются тем, что первый обозначает «нуждаться в чем-то жизненно важном», а второй — «нуждаться в том, что является желательным, нужным для удобства или т. п.». Эти же различия присущи синонимам *to be in need of* — *to be in want of*. Во французском языке *péril* обозначает большую опасность, чем слово *danger* и, соответственно, фразеологизм *courir le péril* обозначает большую опасность, чем синоним *courir le danger*. В немецком языке *Beschluss* обозначает решение, принятое в результате тщательного обдумывания, что и составляет различие между синонимами *Beschluss* — *Entscheidung* и, соответственно, между синонимами *einen Beschluss fassen* — *eine Entscheidung treffen*. В русском языке слово *бешенство* отличается от своего синонима *ярость* тем, что выражает такой гнев, при котором субъект не владеет собой, теряет рассудок. Это же различие характеризует синонимы-фразеологизмы *прийти в ярость* — *прийти в бешенство*. В литовском языке различие между словами *draugas* и *bičiulis* состоит в том, что *draugas* значит «друг», а *bičiulis* «близкий друг». Эти же различия присущи синонимичным фразеологизмам *sueiti į draugystę* — *sueiti į bičiulytę* «подружиться».

Семантические отношения между глагольными компонентами неидиоматичных фразеологизмов более многообразны. Они показаны в таблице на стр. 93.

Большее количество семантических отношений между глагольными компонентами, чем между именными компонентами, объясняется тем, что, образуя неидиоматичные фразеологизмы, глаголы переосмыслиются: приобретают фразеологически связанные значения, которые дробятся на оттенки, связанные с определенными фразеологическими единицами³. Это и является основой для сближения глаголов, в том числе и совершенно разных по своему номинативному значению.

³ См.: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова, ВЯ, 1953, 5, стр. 17.

Язык	Тот же глагол	Синонимичные глаголы	Разные глаголы
Англ.	<i>take a decision</i> <i>take a resolution</i>	<i>set a trap</i> <i>lay a trap</i> <i>set a snare</i> <i>lay a snare</i>	<i>give a look</i> <i>take a look</i> <i>throw a glance</i>
Нем.	<i>zu einem Entschluss kommen</i> <i>zu einer Entscheidung kommen</i>	<i>Angst kriegen</i> <i>Angst bekommen</i> <i>Furcht kriegen</i> <i>Furcht bekommen</i>	<i>Entschluss fassen</i> <i>Entschluss treffen</i> <i>Entscheidung treffen</i>
Франц.	<i>courir le danger</i> <i>courir le péril</i>	<i>briser le silence</i> <i>rompre le silence</i>	<i>faire connaissance</i> <i>prendre connaissance</i>
Литов.	<i>kelti barnius</i> <i>kelti vaidus</i>	<i>įsmeigti žvilgsnį</i> <i>įbesti žvilgsnį</i>	<i>padaryti išvadą</i> <i>prieiti išvadą</i>
Русск.	<i>сделать ошибку</i> <i>сделать оплошность</i>	<i>влезть в долги</i> <i>залезть в долги</i>	<i>войти в доверие</i> <i>стертеться в доверие</i>

При сравнении семантических отношений глаголов в их номинативном значении с семантическими отношениями тех же глаголов во фразеологически связанных значениях⁴ обнаруживается, что их семантическое сближение представляет собой закономерное явление. При таком сравнении у глаголов английского, немецкого, французского, русского и литовского языков обнаруживается закономерный семантический сдвиг, выражающийся в том, что глаголы — идеографические синонимы в номинативном значении, сочетаясь в неидиоматичных фразеологизмах с синонимичными или теми же существительными, утрачивают при этом различия и выступают как смысловые эквиваленты, а глаголы, не обладающие семантической общностью в номинативном значении, в таких условиях приобретают семантическую общность, одновременно сохраняя и различия, которые, однако, настолько несущественны, что не препятствуют синонимии фразеологизмов в целом. Например, в результате того, что английский глагол *to call* обозначает умышленное действие, а глагол *to draw* в значении «привлекать» может характеризовать это действие и как умышленное, и как неумышленное, фразеологизм *to call smb.'s attention* в отличие от своего синонима *to draw smb.'s attention* всегда обозначает «умышленно привлечь внимание».

В соответствии с особенностями своего номинативного значения, поступающего сквозь фразеологически связанное, каждый глагол привносит в синонимию неидиоматичных фразеологизмов оттенок, по-иному дифференцирующий общее для синонимов понятие. Вследствие этого французские синонимы *faire connaissance* — *prendre connaissance* различаются по широте применения: *prendre connaissance* не употребим по отношению к людям. Фразеологизм *in die Falle geraten* значит «случайно попасть в ловушку», в то время как *in die Falle gehen* обозначает просто «попасть в ловушку». Русские фразеологизмы *найти отклик* и *найти сочувствие* отличаются от своих синонимов *встретить отклик* и *встретить сочувствие* тем, что последние содержат в своем значении оттенок случайности.

⁴ Речь идет о тех фразеологически связанных значениях, которые глаголы приобретают при образовании устойчивых глагольных словосочетаний с синонимичными или теми же существительными.

По тем же причинам литовский фразеологизм *išvaryti iš kantrybės* «вывести из терпения» (дословно «выгнать») отличается от своего синонима *išvesti iš kantrybės* по степени интенсивности действия.

В результате закономерности семантического сближения глаголов выкристаллизовываются семантико-структурные особенности синонимии неидиоматичных фразеологизмов. В связи с тем, что глаголы — идеографические синонимы в номинативном значении — являются смысловыми эквивалентами во фразеологически связанных, ясно, что только разные по своему номинативному значению глаголы вносят различие в синонимии фразеологизмов. Следовательно, идеографическая синонимика неидиоматичных глагольных фразеологизмов образуется:

I. Сочетаниями синонимичных существительных: 1) с одним и тем же глаголом: *take a decision — take a resolution; zum Abschluss kommen — zum Austrag kommen; donner asil — donner refuge; kalę versti — bėdą versti; держать в секрете — держать в тайне*; 2) с синонимичными глаголами: *throw a look — cast a glance; Angst bekommen — Furcht kriegen, donner refuge — accorder asile; duoti prieglaudą — teikti prieglobstį; потерпеть ущерб — понести убытки*; 3) с разными глаголами: *make a bet — lay a wager; den Auftakt geben — den Anfang machen; venir en aide — porter secours; daryti išdaigas — krėsti pokštus; найти отклик — вступить сочувствие*.

II. Сочетаниями тех же существительных только с различными по значению глаголами: *give a look — throw a look; seinen Blick richten — seinen Blick werfen; faire connaissance — prendre connaissance; padaryti išvadą — priieiti išvadą; войти в доверие — втереться в доверие*.

Сочетания тех же существительных с синонимичными глаголами, как, например, *влезть — залезть в долги, hold — keep in check, Angst kriegen — bekommen, briser — rompre le silence, įsmeigti — įbėsti žvilgsnį*, являются не синонимами, а лексико-структурными вариантами, так как не обладают ни семантическими, ни стилистическими различиями.

Различия между синонимичными неидиоматичными глагольными фразеологизмами устанавливаются подобно тому, как устанавливается значение такого фразеологизма: из значений соответствующих компонентов. Они заключаются, во-первых, в различиях, имеющих между синонимичными именными компонентами и, во-вторых, в различиях, привносимых глагольными компонентами.

Таким образом, синонимия неидиоматичных фразеологизмов отличается: 1) структурными особенностями и 2) возможностью установить различия между синонимами из различий, имеющих между соответствующими лексическими компонентами фразеологизмов. Эти отличительные черты синонимии неидиоматичных фразеологизмов обуславливаются характером значения фразеологизмов этого типа: семантической делимостью и мотивированностью их лексических компонентов.

Неидиоматичные фразеологизмы обладают и стилистической синонимией, которая образуется за счет того, что: 1) именные компоненты привносят присущие им в номинативном значении стилистические особенности (*потупить взгляд — потупить взор, give permission — give leave, j-m den Hof machen — j-m die Kur machen, avoir peur — avoir trouille, daryti gėdą — daryti sarmatą*), 2) глаголы — стилистические синонимы в номинативном значении не утрачивают своей стилистической характеристики при образовании фразеологически связанных значений и также привносят их в синонимии соответствующих фразеологизмов (*сделать — совершить ошибку, give — grant permission, Schmerz antun — zufügen, donner — accorder asil, duoti — teikti prieglobstį*); 3) некоторые глаголы, не имеющие стилистической окраски в номинативном значении, могут ее обрести

при образовании определенных фразеологически связанных значений [как например, глаголы *нанести*, *render*, *schneiden*, *pliekti*, *бить*, *рубить* и т. п. во фразеологизмах *нанести визит*, *render assistance*, *die Kur schneiden*, *pliekti prakalbą* (ср. с их синонимами *сделать визит*, *give assistance*, *die Kur machen*, *sakyti prakalbą*)].

У синонимов — неидиоматических фразеологизмов стилистические различия очень часто переплетаются с семантическими, в результате чего синонимии неидиоматических глагольных фразеологизмов составляют три типа синонимов: идеографические, стилистико-идеографические и стилистические, являющиеся самыми малочисленными.

Характер синонимии идиоматических глагольных фразеологизмов. Речь идет о глагольных фразеологизмах, которые обладают целостностью значения, являющегося производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов⁵. Лексические компоненты такого фразеологизма семантически неделимы и мотивированы в меньшей степени, чем компоненты неидиоматического фразеологизма.

Семантическая особенность идиоматических фразеологизмов не просто в том, что они обладают переносным значением. Главное состоит в том, что это переносное значение всех лексических компонентов, вместе взятых, сквозь которое проступает, просвечивает реальное значение каждого компонента. Поскольку значения идиоматических фразеологизмов выводимы из их образов, постольку при сопоставлении образов выводимы различия между синонимами. Метод сопоставления образов идиоматических фразеологизмов является главным средством установления различий между синонимами данной группы.

Так как смысловые возможности фразеологических единиц вообще, а идиоматических в особенности, полностью раскрываются только в употреблении, то вторым вспомогательным средством для установления различий между синонимами — идиоматическими фразеологизмами является метод сопоставления контекстуального употребления таких фразеологизмов, играющий важную роль на всех этапах исследования их синонимии. Идиоматические фразеологизмы различаются по характеру своей образности следующим образом:

1. В довольно многочисленных случаях идиоматические фразеологизмы, подобно неидиоматическим, состоят из двух компонентов: глагольного и именного. Однако именной компонент неидиоматического фразеологизма выступает в своем номинативном значении, а именной компонент идиоматического фразеологизма имеет переносное значение. Например: *to keep smth. dark* — *to keep smth. secret*; *j-m aus dem Häuschen bringen* — *j-m aus der Fassung bringen*; *mettre le holà à qch.* — *mettre fin à qch.*, *ant ko nors ilti giežti* — *ant ko nors pyktį giežti*; *находиться в ч.-л. руках* — *находиться в ч.-л. власти* и т. п.

2. Имеются случаи, когда различие между синонимами становится ясным с первого взгляда благодаря одному или нескольким компонентам в лексическом составе фразеологизмов. Примерами таких синонимов являются английские фразеологизмы *to be a true son of one's father* — *to be a chip of the old block*, обозначающие «быть похожим на отца, мать». Благодаря компонентам *son* и *father* первый может применяться только по отношению к сыну, похожему на своего отца, в то время как его синоним, ввиду особенностей его образности, может применяться шире, например по отношению к дочери, похожей как на свою мать, так и на отца.

⁵ За основу взято определение В. В. Виноградова (см. его статью «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» в кн. «А. А. Шахматов. Сб. статей и материалов. Труды Комиссии по истории АН СССР», 3, М.—Л., 1947).

Ввиду наличия в лексическом составе немецкого фразеологизма *j-m braun und blau schlagen* компонентов *braun* и *blau* нетрудно установить, что он отличается от своего синонима *j-m übers Knie legen* оттенком степени интенсивности.

3. В значительном количестве случаев различия между синонимами нетрудно установить благодаря яркости всего образа, хотя в лексическом составе фразеологизмов и не выделяются ключевые слова. Примером синонимов с таким характером образности могут послужить русские *стереть в порошок* — *разбить наголову*, немецкие *tüchtig einheizen* — *eins über den Durst trinken*, французские *en avoir par-dessus la tête* — *en avoir assez*, английские *make smb.'s blood boil* — *ruffle smb.'s feathers*, литовские *šonus išaižyti* — *ausis išplauti* и т. д. Ввиду яркости их образов во всех примерах можно установить, что первый синоним отличается от второго оттенком степени интенсивности действия.

4. Примерно половине случаев, однако, составляют синонимы, различия между которыми выявляются только при сопоставлении их образов и контекстуального употребления. Среди них многие имеют совсем разные образы, а многие — похожие. Однако и в том, и в другом случае сопоставление образов не выявляет различий. Дело часто осложняется еще и тем, что толковые и фразеологические словари дают для значения многих фразеологизмов такого рода идентичное или очень близкое определение. Поэтому их можно ошибочно отнести к смысловым эквивалентам. Довольно часто различия между синонимичными идиоматичными фразеологизмами проявляются только в контексте и к тому же не в каждом, а лишь в определенных контекстах. Контекстуальная обусловленность проявления различий между синонимами — идиоматичными фразеологизмами является логическим следствием значения фразеологизмов этого типа: ведь оно является переносным значением словосочетания в целом, сквозь которое «просвечивает» реальное значение каждого компонента в отдельности. Следовательно у п о т р е б л е н и е идиоматичного фразеологизма всегда обуславливается логической связью между реальным значением его лексических компонентов и контекстом. Отсутствие такой связи ведет к абсурду.

Так как синонимичные идиоматичные фразеологизмы обозначают понятие посредством разных образов, то, естественно, не все синонимы могут логически сочетаться с одним и тем же контекстом. Исследование большого материала английского языка и ознакомление с материалом других языков показало, что среди идиоматичных фразеологизмов смысловых эквивалентов довольно мало. Ведь для того, чтобы две идиоматичные фразеологические единицы имели совершенно одинаковое контекстуальное употребление, образы этих фразеологизмов должны логически сочетаться со всеми контекстами, а для этого в свою очередь лексические компоненты фразеологизмов должны иметь одинаковую семантическую сочетаемость, т. е. входить в те же семантические связи. Количество таких слов в каждом языке весьма ограничено⁶.

В качестве примеров контекстуальной обусловленности проявления различий между идиоматичными фразеологическими синонимами можно взять синонимичный ряд английского языка, обозначающий «умереть»: *to breathe one's last* — *to shuffle off this mortal coil* — *to go to glory* — *to be gathered to one's fathers* — *to take the ferry* и т. д. Казалось бы, что поня-

⁶ Примерами смысловых эквивалентов являются русские *дверям поклониться* — *замок поцеловать*, *дать жару* — *дать пару*, английские *rack one's brains* — *cudgel one's wits*, немецкие *auf eigenen Füßen stehen* — *auf eigenen Beinen stehen*, французские *mettre la tête sur le billot* — *mettre la tête sous le couteau*, литовские *išmesti burną* — *išlenkti burnelę* и т. д.

тие это настолько конкретно, что между обозначающими его идиоматическими фразеологизмами не должно быть различий. Однако анализ их контекстуального употребления показывает, что между ними имеются различия, вследствие чего они являются синонимами.

Контекстуальная обусловленность проявления различий между синонимами является отличительной особенностью синонимии идиоматических фразеологизмов в отличие от синонимии неидиоматических фразеологизмов⁷.

Таким образом, синонимия идиоматических фразеологизмов обуславливается значением фразеологизма в целом, независимо от семантических особенностей соответствующих лексических компонентов, а различия между синонимами обуславливаются характером образности идиоматических фразеологизмов.

Так как лексические компоненты идиоматического фразеологизма семантически неделимы и значение каждого из них подчинено общему значению фразеологизма, то, в отличие от синонимии неидиоматических фразеологизмов, семантико-структурные факторы в данном случае не имеют значения.

Ввиду того, что идиоматические фразеологизмы принадлежат к разным стилистическим пластам разговорной речи, идиоматическая глагольная фразеология обладает богатой стилистической синонимикой. В отличие от синонимии неидиоматических фразеологизмов, стилистические синонимы в этой группе являются многочисленными и в этом отношении следуют за идеографическими синонимами.

Х а р а к т е р с и н о н и м и и и д и о м а т и ч н ы х и н е и д и о м а т и ч н ы х ф р а з е о л о г и з м о в. Постольку поскольку понятие может обозначаться и образными и необразными средствами выражения, синонимами являются фразеологизмы, один из которых является неидиоматическим, а второй — идиоматическим. В такого рода синонимии, естественно, отражаются семантические и стилистические особенности фразеологизмов обоих типов.

Идиоматический фразеологизм является образным средством выражения, а неидиоматический — необразным; даже в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда глагол неидиоматического фразеологизма является образным в своем фразеологически связанном значении, неидиоматический фразеологизм является менее образным средством выражения, чем идиоматический. Сравним идиоматические сочетания: *to take time by the forelock; saisir la balle au bond; den Augenblick ergreifen; kipšus barstyti; залезть в душу* и их неидиоматические синонимы с образными глаголами: *to seize an opportunity; saisir l'occasion; die Gelegenheit ergreifen; keiksmus svaidyti; опереться в доверие*.

Таким образом, первой особенностью синонимов этой группы является повсеместное, обязательное наличие стилистических различий, вследствие чего в синонимии фразеологических единиц разного типа нет идеографических синонимов.

Вторая отличительная черта синонимов этой группы заключается в общем характере их семантических различий⁸. Характер семантических различий между фразеологизмами разного типа однороден. Он

⁷ Здесь, кстати, интересно упомянуть тот факт, что в английской идиоматической фразеологии на 100 синонимов встречается один лексико-структурный вариант или смысловый эквивалент, в то время как в неидиоматической фразеологии один вариант встречается на 25 синонимов.

⁸ С целью выделить семантические различия наиболее ярко, они будут рассматриваться в отрыве от стилистических различий, с которыми они тесно переплетаются.

заключается в том, что неидиоматичная фразеологическая единица обозначает общее для синонимов понятие обобщенно, а идиоматичная — детализированно, дифференцированно. Например, неидиоматичные фразеологизмы: *to give help, to make one's appearance, einen Antrag machen, einen Irrtum begehen; venir en aide, prendre le départ; daryti kliūtis, daryti priekaištus; давать обещания* и др., одинаково могут обозначать помощь любого рода (материальную, моральную или физическую); появление как людей, так и вещей; предложение любого рода (деловое или др.); любого рода ошибку; любого рода обещание и т. д.

Идиоматичный же синоним каждого из вышеприведенных фразеологизмов обозначает то же понятие дифференцированно, уточняя какой-то момент, какую-то сторону. Ср. *to lend a hand* — помочь (главным образом, физически) и *to help a lame dog over the stile* — помочь морально или материально; *to show one's face* обозначает появление только людей; *tendre la perche* обозначает моральную помощь; *prendre la porte* значит уйти из помещения; *um die Hand bitten* — делать предложение (просить руки); *sich in die Finger schneiden* — ошибаться, просчитаться; *pakišti koją* — подло чинить препятствия; *akis badyti* — сильно упрекать; *кормить зетраками* — давать ложные обещания; *держатъ узо востро* — внимательно прислушиваться.

Обладая более узким значением, идиоматичный фразеологизм предстает как образный уточнитель значения своего неидиоматичного синонима, и поэтому идиоматичные фразеологизмы можно назвать уточнительными синонимами неидиоматичных фразеологизмов.

Таким образом, синонимия фразеологических единиц разного типа носит уточнительный характер.

*

Исследование особенностей фразеологической синонимии английского, немецкого, французского, русского и литовского языков показывает, что характер синонимии глагольных фразеологических единиц обуславливается характером значения (особенностями внутренней структуры) фразеологизмов, являющихся синонимами: степенью семантической спаянности и мотивированности их лексических компонентов. В этом заключается коренное отличие синонимии фразеологических единиц от лексической синонимии слов, которая не исходит из внутренней структуры слова.

Особенности синонимии фразеологических единиц строго обуславливаются семантическими и стилистическими особенностями фразеологизмов каждого типа, в соответствии с чем в глагольной фразеологии упомянутых пяти языков выделяются три большие группы синонимов: идиоматичные, неидиоматичные и смешанные.

Специфику характера синонимии фразеологизмов каждой группы составляют: 1) семантические особенности синонимов, 2) стилистические особенности синонимов и 3) типовое соотношение синонимов: идеографических, стилистических и стилистико-идеографических, являющиеся результатом их семантических и стилистических особенностей.

Тот факт, что синонимия глагольных фразеологических единиц имеет одинаковый характер в пяти разных языках, дает основания предполагать, что у фразеологии и других индоевропейских языков имеются общие черты, в частности в области ее синонимии.

Г. Е. КОРНИЛОВ

О СОСТАВЕ ФОНЕМ И ИХ АЛЛОФОНАХ
В СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТОВ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Используя описания согласных и гласных звуков самых различных говоров, оставленные крупнейшим исследователем чувашского языка Н. И. Ашмариным¹, и игнорируя орфоэпию неосвоенных заимствований (главным образом из русского), соотносительные ряды согласных и гласных фонем в системе чувашских диалектов можно проиллюстрировать таблицей² (см. стр. 106).

Фонемам /t'št'š'/ и /t'š'/ низового диалекта соответствуют в верховом диалекте и литературном языке /čč, č/ (< t'št'š', t'š < *t't', t'). Фонемам /šš/, /š/ сундырских и некоторых других говоров верхового диалекта соответствуют в остальных говорах верхового диалекта, а также в литературном языке и низовом диалекте однофокусные плоскощелевые /šš/ и /š/. Апикальные боковые /ll/, /l/ заволжских говоров (Татария, Башкирия и др.) соответствуют дорсальным /ll, l/ других говоров и диалектов, а также литературного языка. Палатальная фонема /r'/, не имеющая пары с паузой на выдержке, наблюдается исключительно в верховом диалекте, где она также ограничена в употреблении. Лабиализованные гласные фонемы /ə°, ɛ°, ɔ°, o/ также известны только в говорах верхового диалекта, где они обеспечивают лабиальный сингармонизм. Все палатальные согласные фонемы и все редуцированные гласные фонемы — /ə, ɛ, ɔ°, ɛ°/ — являются звуками вторичного образования.

Для пространственной ориентации в приводимом материале ниже приводится схема двух диалектов чувашского языка, верхового и низового, на территории Чувашской АССР в междуречье рр. Суры и Свияги (правые притоки Волги)³.

¹ См.: Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1—2, Казань, 1898, а также другие его работы. В плане непосредственной функциональной значимости звуков вопрос о составе согласных фонем в чувашском языке ставился в работе: А. С. Уськин, И. А. Андреев, О соотносительных рядах согласных фонем в современном чувашском литературном языке, «Уч. зап. [НИИ языка, лит-ры, истории и экономики при Сов. мин. Чуваш. АССР]», XVI, Чебоксары, 1958.

² При характеристике фонем по месту и способу образования, помимо собственных наблюдений, автор учитывал опыт своих предшественников — главным образом Н. И. Ашмарина (указ. соч.), В. Г. Егорова (см. его «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении», ч. I, Чебоксары, 1954), Н. А. Баскакова (см. его «О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков», М., 1959).

³ Схема составлена по данным Н. И. Ашмарина (указ. соч.), В. Г. Егорова (указ. соч.), а также Т. М. Матвеева [см. его «Краткий обзор чувашских диалектов (Опыт районирования)», «Яфетический сборник», VI, Л., 1930; перепечатан в сб. «Материалы по чувашской диалектологии», 1, Чебоксары, 1960] и Л. П. Сергеева [см. его три статьи в сб. «Материалы по чувашской диалектологии», II, Чебоксары, 1963]. Поскольку указанные авторы каждый по-своему представляют себе пространственную локализацию чувашских диалектов, пришлось выделить специальную «зону вибрации», в которую вошли все сколько-нибудь спорные территории.

 Условная граница верхнего и нижнего диалектов чувашского языка
 Основная зона вибрации

§ 2. Согласные с паузой на выдержке и без нее подвергаются смягчению в позиции как перед, так и после гласных переднего ряда, правда, не все в одинаковой степени.

Приводимые ниже примеры иллюстрируют употребление согласных, противопоставляемых по наличию паузы на выдержке, как в словах с веларной, так и в словах с палатальной огласовкой.

В словах с веларной огласовкой

- /p — pp/ : *tupa* «клятва» — *tuppa* (дат.-вин. падеж от *tupâ* «пушка»);
 /t — tt/ : *patâr* «пусть даст» — *pattâr* «богатырь, герой»;
 /k — kk/ : *šakâr* «повесьте» — *šakkâr* «ваша вешалка»;
 /š — šš/ : *šša* «во внутрь» — *ššša* (дат.-вин. падеж от *ššâ* «тепло»);
 /s — ss/ : *usâr* «свесьте» — *ussâr* «ваша польза»;
 /x — xx/ : *šixâr* «вяжите» — *šixxâr* «ваша связка»;
 /č — čč/ : *kačâ* «зуб бороны» — *kaččâ* «парень» (только в верховом диалекте и в литературном языке; в низовом диалекте эти же слова: *kat'šâ* ~ *kat'št'šâ*);
 /v — vv/ : *šâvâr* «веять» — *šâvvâr* «ваши стихи»;
 /r — rr/ : *šâra* «пиво» — *šârra* (дат.-вин. падеж от *šârâ* «краска»);
 /m — mm/ : *tuma-* «делать» — *tumma* (дат.-вин. падеж от *tum* «одежда»);
 /n — nn/ : *šâna-* «наблюдать» — *šânnâ* (дат.-вин. падеж от *šâni* «твой образ»);
 /l — ll/ : *pulâr* «будьте» — *pullâr* «ваша рыба».

В словах с палатальной огласовкой

[p' — p'p'] : *šap'i* (деепричастие от *šap-* «бить») — *šap'p'i* («его хвост»);

[t' — t't'] : *v'at'e* (деепричастие от *v'at'* — «избивать») — *v'at't'e* (дат.-вин. падеж от *v'at'a* «мелочь»);

[k' — k'k'] : *šak'i* (деепричастие от *šak-* «вешать») — *šak'k'i* («его вешалка»);

[š — šš] : *l'eššän'* «принадлежащий тому...» — *l'ešššän'* «для того (этого)»;

/s — ss/ : *kajasi* «пойти ли мне?» — *kajassi* «необходимость идти» (в подобных примерах s, ss в соседстве с гласными переднего ряда палатализуется весьма незначительно; такую степень палатализации в данном случае оставляем без обозначения, чтобы не смешивать аллофоны [s, ss] с самостоятельными палатальными фонемами /š, šš/, не имеющими аллофонов в зависимости от соседства с гласными разных рядов);

[x' — x'x'] : *šix'i* (деепричастие от *šix-* «вязать») — *šix'x'i* («его связка, повязка»);

[č — čč] : *x'ər'čə* «закалился» — *x'ər'ččə* («она (тогда) была девушкой») (эти же слова в низовом диалекте: *x'ər't'šə* ~ *x'ər't'št'šə*; таким образом, низовые /t'š, t'št'š/ на месте верховых /č, čč/, подобно /š, šš/ и /j, jj/, не имеют двух аллофонов в соседстве с гласными разных рядов);

[v' — v'v'] : *t'av'e* «верблюду» — *t'avv'e* (дат.-вин. падеж от *t'av'a* «узел»);

[r' — r'r'] : *šar'e* (дат.-вин. падеж от *šar'* «земля») — *šar'r'e* (дат.-вин. падеж от *šar'a* «перстень»);

[m' — m'm'] : *t'üm'i* (отрицательная форма деепричастия от *tü-* «только») — *t'üm'm'i* («его пуговица»);

[n' — n'n'] : *ən'en'a* «он поверит» — *ən'e n'n'a* «он верил»;

[l' — l'l'] : *šil'e* (дат.-вин. падеж от *šil'* «ветер») — *šil'l'e* (дат.-вин. падеж от *šil'a* «гнев»).

§ 3. Приведенные пары аллофонов, появляющиеся в соседстве с гласными разных рядов⁴, нельзя смешивать с палатальными фонемами /t'št'š'/(м), /t'š'/(м), /šš, š/, /jj, j/ древнего образования и /t', n', l', /r'/(в) более нового образования. Чувашикие /šš, š/ в начале слова имеют в других тюркских языках соответствия /j ~ 'd ~ dž/ : чуваш. *šar*, турецк. *jüz*, татар. *jöz*, ойрот. *düs*, карач. *džüz* «сто». Чувашикие /j, jj/ (*šijər* «кушайте») ~ *sijər* «ваша одежда, поверхность») имеют множество соответствий в тюркских языках, помимо /k ~ q/ (*jon ~ jun ~ kan* «кровь»).

Тюрко-чувашикое соответствие /t ~ t'š ~ č/ первоначально было, по-видимому, вызвано палатализацией древней согласной *t* > *t'*, которая дала в низовом диалекте *t'* > *t'š*, откуда в верховом диалекте *t'š* > *č* > *č* (до этого в системе чувашикого консонантизма варианты фонемы /č/ полностью отсутствовали): тюрк. *taš*, чуваш. **t'ol* > *t'šol* > *čol* (*čol*) ~ *t'šul* «камень»; тюрк. *bardi*, чуваш. **pyrt'a* > *pyt'šə* > *pyt'šə* ~ *pyčə* ~ *pyčə* «он пошел». Внутри чувашикого это явление можно иллюстрировать чередованием *t/č*, т. е. переходом *t* > *t'* > *t'š* > *č* > *č* в позиции, когда при изменении грамматических форм слова *-t-* оказывается перед гласной переднего ряда: *turat* «ветка» — *turat'a* > *turat'šə* ~ *turačə* «его (ее) ветка»; ср. то же явление в верховом диалекте: *torat* ~ *torat'a* > *torat'šə* > *toračə* ~ *toračə*; в низовом: *lartəm* «я сел» — *lart'a* > *lart'šə* ~ *larčə* «он сел», а в верховом соответственно: *lartəm* ~ *lart'a* > *lart'šə* > *larčə* ~ *larčə*; в низовом: *vərmenta* «в лесу» — *vər-*

⁴ В дальнейшем подобного рода палатальность согласных, как не имеющая фонематического значения в примерах, оставлена без обозначения.

manənt'ε > *v̆ərmanənt'ʃε* ~ *v̆ərmanən̆ε* «в его лесу», а в верховом соответственно: *v̆ərmana* — *v̆ərmanənt'ε* > *v̆ərmanənt'ʃε* > *v̆ərmanən̆ε* > *v̆ərmanən̆ε*. Можно допустить, что и в случае соответствия чуваш. *t'ʃul* ~ *ʃol* и тюрк. *taʃ* «камень» за *t'*- некогда следовал *j* или гласный переднего ряда ⁵.

Четыре другие палатальные фонемы — /l'/ (*pul-* «быть» ~ *pul'* «может быть»), /t'/ (*jurat-* «любить» ~ *jurat'* «ладно, годится; угождает»), /n'/ (*m̆ək̆ən* — притяжательная форма от *m̆ək* «мох» ~ *m̆ək̆ən'* «мак») и в верховых говорах /r'/ (*kar'an* < *kajran* «потом» ~ *karan* «ты занавешиваешь», от *kar-* «растянуть, занавесить и т. д.»), зафиксированные еще Н. И. Ашмариним, не имеют пары с паузой на выдержке. Палатальные /l', t', n'/, /r'/(в) образовались в послебулгарскую эпоху главным образом в результате выпадения соседнего *j* (*v̆əj̆l̆əx* > *vyl'əx* «скотина») или за счет сокращения в словах с велярной огласовкой конечного аффикса, представлявшего собой гласный переднего ряда (*pulat-ə* > *pulat'* «он будет»). Эти фонемы пока имеют ограниченное употребление, хотя в верховом диалекте число слов с этими согласными растет, давно превысив количество соответствующих слов в низовом диалекте, южные говоры которого, напротив, стремятся избавиться от этих инноваций (например, конечные *-t* в 3-м лице ед. числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения произносятся здесь без смягчения: *pyrat* «он идет», *vulat* «он читает» и т. д.). Вопрос о подлинных причинах этого явления пока еще не решен.

§ 4. Говоря о согласных фонемах с паузой на выдержке и без нее, надо иметь в виду позиционную ограниченность употребления первых; они встречаются только в интервокальном положении и в положении между сонорными и гласными. Если в указанной позиции сохраняется шумный согласный нормальной длительности, то он озвончается; например, слова, обозначающие «хлеб», по говорам могут произноситься как *ʃəğə̆r*, так и *ʃəkk̆ə̆r*. Вообще же звонкое или озвонченное произношение шумных, как это давно известно, ни в одном из говоров чувашского языка невозможно в начале слова, в конце слова и в середине слова в позиции перед любым другим согласным ⁶. Частичное озвончение шумных дает: /-p-/ > [-b-]; /-t-/ > [-d-]; /-k-/ > [-g-]; /-ʃ-/ > [-ʒ-]; /-s-/ > [-z-]; /-ʃ-/ > [-ʒ-]; /-x-/ > [-ɣ-]; /-č-/ > [-dʒ-] (в низовом: /-t'ʃ-/ > [-dʒ-]); озвонченные варианты не могут произноситься с паузой на выдержке ⁷.

§ 5. Помимо палатализации согласных, в результате которой возникли новые фонемы, и позиционной палатальности согласных в словах с гласными переднего ряда, следует отметить еще один случай палатализации согласных, не имеющей фонематического значения, — он связан с присоединением к слову с велярной огласовкой аффиксов с палатальной огласовкой (или наоборот); при этом, как замечает Н. И. Ашмарин, «соглас-

⁵ V. Grönbech, Forstudier til tyrkisk Lydhistorie, København, 1902; H. Pedersen, Türkische Lautgesetze, ZDMG, 57, III, 1903; Ligeti L. Türkcede uzun vokaller, «Türkiyat mecmuasi», VII — VIII, 1, İstanbul, 1942; G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, JSFOu, XXXVIII, Helsinki, 1922—1923; M. Räsänen, Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen, Helsinki, 1949.

⁶ В Тетюшском районе Татарской АССР отдельные говоры знают озвончение шумных после гласных перед сонорными: *t̆ə̆bra* вместо общечувашского *t̆ə̆pra* «земля».

⁷ В плане фонетической транскрипции обозначение озвонченного произношения почти ничего не дает, так как правило в данном случае почти не знает исключения: шумный согласный без паузы на выдержке в интервокальном положении и в положении между сонорным и гласным всеми чувашами всегда произносится слегка озвонченно, причём озвончение здесь не имеет фонематического значения.

ные *л, н, р, с(з), т(д)* подвергаются незначительному, а все другие согласные — неполному смягчению: *pu'tek* «ягненок» (-*ek* — словообразовательный аффикс), *alâ* «рука» — *a'l'li* (~ *ally*) «его рука» и т. д.⁸

§ 6. Таким образом, три условия: 1) полная веларная огласовка слова, 2) полная палатальная огласовка слова, 3) веларная огласовка корня (основы) при палатальной огласовке аффикса (или наоборот) породили три ряда «вариантов» согласных фонем в диалектах чувашского языка: 1) веларный ряд, 2) палатализованный, или смягченный, ряд, 3) полупалатализованный, или полумягкий, ряд. Для шумных согласных два ряда их позиционного расположения: 1) в начале, в исходе слова, перед и после другого согласного, 2) между гласными, между сонорными и гласными — породили: 1) ряд глухих «вариантов» шумных фонем, 2) ряд озвонченных «вариантов» шумных фонем (см. выше). Все это — «варианты» фонем; как самостоятельные фонемы в диалектах чувашского языка выступают только согласные с паузой на выдержке (обычно именуемые геминатами) и без паузы на выдержке (именуемые краткими); последнее дает основание присоединиться к мнению В. Г. Егорова о том, что в «прачувашском» (или в дотюркском субстрате?) звонкость согласных была исключена.

Учитывая все сказанное, можно составить следующий список возможных фонетических модификаций согласных в системе чувашских диалектов (фонемы + аллофоны):

/p/, [b, p', b', 'p, 'b]; /pp/, [p'p', 'p'p];
 /t/, [d, t', d', 't, 'd]; /tt/, [t't', 't't];
 /k/, [g, k', g', 'k, 'g]; /kk/, [k'k', 'k'k];
 /š/, [ž, š', ž', 'š, 'ž]; /šš/, [šš', 'šš];
 /x/, [ç, x', ç', 'x, 'ç]; /xx/, [x'x', 'x'x];
 /č/, [dž, č', dž', 'č, 'dž]; /čč/, [čč', 'čč] (в верховом диалекте и литературном языке, являются звуками новейшего образования);
 /v/, [v', 'v]; /vv/, [v'v', 'v'v];
 /r/, [r', 'r]; /rr/, [r'r', 'r'r];
 /m/, [m', 'm]; /mm/, [m'm', 'm'm];
 /n/, [n', 'n]; /nn/, [n'n', 'n'n];
 /l/, [l', 'l]; /ll/, [l'l', 'l'l];
 /t's'/, [d'ž']; /t'st's'/ (только в низовом диалекте)
 /s/, [ž, 's, 'z]; /ss/, [s's];
 /š/, [ž]; /šš/, (в происхождении *t'sš* и *š* должно быть много общего; во многих словах они взаимозаменяемы по говорам: *šankâr'sš* ~ *šankâr's* «скворец», *mulgat'sš* ~ *molgaš* «заяц» и т. д.);

/j, jj/;
 /l', *l'l'/;
 /n', *n'n'/;
 /t', *t't'/;
 /r', *r'r'/⁹.

§ 7. Чувашский вокализм в отличие от многих тюркских диалектов и языков характеризуется отсутствием в принципе дифтонгоидов, дифтонгов и фарингализованных гласных.

Имеющие место случаи удлинения гласных следует отнести к разряду заместительных, точнее — контракционных долгот. Предполагать здесь

⁸ См.: Н. И. Ашмарин, указ. соч., стр. 10. Неполное смягчение обозначено постановкой значка палатальности впереди соответствующей буквы.

⁹ В последних четырех строках обозначенные звездочкой фонемы с паузой на выдержке допустимы пока только чисто теоретически как пространственно возможные или как потенциально возможные.

изначальность долготы нет оснований, так как в большинстве случаев тюрко-монгольские и тунгусо-маньчжурские соответствия дают в соответствующей позиции группу с согласным: азерб. *oçul*; турецк. *oğul*; кирг. *uul*; кумык. *ulan*; башк., татар., казах. *ul*, узб. *ўғил*, в большинстве чувашских говоров и в литературном языке *yvəl*, некоторые верховые (большей частью в районе Б. Сундыря, см. карту) *uul* ~ *ul* «сын»; или еще примеры: азерб. *ovüç*, башк. *us*, казах. *uys*, кирг. *uüç*, кумык. *uvüç*, татар. *üç* ~ *uç*, турецк. *avuç* ~ *auç*, *auş*, койбал. *ös*, уйг. *awüç* «горсть, пригоршня, рука»; сюда же: монг. *abu-ča* «пригоршня» (*abu-* «братъ»), маньчж. *afanži-* (монг. *abuldu-*) «братъся взаимно (друг за друга)»; в большинстве чувашских говоров и в литературном языке *yvəš* ~ *yvəš* (< *ab-uç), в сундырском и некоторых других верховых говорах *užo* ~ *uuš* «горсть, пригоршня, взято в горсть». Из примеров, приведенных впервые В. Шоттом в его «De lingua tschuwaschorum»: тюрк. *tuz* (*tu : z*), монг.-письм. *dabusun*, чуваш. лит. *tšavar*, в некоторых верховых (в том числе сундырском) *tšar* ~ *tar* «соль» и т. д.¹⁰

В то же время наименование результатов упрощения «групп с согласными» в чувашском заместительными (контракционными) долготами представляется весьма условным. Эти «долготы» не представляется возможным выделить непосредственно как самостоятельные фонемы хотя бы в плане синхроническом, поскольку, по нашим наблюдениям, говорящий в разных случаях может произносить в одном и том же слове как два одинаковых гласных, например *uu* (*uul* «сын»), образующих два слога (и, следовательно, две фонемы), так и один гласный, например *u* (*ul* «сын»), долготу которого практически уловить невозможно.

Общей тенденцией чувашских говоров следует признать не образование системного противопоставления долгих фонем кратким, а, наоборот, постепенное совпадение «контракционных долгот» с соответствующими нормальными гласными; возможно, немалую роль играет в этом процессе влияние литературного языка.

§ 8. Во многих верховых говорах и в «зоне вибрации» фиксируются дифтонгообразные сочетания гласных, образующиеся в результате выпадения интервокального согласного: например, сундырский говор (с. Тяптяево) *čaš* ~ *čoaš* < общечуваш. *čovaš ~ *čobaš* «чуваш»; сундырск. *xel* ~ *xüel* < общечуваш. *xüvel (> *xavel*) «солнце» и т. д. Однако сочетания *oa*, *üe*, *ua* и под. нельзя считать дифтонгами, поскольку они распределяются по двум соседним слогам и только в случае стяжения (или выпадения одной из гласных) образуют один слог, качественно и количественно равный, как правило, одной обычной гласной фонеме. Вообще же чувашские говоры в своем подавляющем большинстве не терпят соседства двух гласных и избегают зияния путем эпентезы согласных (чаще всего *-n-*, *-j-*) или путем ассимилятивного стяжения; первый способ обычен при образовании грамматических форм (*ән'е* «корова», род. падеж в низовом диалекте *ән'е-n'-е*, в верховом *ән'е-j'-е*), второй — при выпадении согласных в основах слов (*šəvər* «острый» > *šüer* > *šü : r* > *šür*).

§ 9. Состав гласных низового диалекта совпадает с составом гласных литературного языка; здесь различаются 9 гласных фонем, из которых восемь — /а, е, у, и; ı, ü; ä, ə/ — противопоставлены по палатальности и составляют стройную систему, обеспечивающую палатальную гармонию в чувашском, а одна — /o/ имеет место только в заимствованиях из русского (большей частью — советского периода). Сознательно опуская

¹⁰ См. об этом: В. Г. Егоров, Введение в изучение чувашского языка, М., 1930, стр. 183.

сложный вопрос о количественной характеристике гласных в древне-чувашском, который составляет предмет специального исследования, можно предположить, что прежде состав гласных фонем был несколько иным¹¹: отсутствовали редуцированные /ə̃, ə/, но зато были, вероятно, /o/ и /ō/ (помимо более позднего /o/ из лабиализованного /a/ первого слога типа тюрк. *baš ~ paš ~ bas ~ pas*, др.-чуваш. *poš, верховой диалект *poš*, низовой диалект *puš* «голова»), т. е. сохранялось полностью противопоставление губных гласных негубным, что обеспечивало губную гармонию в древнечувашском. Было 4 гласных переднего ряда и 4 — заднего ряда, 4 губных гласных и 4 негубных. В общем состав гласных в древнечувашском выглядел следующим образом:

/a/: *šaγmur, тюрк. *jaγmur* «дождь»;

/ε/: *kεp, совр. чуваш. *kap ~ kεp ~ pak ~ pek* «форма, образец, подобие; как, подобно»; ср. туркм. *gā:p*, якут. *kiep*, тув. *xεp*;

/y/: **yro ~ yrâ* «молозиво»; *šyrt, туркм. *jyrt* «кусать»¹²;

/i/: **iki ~ ikâ* «два»;

/u/: *tulup «тулуп»; *uður-ja «заставить шагать; ура!», ср. монг. *uduri* «заставить следовать», тюрк. *ud-* «следовать за...», *udur-*, *uduz-* «предводительствовать»;

/ü/: *kümül «серебро», тюрк. *kümüş*, *šürü «кольцо; перстень»; *ünö «корова»; *küptšük «ступица»;

/o/: *šom «сорная трава», телеут. *jon*; *porju, татар. *bozau* «теленок»; *komlaq «хмель»;

/ō/: **pölt'šö* «колыбель», *ökör «бык».

Позднее в словах, где появилось действие губной гармони, /u, o/ количественно сократились, частично сузились и совпали в редуцированном лабиализованном /ə̃/: *tulup > *tə̃lə̃p* «тулуп»; *utur-ja* > *ətə̃r'ja* «ура!» (см. в «Тудимер» Якова Ухсай), *porju > *pə̃ru* «теленок», а /ü, ö/ количественно сократились, частично сузились и совпали в редуцированном лабиализованном /ə̃/: *kümül > *kə̃mə̃l* «серебро»; *šürü > *šə̃rə̃* «кольцо, перстень»; *tük > *tə̃k* «пух»; **küt-* > *kə̃t-* «ждать»; **pölt'šö* > *pə̃lt'šə̃*.

В других случаях /ü, ö; u, o/ сохранились, возник ряд: /a, ε; y, i; u, ü; o, ö, ə̃, ə̃/, к которому редукция негубных /i, y/ в слабом положении добавила пару /ə̃, ə̃/: *pir > *pər(ε)*, *pərre* «один, однажды», *kyjar > *xyjar* > *xə̃jar* «огурец», **tjnlâ-* > *tə̃nlâ-* «слушать, понимать»¹³. Затем в низовом диалекте /o, ö/ совпали с /u, ü/: *köl* > *kələ* «озеро», *šom* > *šum* «сорная трава», а /ə̃, ə̃/ совпали с /ə̃, ə̃/: *tə̃lə̃p* > *tə̃lə̃p*, *kə̃mə̃l* > *kə̃mə̃l*, *šə̃rə̃* > *šə̃rə̃*, *pə̃lt'šə̃* > *pə̃lt'šə̃* (*pə̃lčə̃*), в результате чего здесь губная гармония изжила себя окончательно (хотя надо признать, что вопрос о губной гармонии в древнечувашском до конца, разумеется, еще не решен).

В говорах же верхового диалекта последний процесс весьма далек от завершения, поэтому здесь имеет смысл различать на современной стадии 12 гласных фонем (правда, не по всем говорам): /a, ε; y, i; u, ü;

¹¹ Из последних работ см. весьма интересный обзор тюркского, в том числе и чувашского, вокализма, сделанный А. М. Щербак о м — «О тюркском вокализме», сб. «Гюркологические исследования», М.—Л., 1963 (там же приведена и основная литература вопроса).

¹² С этой фонемой *y* (еще до перехода *a* > *o* в первом слоге) совпала и фонема *y* < *a* первого слога (ср. тюрк. *tana*, чуваш. *tyna* «телка»). Приводимым, разумеется, далеко не исчерпываются случаи исторических переходов гласных в чувашском.

¹³ Возникновению редукции (количественно-артикуляционному сокращению и ослаблению гласных), на наш взгляд, чувашский обязан адстрату.

Согласные и гласные фонемы в системе чувашских диалектов

Способ образования		Место образования		Губные		Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные	
				губногубные	губнозубные	зубно-альвеолярные		нёбно-альвеолярные				
						дорсальные	апикальные	какуминальные	палатальные			
согласные	шумные	смычные	чистые	с паузой на выдержке	<i>pp</i>		<i>tt</i>					<i>kk</i>
				без паузы на выдержке	<i>p</i>		<i>t</i>			<i>t'</i>		<i>k</i>
		аффрикаты двухфокусные	с паузой на выдержке					<i>čč</i>	<i>t'š't'š_(н)</i>			
			без паузы на выдержке					<i>č</i>	<i>t'š_(н)</i>			
		протошные	плоскощелевые однофокусные	с паузой на выдержке		<i>vv</i>	<i>ss</i>			<i>šš</i>	<i>jj</i>	<i>xx</i>
				без паузы на выдержке		<i>v</i>	<i>s</i>			<i>š</i>	<i>j</i>	<i>x</i>
	с задним фокусом двухфокусные	с паузой на выдержке						<i>šš</i>	<i>šš_(с)</i>			
		без паузы на выдержке						<i>š</i>	<i>š_(с)</i>			
	сонорные	носовые	с паузой на выдержке		<i>mm</i>		<i>nn</i>					
			без паузы на выдержке		<i>m</i>		<i>n</i>			<i>n'</i>		
		боковые	с паузой на выдержке					<i>ll</i>	<i>ll_(в)</i>			
			без паузы на выдержке				<i>l</i>	<i>l_(а)</i>		<i>l'</i>		
дрожащие		с паузой на выдержке							<i>rr</i>			
		без паузы на выдержке							<i>r</i>	<i>r'_(н)</i>		
гласные	широкие	узкие	закрытые							<i>i, ü</i>		<i>y, u</i>
			полузакрытые							<i>ə, ə^о_(в)</i>	—	<i>ê, ê^о_(в)</i>
			полуоткрытые							<i>e, ê_(в)</i>		<i>a, o_(в)</i>

¹ Подстрочные буквы в скобках обозначают принадлежность фонемы тому или иному диалекту: (н) — низовой диалект, (в) — верховой диалект, (с) — суи-вырские говоры, (а) — заволжские говоры. Геминаты, имеющие в чувашском едва уловимую на слух паузу на выдержке, обозначаются двумя (четырьмя) графемами.

о, ö¹⁴; â°, ә°, â, ә/, из которых /ö/ и /â°/ во многих говорах между собой трудно различаются; вообще же и здесь наблюдается тенденция к совпадению /о, ö/ с /â°, ә°/ (при этом остается /о/ заимствованных слов), а /â°, ә°/ в свою очередь — с /â, ә/. Обычно большинство современных исследователей не различает противопоставления /о/ и /ö/, поскольку /ö/ здесь артикулируется не так ярко, как, например, в турецк. *gönül* «сердце» (чуваш. *kâzmâl* «душевное расположение»). Н. И. Ашмарин же в свое время отмечал как /ö/, склоняющееся к /ε/[в красночетайском (курмышск.) говоре верхового диалекта], так и «открытое» /ö/, совпадающее с татарским /ö/ в слове *törlö* «различный»; ср. *kor-* «смотреть» — *kör-* «принести», *jon* «кровь» — *jön* «дешевый» и т. д. (с. Мало-Карачкино).

Из сказанного ясно, что система гласных чувашских диалектов строится на противопоставлении гласных переднего ряда гласным заднего ряда, а в верховом диалекте — пережиточно на противопоставлении губных гласных негубным. В верховых говорах намечалось также противопоставление полных гласных редуцированным, но это противопоставление до конца не реализовалось: две пары полных гласных могут здесь противопоставляться двум парам редуцированных, а другие две пары — не могут. В низовом диалекте и в литературном языке только одна пара нередуцированных имеет соответствующую пару редуцированных, а две другие пары — не имеют.

§ 10. Выше уже упоминалось, что древнечувашское *o < *a° (в первом слоге) в низовом диалекте дало /u/, а в верховом /o/. Современные чувашские говоры в зоне вибрации (см. карту) дают нам и звук, переходный от /о/ к /u/, представляющий собой нечто среднее между ними: о^u или u°. См. в бывших Аликовском и Красночетайском районах, а также на юго-востоке верхового диалекта: *šomâr* ~ *šomâr* ~ *šumâr* «дождь», *šol* ~ *šul* ~ *šol* «год, лето»¹⁵.

Этот звук наблюдается и в других позициях, в частности, соответствует общетюркским *u, o*: *šok* ~ *šok* ~ *šuk* «нет, отсутствует, не имеется», *pol* ~ *pol* ~ *pu* «быть, находиться»; *nomaj* ~ *nomaj* ~ *nomaj* ~ *nu* ~ *nu* «много» и т. д. Вопрос о причинах появления о^u ~ u° остается открытым: или это явление, которое можно датировать концом древнечувашской эпохи, и с ним связано отражение a° первого слога в низовом диалекте в виде *u* (т. е. переход a° > *u* осуществился непосредственно, а не через верховой *o*), или же это позднейшее влияние аналогии, связанное с отражением того же общечувашского *o* из *a° в низовом диалекте в виде *u*.

В отдельных говорах этот переход в *o* распространялся в некоторых словах и группах слов и на нелабиализованный *a*, причем не только в первом слоге; образовавшийся звук, как и сохранившийся в отдельных случаях древний лабиализованный *a*, напоминает *a*, склонный к *o*, т. е. a° нормальной длительности, причем степень огубленности его весьма неодинакова. Ср. красночетайск. (курмышск.) *xâmla*° ~ низовой диалект *xâmla* «хмель»; *mâka*° ~ *mâka* «тупой», *vâ'rmona*° ~ *vâ'rmana* «в лес»; ср. также: чуваш. лит., низовой диалект *xâma*, курмышск. *xâma*°, буинск. *xâma*, сундырск. (с. Мало-Карачкино) *xâma* «доска», красночетайск. (курмышск.) *šörtta*°n «щука», *töxla*°t'š «свах».

Говор чувашей с. Мало-Карачкина (быв. Сундырского, теперь Ядринского района) Н. И. Ашмарин назвал «одним из самых крайних и наиболее

¹⁴ Противопоставление фонем /о — ö/ особенно характерно для говоров «козьмодемьянских», в их числе — многих сундырских и т. д.

¹⁵ Значительное количество примеров, иллюстрирующих это явление, можно найти в «Материалах по чувашской диалектологии», вып. 1 (Чебоксары, 1960) и вып. 2 (Чебоксары, 1963).

ярких представителей... группы „очеремисившихся“ чувашских говоров»¹⁶. Здесь в основах с конечным закрытым слогом два слога подряд имеют огласовку *o*: *koršok*, курмышк. *koržak* «горшок»; *xorol*, буинск. *xural* «караул»; *šolop*, буинск. *šulap* «застреха»; *motor*, буинск. *mattur* «красивый»¹⁷.

Данные малокарачкинского говора с несомненностью свидетельствовали бы о влиянии древнемарийского субстрата при консервации древнечувашского *o, а ранее при переходе *a*^o > *o*, если бы оканье не было характерно и для других тюркских языков, а также для русских говоров в Поволжье. Большинство приводимых Н. И. Ашмариним слов (*koršok*, *šolop*, *sapon*) с двумя *o* или с *o* во втором слоге представляют собой заимствования из русского.

§ 11. В заключение этого краткого и, разумеется, далеко не исчерпывающего всех аспектов проблемы¹⁸ обзора следует отметить, что изменения гласных до известной степени связаны с ударением. Ударение в чувашском с древнейшей эпохи имело тенденцию закрепиться на последнем слоге, но эта тенденция реализовалась полностью только в немногих говорах низового диалекта. Большинство же говоров чувашского языка (почти в полном соответствии с марийским)¹⁹ имеет ударение на последнем слоге с гласным полного образования; если же в состав слова входят исключительно редуцированные гласные, то в верховых говорах ударение ставится на первом слоге, а в низовых говорах — на последнем. При грамматическом изменении слова ударение переходит на последний слог с гласным полного образования, например: *káškær* «волк», *kaškærpá* «с волком», *káškæršær* «без волка», *kaškæršæráx* «без волка» (-*ax* усиливает отрицание). В слове *kâškâr* «зови» все гласные редуцированы, поэтому в большинстве говоров ударение ставится на первый слог, а в некоторых низовых — на последний (*kâškâr*)²⁰.

Таблица (см. стр. 106), думается, освобождает нас от необходимости делать выводы из рассмотренного материала.

¹⁶ Н. И. Ашмарин, указ. соч., стр. 344.

¹⁷ Там же, стр. 353.

¹⁸ Здесь не освещается, в частности, позиционное передвижение артикуляции гласных переднего ряда назад, а гласных заднего ряда вперед, поскольку это явление в большинстве случаев не имеет фонематического значения, хотя в чисто диалектологическом плане также представляет интерес. Весьма интересный вопрос о чередованиях гласных и явлениях внутренней флексии (*piš* «вариться, обжигаться», но: *pišer* «варить (суп)» и *pišer* «давай будем загорать» и т. д.), частично затронутый в свое время В. Г. Егоровым (В. Г. Егоров, Введение в изучение чувашского языка, стр. 36 и сл.), также нами специально не изучался.

¹⁹ Б. А. Серебряников, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы, М., 1960, стр. 259 и сл. (раздел «Марийско-чувашские языковые связи»).

²⁰ Впервые и подробно описал чувашское ударение М. Сеспель в статье «Стихосложение и правила ударения» (в кн. Сеспель М., Сыринсен пуххи, Чебоксары, 1959, стр. 148—166), где он, в частности, пишет: «если бы в чувашском... не было звуков *š* и *ž* (графич. *š*, *ž*), то ударение падало бы всегда на последний слог слова» (стр. 149); тем самым и само возникновение редуцированных может быть поставлено в связь с передвижением ударения в древнечувашском.

В. В. ШЕВОРОШКИН

О НОВЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАРИЙСКИХ НАДПИСЕЙ

В подтверждение правильности транскрипции, предложенной в моих предыдущих работах о карийском языке¹, можно привести следующие соотнесения (без указания на язык даются карийские формы): *bskove-*: хет. *Paskuwa*; *λυξε-*: Λόξης (имя отца Геродота); *luke-*: хет. *Lukka/i-*, м.-аз. *Λυκx/i-*; *-kūñ(i)*: хет. *-kuni*, *Kun(n)i-*; *êküe-*: лик. *i/êcuwe-*; *kavea-*: хет. *Kawija*, при лид. *kave-* и т. п.; *tovl*: хет. *Tuwala*; *mi-krù*: хет. *Mi + Kar-ruwa* (ср. лик. *kruwa-*); *ervl-*: лув. *efirwal(l)i-*; *lurvlo-*: ликаонск. Λουολο-; *mesnâl*: лув. *massanalli-*, пер. лув. *Masna-ai* (ср. франц. [aj] < al(l)i и т. д.); *ms-ul-oz*: лид. Μεσσ-υλλ-ος; хет. *Mezz-ull-a*; (-)ul(-oz): -ωλδ-: ликаонск. Ωλλα (хет. *-ulla*) и т. д. (ср. также основу имени Улисса — Одиссея); *-dûbsa*: лув. *dupsa* (ср. лик. *-duba* при лув. *dura*, хет. *Dura-*); *kmvdγsbû* (консонантная запись): Κομβδχασβοη; *nav-(av-λ)*: писидийск. Ναυης (< и.-е. *neu-nou- «нов»); *sâzrme*: **Sôz(ôn) + Arma* resp. **Suwa + Sarma* (ср. лув. *Su-pihra-*); *emb-*: *Embon-* (в латинской передаче); *idraa-*: Ε/Ιδρι-; *gle-*: м.-аз. γλε-; *toŋonu*: пер. лув. *Tuwani(wa)* (таким образом, οŋο юго-востока Карию соответствует ù < *uwa других районов); *nad-*: писидийск. Ναδα; *dai-*, *-dau*: лик. Δευ-, -δανx, *-dewe* и т. п.; *-eket-on*: Έκατομνος (?) (ср. карийск. в ликийской передаче *eket-*, *ecat-*); *spe-s*: м.-аз. Σπα-; *kovkove*: хет. *Kuwa + Kuwa*. Сложный суффикс *-ul-ade-*: м.-аз. -(ο)υλ-ατ/δ-²; именной суффикс *-od*: -ωδ- (например,

¹ См.: ВЯ, 1962, 5 и ВЯ, 1963, 3. Следует добавить, что «прямоугольный» вариант *e* (встречающийся в надписях из Африки и древних Сард) целесообразно обозначать особым образом (например, *e₁*); знак Σ (Абу-Симбел, Смирна, Сарды: во всех трех случаях по соседству с согласными или между ними), возможно, представляет вариант *i* (или *s*?): ср. начертания иоты (и сигмы) в архаических греческих алфавитах; особый знак, встретившийся в граффити из Сард (Дж. Пухвел неправоммерно передает этот знак, а также карийск. Σ через *n*) и идентичный по начертанию с греческим χ из Сициноса и фригийско-лемносским z, возможно, представляет вариант χ или z (установленные его значения в карийском, видимо, зависят от его идентификации в этеокритском, где он неправоммерно отождествляется с иотой: дело в том, что карийцы переняли свою письменность именно на Крите, правда, не у «етеокритя», а у греков — ср. в этой связи χ из Сициноса, алфавит которого был близок архаичным греческим алфавитам Крита).

² Ср. также соответствия: *-ade-*: ατη-, αβη-, αττ/σσ-, αζ-, αθ- при лид. -αττη-, хет. -at/dda-, -at/da-, -anta- (ср. в этой связи *meunəð*: лув. *muwaninda?*). Интересно, что греки употребляли в этом суффиксе и самшй, видимо, имея в виду очень близкий звук: палатальный? Ср. ряды карийск. *t, d, s, n, l*: τ, θ, z, ν (и ñ), λ при лид. *t, d, [s], n, l*: τ, †, [š], υ, λ (о лид. † = [z] ср. мою статью «Karisch, Lydisch, Lykisch», публикуемую в «Klio»). Значение **t'* карийского τ ясно из его египетского соответствия *ṯ* (факт этого соответствия установлен О. Массоном и Ж. Юайоттом), греческих передач Τ-, Θ-, Σ-, соответствия карийск. -τ: хет. *-zi* < и.-е. * *-ti* (глагол 3-го лица ед. числа). О возможных «переходных» звуках между «сильным» *t* ([t^h]) и *d* говорят ряды типа *t, ṯ, d*, а также факты озвончения некоторых дентальных в позднететских языках. Не было ли таким промежуточным звуком и карийск. θ, хет. (a)t/d(a) в указанном выше суффиксе; заметим, что в ликийском система *t, d*: ε, θ, где ε и θ соответствуют карийским τ и θ также и в графическом отношении, свидетельствует, видимо, о том, что θ, по крайней мере в некоторых случаях, передавало звонкий: ср. в этой связи также лик. *ladahi* < *ladahi*, *tedhi* < *tedhi*, по Э. Ларошу).

Ανδ-αρσ-ωδ-ος; Σαγγ-ωδ-ος), ср. -oz : -oss-, -on : -ων-, -ok : -ωκ-; *natur-ün, mav-a-ün* содержат суффикс **-wana*; -i/av : лид. -iv(a); -(o) τ : лид. -(o)t/d (глагольный показатель 3-го лица ед. числа наст. времени); -ù : лид. -u/v; -as/ns : лид. -as/ns (показатель причастий и других глагольных и отглагольных форм); -s : лид. -s (хет. -sk- и др.), -n : лид. -n < хет. -ni- (каузатив), например, в *nodrn(s-o-τ)* : хет. *nu(n)tar-* «спешить». Неясно, следует ли анализировать карийск. *dans* как *da-ns* (ср. лид. ↑a-) или как *dan-s* (лид. *dā-*), т. е. как глагол на -s, ср. -s, -r при хет. -s, -r (-) (показатели прошедшего времени и медиопассива).

Важное дополнение к транскрипции должно быть сделано лишь в пункте, касающемся буквы ∇. Значение *p* этой буквы (предположение о ∇-[p] высказывалось мной и ранее) подтверждается соответствиями: *rav-pleon* : хет. *arawa* + *Appaliuna* при лик. *epple-* (ср. карийск. *ra-*, *rav-* : хет. *ara-*, *arawa*); *pl* (аббревиатура на монете) : Вл/Пл- : хет. *Pal-*; *plñ-* : позднелув. Плнв-, Плгв-; Ёрñ- : лик. *epñ-*; *p-λ* : лик. *ebeli* (ср. -*p*, -*k*, *p-λ*, *k-λ*, при хет. *apēl*, *kēl*, ср., однако, карийск. -*p/b* : лик. -*pe/be*); *pva-s* : позднелув. Πααα-ση или Ποαα-σα; *ups-bu* (< и. -e. *ups + *bhū-*) : лик. *prija-bu*, *kāta-bu* (все три приставки здесь сходны в значениях). Следует, таким образом, подобрать для карийского «пи» обозначение, отличное от *p*: естественно предложить π. Это -π- встречается, в частности, в серии энклитик после инфинитива (?)s(t или ð)*dune-π-uk* (-*uk* : хет. *uk* «я»? Ср. D16.14). В качестве энклитики (и проклитики) выступает и φ, в частности, в группе (-)m-φ(-) (ср. лик. *me-pe*). Если π встречается только в надписях из Африки, то φ — только в Кarii (более поздние тексты), иногда представляя не только себя самоё, но и *p*.

Для уточнения значения отдельных букв важен типологический анализ звуковых систем. Далеко идущий параллелизм рядов и серий гласных (ср. в этой связи параллелизм между ù < *uwa и ə < *ija) и согласных напоминает аналогичный параллелизм сербскохорватского и других языков (ср., в частности, выше, о палатальных). Интересно, что уже в хеттском, благодаря утрате индоевропейского *o, место «треугольной» системы гласных заняла «четырёхугольная», именно «четырёхугольные» системы налицо в позднехеттских языках — карийском, лидийском, ликийском.

Исследование карийских надписей достигло, наконец, того уровня, когда материал карийского языка может быть использован для уточнения фактов других хетто-лувийских языков. Так, благодаря карийскому идентифицируется пер. лув. *Masna-āi* (см. выше), устанавливается палатальный характер раннехеттских звуков, передававшихся посредством сдвоенных *ll*, *nn*, в некоторых случаях и *tt/dd* (ср. также хет. -*zzi* < **-t̥i* : ср. укр. *життя* при русск. *жизнь*, *жизние*). Карийский материал помогает уточнить значение отдельных ликийских и лидийских букв³: ср. выше о палатальных и т. д. (можно утверждать, например, что ликийский «ромб» означал гуттуральный звук, а не «he»: идентификация «he», предложенная Х. Педерсеном, неверно интерпретировавшим материал карийских текстов, была некритически воспринята Э. Ларошем и Ф. Хоуинком тен Кате). Данные карийского и других позднехеттских языков показывают, что в этих языках, как правило, сохранялись без изменения этимологические звонкие и глухие смычные (ср. также материал греческих передач, что позволяет, в частности, утверждать, что гипотезы о «склеивании» или о передвижении смычных

³ В настоящей заметке в стороне оставлен вопрос о происхождении малоазийских буквенных письменностей: изучение этой проблемы показывает, что карийская письменность сыграла значительную роль при создании ликийской, лидийской и некоторых других буквенных письменностей.

в хеттском спорны; в позднехеттских языках существовала, возможно, тенденция к озвончению согласных). Определенные колебания имелись в передаче палатальных и других специфических звуков (ср., например, в карийск. латинской передаче *Tegan* < хет. *degan* < и.-е. **dheghōm* и т. п.).

В настоящее время мы в состоянии определить то место, которое занимал карийский среди других хетто-лувийских языков: карийский, наряду с лидийским, входил в «хетто-лидийскую» подгруппу этих языков (ср. работы О. Каррубы по лидийскому языку): ср. -л-посессивы (-л < *l' < < *li) в карийском (например, в именах со структурой *A B-л C-л*) и -li-посессивы в лидийском (например, в именах со структурой *A B-li C-li-*), а также элементы глагольной (см. выше) и именной флексии, ср. карийский и лидийский -v- падеж; карийский -nzv: лид. -vav: хет. -nzan (местоименный генитив мн. числа и др.).

В заключение остановимся на проблеме интерпретации карийских надписей. В F44 ... *ku-oz* ... *savbv-oz*..., видимо, суть падежные формы на -(o) z, согласованные между собой (*ku-* соответствует основе относительного местоимения хет. *ku-*): ср. формы на -oz в D16 (не путать с суффиксом -oz в *ul-oz*, *lūl-oz* и т. п.); Jгр *slra-t l-o-s* (после формулы «Исида, сделай так, чтоб жил Avkañs»), возможно, значит: «Sl(a)га- это ...-ал» (ср. D 11.1 *l-aha* и глаголы типа *aksns-o-s*; -t могло бы быть и союзом: ср. лид. -(i)t «и»). Сходный оборот (с глаголом на -a < -aha??) представлен в F 46 . . . *luxze-t sav-a*: ср. также местоименное *ka-t* в F53 ⁴; три глагола на -t (ср. выше о *nodrnsot*) заключают надпись D7a (*tu-* и *zd-* — местоименные проклитики?); уточненные копии Аркелля, снятые с надписей из Вади-Хальфы F66 и F72 ⁵, позволяют идентифицировать глаголы на -(e)r (в том числе *kes-r* «посетил»?), местоимения (возможно, наречия) типа *k-λ* и др.

⁴ Эта надпись, «читавшаяся» справа налево, в действительности читается слева направо: ср. формы *msna-λ p-λ* в первой строке (с архаичным *s*; ср. также *W=s* в этой группе надписей), формы на -p, «глагол» на -a и т. д.

⁵ Копии Аркелля, снятые в 1948 г., были любезно приславы мне проф. О. Масоном (Париж). Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность другу Ф.Штайнеру (Анкара) за присланную им копию надписи из Смирны.

ПРИКЛАДНОЕ И МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ю. П. ЛЕВИН

ОБ ОПИСАНИИ СИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ОБЛАДАЮЩИХ ОБЩИМИ СВОЙСТВАМИ

0. В языкознании, как и в других науках, часто приходится иметь дело со следующей ситуацией: имеется некоторое множество Q объектов и множество E свойств; каждому объекту множества Q присущи некоторые свойства из множества E . В настоящей статье предлагается способ описания подобных совокупностей.

Таблица 1

Свойства \ Объекты	Свойства				
	e_1	e_2	e_3	e_4	e_5
a	+	+	+	0	0
b	+	+	0	0	0
c	0	0	+	0	0
d	+	+	0	0	0
e	0	0	0	+	+
f	0	0	0	+	0

Заметим сразу, что слова «объект» и «свойство» мы употребляем условно. Например, в качестве объектов можно рассматривать фонемы, а в качестве свойств данной фонемы — те фонемы, которые могут следовать за ней.

1. Итак, задано множество объектов $Q = \{a, b, c, \dots, l\}$ и множество свойств $E = \{e_1, e_2, \dots, e_m\}$; каждый объект обладает некоторыми свойствами из этого множества. Исходные данные задаем таблицей (см. табл. 1).

Знак + мы ставим в случае, если объект обладает соответствующим свойством, знак 0 — в противном случае.

Часто является существенным не только то, что данный объект обладает данным свойством, но и вес этого свойства для данного объекта.

В этом случае свойствам, которыми данный объект не обладает, можно приписать вес, равный нулю. Веса свойств вводятся так, чтобы их сумма для каждого объекта равнялась единице. Табл. 1 тогда может превратиться в табл. 2.

Если свойства не рассматриваются взвешенными, то иногда бывает удобно все же приписать им определенные веса следующим образом: если объект обладает k свойствами, то каждому приписывается вес $1/k$ (а свойствам, не присущим объекту, — вес 0).

2. Для каждой конструкции рассматриваемого типа можно ввести обратную конструкцию, в которой свойства исходной становятся объектами, а объекты исходной — свойствами. Таблица обратной конструкции получается из исходной таблицы транспонированием, т. е. заменой строк столбцами; впрочем очевидно, что веса свойств в обратной конструкции нельзя определить, зная лишь исходную таблицу.

3. Если два объекта a и b обладают хотя бы одним общим свойством, то мы будем называть эти объекты связанными и обозначать это так: $a \sim b$. Например, для табл. 1 (и 2): $a \sim b, a \sim c, a \sim d, b \sim d, e \sim f$. Заметим, что $a \sim a$ (рефлексивность); если $a \sim b$, то $b \sim a$ (симметричность); но из $a \sim b$ и $b \sim c$ еще не следует, что $a \sim c$ (транзитивность, вообще говоря, отсутствует). Совокупность всех объектов, связанных с данным объектом a , назовем локальной окрестностью объекта a и обозначим $L(a)$. Очевидно, $a \in L(a)$ (символ $\in$ означает принадлежность элемента множеству). В нашем примере $L(a) = \{a, b, c, d\}$, $L(b) = L(d) = \{a, b, d\}$, $L(c) = \{c, a\}$, $L(e) = L(f) = \{e, f\}$.

Если $L(a) = a$, т. е. объект a не связан ни с каким отличным от него самого объектом, то такой объект назовем изолированными. Если для двух объектов

Таблица 2

Свойства \ Объекты	Свойства				
	e_1	e_2	e_3	e_4	e_5
a	0,4	0,1	0,5	0	0
b	0,1	0,9	0	0	0
c	0	0	1	0	0
d	0,6	0,4	0	0	0
e	0	0	0	0,3	0,7
f	0	0	0	1	0

a и b найдутся такие объекты $c_1, c_2, \dots, c_n$, что $a \sim c_1, c_1 \sim c_2, \dots, c_{n-1} \sim c_n \sim b$, то объекты a и b назовем ассоциированными и обозначим это $a \approx b$. В нашем примере $b \approx c$, так как существует цепочка $b \sim a \sim c$.

Очевидно, отношение ассоциированности рефлексивно ($a \approx a$), симметрично (если $a \approx b$, то $b \approx a$) и транзитивно (если $a \approx b, b \approx c$, то $a \approx c$). Множество всех объектов, ассоциированных с данным, назовем глобальной окрестностью этого объекта и обозначим $G(a)$. Очевидно, $L(a) \subset G(a)$ (значком $\subset$ обозначается включение одного множества в другое); если $b \in G(a)$, то $a \in G(b)$; если $a \approx b$, то $G(a) = G(b)$. Поэтому все множество объектов распадается на непересекающиеся глобальные окрестности. В нашем примере таких окрестностей две: $G(a) = G(b) = G(c) = G(d) = \{a, b, c, d\}$ и $G(e) = G(f) = \{e, f\}$.

4. Расстоянием двух ассоциированных объектов a, b назовем число $\rho_{a,b} = n + 1$, если существует цепочка $a \sim c_1 \sim \dots \sim c_n \sim b$ и она является кратчайшей. Если a и b не ассоциированы, то естественно положить $\rho_{a,b} = \infty$. Если a и b связаны, но не совпадают, то $\rho_{a,b} = 1$. Положим также $\rho_{a,a} = 0$. Очевидно, $\rho_{a,b} = \rho_{b,a}$;

$\rho_{a,b} + \rho_{b,c} \geq \rho_{a,c}$. Расстояние между объектами данного множества удобно задавать отдельной таблицей для каждой глобальной окрестности. Для рассматриваемого примера таких таблиц будет две (табл. 3 и табл. 4).

Таблица 3

	a	b	c	d
a	0	1	1	1
b		0	2	1
c			0	2
d				0

Таблица 4

	e	f
e	0	1
f		0

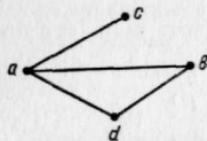
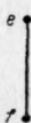

Рис. 1

5. Связи между объектами данного множества удобно изображать в виде графа. Объекты изображаются точками на плоскости; все связанные между собой объекты соединяют отрезками. Так, таблице 1 отвечает граф на рис. 1.

Преимущество графа перед таблицей — в его наглядности: сразу видно, какие объекты связаны, какие ассоциированы, каково расстояние между объектами. Однако изображение связей объектов в виде графа обладает по сравнению с табличным рядом недостатков. Главный из них

заключается в том, что если каждой таблице граф отвечает однозначным образом, то графу могут отвечать различные таблицы. Например, графу на рис. 2 отвечает и табл. 5, и табл. 6.

В связи с этим целесообразно различать для данной совокупности объектов, с одной стороны, свойства и характеристики, которые отражаются на виде графа, — их можно назвать топологическими, — а, с другой стороны, те, которые отражения в графе не находят, — их можно назвать метрическими. Понятия локальной и глобальной окрестностей и расстояния — топологические; ниже вводимое понятие меры близости — метрическое.

6. Пример. Пусть объектами являются фонемы $\{p, p', b, b', f, f', v, v'\}$, а свойства — следующие дифференциальные признаки: твердость, мягкость, непрерывность, прерывность, звонкость, незвонкость. Составим таблицу (табл. 7).

Таблица 5

	e_1	e_2	e_3
a	+	+	+
b	+	+	0
c	+	0	0

Таблица 6

	e_1	e_2	e_3
a	+	+	0
b	+	0	+
c	0	+	+

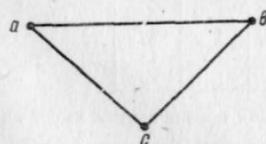

Рис. 2

Граф, ей соответствующий, см. на рис. 3. Расстояния: $\rho_{p,v} = \rho_{p',v} = \rho_{b,v} = \rho_{b',v} = \rho_{f,v} = \rho_{f',v} = 2$, а все остальные $\rho = 1$.

7. До сих пор была введена лишь одна (и к тому же тривиальная) количественная характеристика родства объектов в системе — расстояние. Для несвязанных объектов эта величина достаточно хорошо характеризует степень их удаленности друг от друга. Однако для любых связанных объектов $\rho = 1$ независимо от того, будут ли все свойства этих объектов общими или они имеют лишь одно общее свойство. Поэтому желательно ввести величину, которая бы более точно характеризовала степень близости связанных объектов друг к другу.

Таблица 7

Дифференц. признаки	Фонемы							
	<i>p</i>	<i>p'</i>	<i>b</i>	<i>b'</i>	<i>f</i>	<i>f'</i>	<i>v</i>	<i>v'</i>
Твердость	+	-	+	-	+	-	+	-
Мягкость	-	+	-	+	-	+	-	+
Непрерывность	-	-	-	-	+	+	+	+
Прерывность	+	+	+	+	-	-	-	-
Звонкость	-	-	+	+	-	-	+	+
Незвонкость	+	+	-	-	+	+	-	-

Пусть объект *a* обладает *k* свойствами, объект *b* — *l* свойствами, причем *s* свойств являются общими для *a* и *b*. Мерой близости объектов *a* и *b* назовем число

$$\sigma_{a,b} = \frac{s^2}{kl}. \quad (1)$$

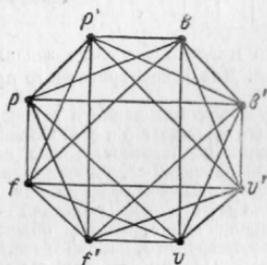

Рис. 3

Оправданием для такого определения меры близости является следующее: 1) σ принимает значения между 0 и 1, причем $\sigma = 0$ лишь если $s = 0$, т. е. если *a* и *b* не связаны; $\sigma = 1$ лишь если $s = k = l$, т. е. если все свойства объектов *a* и *b* совпадают; 2) если свойства *a* составляют часть свойств *b*, т. е. $s = k < l$, то

$$\sigma_{a,b} = \frac{k^2}{kl} = \frac{k}{l},$$

т. е. мера близости в этом случае равна отношению числа свойств *a* к числу свойств *b*.

Для системы объектов меры близости можно задать таблицей. Так, для примера, рассмотренного в п. 6, получаем таблицу 8.

Другой пример. В статье Т. Милевского «Предпосылки типологического языкознания»¹ сравниваются по составу фонологические системы различных языков (рассматриваются только смычные согласные), причем степень сходства подсчитывается по формуле $x = \frac{a-b}{a+b}$, где *a* — сумма эквивалентных фонем в сравниваемых языках, *b* — сумма неэквивалентных фонем. Величина *x* в наших обозначениях имеет вид

Таблица 8

	<i>p</i>	<i>p'</i>	<i>b</i>	<i>b'</i>	<i>f</i>	<i>f'</i>	<i>v</i>	<i>v'</i>
<i>p</i>	1	4/9	4/9	1/9	4/9	1/9	1/9	0
<i>p'</i>		1	1/9	4/9	1/9	4/9	0	1/9
<i>b</i>			1	4/9	1/9	0	4/9	1/9
<i>b'</i>				1	0	1/9	1/9	4/9
<i>f</i>					1	4/9	4/9	1/9
<i>f'</i>						1	1/9	4/9
<i>v</i>							1	4/9
<i>v'</i>								1

каж, *b* — сумма неэквивалентных фонем. Величина *x* в наших обозначениях имеет вид $x = \frac{4s}{k+l} - 1$ и принимает значения от -1 (в случае полного несходства фонологических систем) до 1 (в случае тождества). Применяя в тех же целях нашу формулу

¹ Т. Милевский. Предпосылки типологического языкознания, сб. «Исследования по структурной типологии», М., 1963.

для меры близости, получим, например: для языков лутуами и рутульского ($k = 14$, $l = 18$, $s = 14$) $\sigma = 0,78$; для языков кечуа и грузинского ($k = 16$, $l = 17$, $s = 14$) $\sigma = 0,72$.

8. Однако определенная в п. 7 мера близости неудобна, если свойствам объектов приписаны веса. Ведь даже в том случае, когда два объекта эквивалентны, веса свойств для них могут быть различны, и было бы желательно иметь такое выражение для меры близости, которое давало бы, например, для табл. 9 значения мер близости, удовлетворяющие неравенствам: $\sigma_{a,b} > \sigma_{a,c} > \sigma_{b,c}$.

Итак, пусть даны два объекта a и b ; рассмотрим все свойства этих объектов и перенумеруем их: $e_1, e_2, \dots, e_{n-1}, e_n$. Пусть веса этих свойств для a суть $p_1, p_2, \dots, p_n$, а для b — $q_1, q_2, \dots, q_n$ (если какое-либо свойство e_j не присуще, например, a , то положим $p_j = 0$). Тогда мера близости $\sigma_{a,b}$ должна быть функцией $2n$ переменных, которую удобно записывать так:

$$\sigma_{a,b} = \sigma \left(\begin{matrix} p_1, p_2, \dots, p_n \\ q_1, q_2, \dots, q_n \end{matrix} \right).$$

Определим эту функцию следующим образом:

$$\sigma_{a,b} = \left(\sum_{i=1}^n \sqrt{p_i q_i} \right)^2. \quad (2)$$

Оправданием для такого определения является следующее: 1) $\sigma_{a,b}$ не зависит от порядка объектов a и b ($\sigma_{a,b} = \sigma_{b,a}$) и от нумерации свойств; 2) $\sigma_{a,b}$ может принимать значения от 0 до 1, причем $\sigma = 0$ для несвязанных объектов:

$$\sigma \left(\begin{matrix} p_1, \dots, p_k, 0, \dots, 0 \\ 0, \dots, 0, q_{k+1}, \dots, q_n \end{matrix} \right) = 0;$$

$\sigma = 1$ для эквивалентных объектов с одинаковыми весами свойств:

$$\sigma \left(\begin{matrix} p_1, p_2, \dots, p_n \\ p_1, p_2, \dots, p_n \end{matrix} \right) = \left(\sum_{i=1}^n \sqrt{p_i p_i} \right)^2 = \left(\sum_{i=1}^n p_i \right)^2 = 1;$$

3) так, определенная мера близости представляет собой прямое обобщение меры близости, определенной в п. 7: пусть, как в п. 7, объект a имеет k свойств, объект b — l свойств, причем s свойств являются для a и b общими. Припишем в соответствии с п. 1 свойствам объекта a веса, равные $1/k$, а свойствам объекта b — $1/l$ и перенумеруем свойства так, чтобы объекту a отвечали свойства $e_1, e_2, \dots, e_k$, а объекту b — $e_{n-l+1}, \dots, e_n$. Тогда в соответствии с формулой (1)

$$\begin{aligned} \sigma_{a,b} &= \sigma \left(\begin{matrix} \frac{1}{k}, \dots, \frac{1}{k}, \frac{1}{k}, \dots, \frac{1}{k}, 0, \dots, 0 \\ 0, \dots, 0, \frac{1}{l}, \dots, \frac{1}{l}, \frac{1}{l}, \dots, \frac{1}{l} \end{matrix} \right) = \\ &= \left(\underbrace{\left(\sqrt{\frac{1}{k} \cdot \frac{1}{l}} + \dots + \sqrt{\frac{1}{k} \cdot \frac{1}{l}} \right)}_{s \text{ слагаемых}} \right)^2 = \left(\frac{s}{\sqrt{kl}} \right)^2 = \frac{s^2}{kl}. \end{aligned}$$

Для табл. 9 получаем: $\sigma_{a,b} = 0,98$; $\sigma_{a,c} = 0,75$; $\sigma_{b,c} = 0,69$.

Пример. Рассмотрим в качестве объектов поэтические тексты, написанные четырехстопным ямбом, в качестве свойств — различные формы ямба, весами же пусть будут относительные частоты этих форм в текстах. Результаты сведем в таблицу (см. табл. 10).

Таблица 10

Тексты	Формы ямба							
	1	2	3	4	5	6	7	
А. Пушкин «Евгений Онегин», гл. I	0,25	0,07	0,11	0,46	0	0,10	0,01	—
М. Лермонтов «Тамбовская казначейша»	0,26	0,07	0,10	0,47	0	0,10	0	1,00
А. Блок «Возмездие»	0,24	0,08	0,14	0,40	0	0,12	0,02	0,99
А. Ахматова, стихи 1911—1922 гг.	0,25	0,06	0,12	0,45	0	0,10	0,02	1,00
С. Есенин, стихи 1917—1925 гг.	0,22	0,13	0,17	0,37	0	0,09	0,02	0,98
Л. Мартынов «Стихи» (сб. 1957 г.)	0,22	0,10	0,15	0,35	0	0,12	0,06	0,97
В. Пастернак «Высокая болезнь»	0,24	0,05	0,23	0,37	0,01	0,05	0,05	0,94

В последнем столбце приведены меры близости рассматриваемых текстов с «Евгением Онегиным».

Формула для меры близости, введенная здесь, может быть применена и для более точной, чем в п. 7, оценки фонологического сходства языков, если ввести веса фонем в фонологической системе каждого языка, беря в качестве веса фонемы в данном языке ее относительную частоту в потоке речи.

9. Иногда и введенная в п. 8 мера близости недостаточно хорошо отражает действительную близость объектов друг к другу. Это может быть в том случае, когда сами свойства объектов не являются обособленными, а так или иначе родственны между собой. Если это родство свойств допускает количественную оценку, то можно предложить более совершенную формулу для вычисления меры близости.

Допустим, для любых двух свойств e_i и e_j задан коэффициент родства этих свойств λ_{ij} . Будем считать, что $0 \leq \lambda_{ij} \leq 1$, причем $\lambda_{ij} = 0$, если родство отсутствует, и $\lambda_{ij} = 1$, если свойства тождественны. Формула (2) будет отражать родство свойств, если мы в ней заменим p_i на

Таблица 11

	e_1	e_2	e_3
a	1	0	0
b	0,5	0,5	0
c	0,5	0	0,5

$$p'_i = \frac{1}{\Lambda_a} \sum_{j=1}^n \lambda_{ij} p_j, \text{ а } q_i \text{ на}$$

$$q'_i = \frac{1}{\Lambda_b} \sum_{j=1}^n \lambda_{ij} q_j, \text{ где}$$

$$\Lambda_a = \sum_{j=1 \dots n} p_j \lambda_{ij}, \quad \Lambda_b = \sum_{j=1 \dots n} q_j \lambda_{ij}$$

Формула для меры близости примет вид

$$\sigma_{a,b} = \frac{1}{\Lambda_a \cdot \Lambda_b} \left(\sum_{i=1}^n \sqrt{\sum_{j=1}^n \lambda_{ij} p_j \cdot \sum_{j=1}^n \lambda_{ij} q_j} \right)^2 \quad (3)$$

В случае, когда $\lambda_{ij} = 0$ при $i \neq j$, эта формула превращается в формулу (2).

Пример. Пусть данная система объектов с их свойствами задана таблицей 11.

Пусть даны коэффициенты родства: $\lambda_{12} = 0,8$, $\lambda_{13} = 0,3$, $\lambda_{23} = 0,1$. Если не учитывать родства свойств, то для мер близости получим [по формуле (2)]: $\sigma_{a,b} = 0,5$, $\sigma_{a,c} = 0,5$, $\sigma_{b,c} = 0,25$. Если же принять во внимание родство свойств, т. е. воспользоваться формулой (3), то получим: $\sigma_{a,b} = 0,99$, $\sigma_{a,c} = 0,92$, $\sigma_{b,c} = 0,89$.

10. Формула (2) для меры близости нуждается в поправках и в том случае, когда свойства рассматриваемых объектов имеют различную значимость, — в том смысле, что связанность по одним свойствам более существенна, чем связанность по другим.

Так, если в качестве объектов рассматривать фонемы, а в качестве свойств — их дифференциальные признаки, то свойство «вокальность», по-видимому, более значимее свойство «высокая тональность».

Будем характеризовать значимость каждого свойства e_i числом m_i (которое и будем называть значимостью свойства e_i), причем потребуем, чтобы получаемые результаты не менялись при замене чисел $m_1, m_2, \dots, m_n$ на пропорциональные им, т. е. на $\gamma m_1, \gamma m_2, \dots, \gamma m_n$.

Рассмотрим какой-либо объект a со свойствами $e_1, e_2, \dots, e_n$, веса которых для этого объекта суть $p_1, p_2, \dots, p_n$. Значимости свойств естественно рассматривать как поправочные коэффициенты к весам, т. е. с учетом значимостей веса становятся равными $m_1 p_1, m_2 p_2, \dots, m_n p_n$; но сумма весов должна равняться 1. Чтобы добиться этого, заменим все m_i на пропорциональные им числа $\lambda_a m_i$, подобрав λ_a так, чтобы

$$\sum_{i=1}^n \lambda_a m_i p_i = 1;$$

отсюда

$$\lambda_a = \frac{1}{\sum_{i=1}^n m_i p_i}.$$

Таблица 12

	e_1	e_2	e_3
a	0,3	0	0,7
b	0,3	0,6	0,1

Аналогичный поправочный множитель введем для всех объектов совокупности. Пусть «исправленные» веса свойств для объекта a суть $\lambda_a m_i p_i$, а для объекта b — $\lambda_b m_i p_i$. Тогда, воспользовавшись формулой (2), получим:

$$\sigma_{a,b} = \lambda_a \lambda_b \left(\sum_{i=1}^n m_i \sqrt{p_i q_i} \right)^2. \quad (4)$$

Пример. Система задана таблицей 12. По формуле (2) $\sigma_{a,b} = 0,31$.

Пусть теперь свойствам e_1, e_2, e_3 приписаны соответственно значимости: $m_1 = 5, m_2 = m_3 = 1$ (т. е. свойство e_1 в 5 раз важнее свойств e_2 и e_3). Тогда:

$$\lambda_a = \frac{1}{5 \cdot 0,3 + 0,7} = 0,45, \quad \lambda_b = 0,45, \quad \sigma_{a,b} = 0,45 \cdot 0,45 \times \\ \times (5\sqrt{0,3 \cdot 0,3} + \sqrt{0,7 \cdot 0,1})^2 = 0,62.$$

11. Выведем аналогичную формулу для меры близости объектов, свойства которых не взвешены. Приняв те же обозначения, что и в п. 7, и приписав свойствам объекта a веса, равные $\frac{1}{k}$, а свойствам b — равные $\frac{1}{l}$, получим:

Таблица 13

	e_1	e_2	e_3
a	+	+	0
b	+	0	+

$$\lambda_a = \frac{1}{\sum_{(a)} m_i \cdot \frac{1}{k}} = \frac{k}{\sum_{(a)} m_i}, \quad \lambda_b = \frac{1}{\sum_{(b)} m_i \cdot \frac{1}{l}} = \frac{l}{\sum_{(b)} m_i},$$

откуда

$$\sigma_{a,b} = \lambda_a \lambda_b \left(\sum_{(a,b)} m_i \sqrt{\frac{1}{k} \cdot \frac{1}{l}} \right)^2 = \frac{\left(\sum_{(a,b)} m_i \right)^2}{\sum_{(a)} m_i \cdot \sum_{(b)} m_i}, \quad (5)$$

где в $\sum_{(a)}$ — суммирование идет по номерам свойств объекта a , а в $\sum_{(a,b)}$ — по номерам свойств, общих для a и b .

Пример. Система задана таблицей 13.

Пусть $m_1 = 5, m_2 = m_3 = 1$. Без учета значимостей [по формуле (1)] $\sigma_{a,b} = 0,25$. Если воспользоваться формулой (5), то

$$\sigma_{a,b} = \frac{5^2}{6 \cdot 6} = 0,69.$$

12. Рассмотрим наряду с данным объектом a , обладающим n свойствами с весами $p_1, p_2, \dots, p_n$, «объект-эталон» θ , обладающий теми же свойствами, но с равными друг другу весами: $p_i = 1/n$. Мера близости этих объектов

$$\sigma_{a,\theta} = \left(\sum_{i=1}^n \sqrt{p_i \frac{1}{n}} \right)^2 = \frac{1}{n} \left(\sum_{i=1}^n \sqrt{p_i} \right)^2$$

характеризует своего рода степень однородности объекта a относительно рассматриваемых свойств: чем более равномерно распределены веса объекта a (т. е. чем ближе каждый из весов к $\frac{1}{n}$), тем ближе $\sigma_{a,\theta}$ к 1; если же вес одного из свойств объекта a близок к 1, а веса остальных — к 0, то $\sigma_{a,\theta}$ приближается к своей нижней грани — к $1/n$. Однако для характеристики однородности объекта относительно данных свойств удобнее пользоваться величиной, принимающей значения от 0 (а не от $1/n$) — при максимальной неоднородности — до 1. Такую величину легко получить из $\sigma_{a,\theta}$; обозначим ее τ_a и назовем мерой однородности объекта a (относительно рассматриваемых свойств):

$$\tau_a = \frac{1}{n-1} \left[\left(\sum_{i=1}^n \sqrt{p_i} \right)^2 - 1 \right]. \quad (6)$$

Пример. Рассмотрим в качестве объекта письменный русский язык, в качестве свойств — буквы (включая пробел; $\bar{e}$ отождествляем с $e, \bar{y} - с y$), а в качестве весов — их частоты². Мера однородности русского языка относительно частоты букв оказывается равной $\tau_{\text{русск.}} = 0,78$. Проделав то же с письменным английским³, получим: $\tau_{\text{англ.}} = 0,74$. Таким образом, в русских текстах распределение букв более однородно, нежели в английских.

Заметим, что определяемая таким образом величина τ сопоставима с величиной H_1/H_0 , рассматриваемой в теории информации⁴ (где $H_0 = \log_2 n$ — энтропия на букву без учета частот,

$$H_1 = - \sum_{i=1}^n p_i \log_2 p_i$$

— энтропия на букву с учетом частот). Величина $\frac{H_1}{H_0}$ также заключена между 0 и 1, также имеет максимум при наиболее равномерном распределении частот, а минимум — при наименее равномерном. Заметим также, что $\left(\frac{H_1}{H_0} \right)_{\text{русск.}} = 0,86$, $\left(\frac{H_1}{H_0} \right)_{\text{англ.}} = 0,84$.

Аналогично можно рассматривать пары, тройки и т. д. букв и соответствующие частоты; в качестве мер однородности будем тогда получать величины, сопоставимые с $\frac{H_2}{H_0}, \frac{H_3}{H_0}$ и т. д.

13. В случае, когда объектами рассматриваемого множества являются знаки той или иной природы (будем называть их здесь сигналами), а в качестве свойств рассматриваются их значения, можно ввести еще одну числовую характеристику — назовем ее мерой однозначности сигнала. Потребуем, чтобы эта величина изменялась в пределах от 0 до 1, становясь равной 1, если данный сигнал имеет точно одно значение, и равной 0, если данный сигнал имеет бесконечно много значений.

Если значения сигналов не являются взвешенными, то меру однозначности I_a сигнала⁵ a , имеющего n значений, можно задать формулой

$$I_a = \frac{1}{n}. \quad (7)$$

При таком задании выполняется, кроме названных, то естественное требование, чтобы при увеличении количества значений сигнала в k раз мера однозначности уменьшалась бы во столько же раз.

Если значения сигнала взвешены (в данном случае веса целесообразно интерпретировать как относительно частоты значений), то, как можно показать, естественно

² См., например: А. М. Яглом, И. М. Яглом, Вероятность и информация, 2-е изд., М., 1960, стр. 189.

³ См., например: Л. Бриллюэн, Наука и теория информации, М., 1960, стр. 24.

⁴ См., например: О. С. Ахманова и др., О точных методах исследования языка, М., 1961, гл. 6.

определить меру однозначности сигнала a , обладающего n значениями с весами $p_1, p_2, \dots, p_n$, следующей формулой:

$$I_a = p_1^{p_1} p_2^{p_2} \dots p_n^{p_n}. \quad (8)$$

В частном случае, когда все веса равны (все $p_i = \frac{1}{n}$), получаем:

$$I_a = \left(\frac{1}{n}\right)^{\frac{1}{n}} \dots \left(\frac{1}{n}\right)^{\frac{1}{n}} = \left(\sqrt[n]{\frac{1}{n}}\right)^n = \frac{1}{n},$$

т. е. возвращаемся к формуле (7).

Пример. Если некоторое слово a имеет 3 значения, относительные частоты которых 0,1, 0,1 и 0,8, а слово b — 2 значения с частотами 0,5 и 0,5, то $\tau_a = 0,1^{0,1} \cdot 0,1^{0,1} \cdot 0,8^{0,8} = 0,53$, $\tau_b = 0,5^{0,5} \cdot 0,5^{0,5} = 0,5$, т. е. слово a обладает более высокой мерой однозначности, чем слово b , несмотря на то, что значений у него больше.

Заметим, что введенная здесь мера однозначности сигнала может рассматриваться как своего рода мера конкретности информации, даваемой сигналом. Действительно, чем больше значений имеет данный сигнал и чем равномернее распределение частот этих значений, тем менее конкретную информацию этот сигнал доставляет. Заметим также, что величина I связана с шенноновской энтропией H соотношением: $I = 2^{-H}$.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

СЕМАНТИКА В МИЛАНСКОМ ЦЕНТРЕ КИБЕРНЕТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ

1. Работа по машинному переводу, которая ведется в Миланском центре кибернетики и лингвистики под руководством проф. С. Чеккато, примечательна во многих отношениях и прежде всего потому, что подготавливаемый ею группой алгоритм МП будет использовать семантическую информацию. Как известно, разработкой МП на семантической основе пока что занимаются мало, хотя ни у кого не возникает сомнения в том, что для получения МП, сходного с «человеческим», необходим семантический подход.

МП является для Миланской группы лишь частью широко задуманной программы по автоматизации всей умственной деятельности человека и должен пониматься в контексте этой общей проблемы. Внимание авторов сосредоточено, таким образом, на изучении мысли, а не языка: «...мы занимаемся скорее человеком, чем машиной, а что касается человека, то скорее его мыслью, чем его языком»¹.

Приходится отметить, однако, крайнюю фрагментарность и туманность изложения результатов работы Миланской группы в имеющихся публикациях. По этой причине фактически потеряно для читателей много интересных идей, в том числе и таких, без которых затруднено понимание теории в целом.

С. Чеккато занимается психологией и философией с конца 30-х годов и уже в 40-х годах высказывает идеи, которые теперь принято называть кибернетическими. К 1954 г. были выработаны основные принципы учения, названного операционным, и примерно с этого времени С. Чеккато вместе с несколькими помощниками (программистами и инженерами) начал создавать простейшие модели умственной деятельности. Как часть умственной деятельности рассматривается в этих работах и языковое поведение человека. Результат «умственной деятельности» ма-

шины должен по замыслу иметь вид фраз естественного языка. С этого же времени начинаются первые шаги в сторону работы над МП. Интенсивная работа в этом направлении относится к 1959 г., когда был заключен контракт группы с военными организациями США и Евратомом на русско-английский и другие МП.

Итак, МП в Милане возник как частная задача в связи с автоматизацией умственной деятельности человека. Как, вообще говоря, осуществляется перевод человеком? Человек-переводчик, по Чеккато, не просто устанавливает соответствие между знаками двух языковых систем, а прежде «понимает» текст, т. е. переводит знаки входного языка на знаки мысли, ибо слова языка, по мнению С. Чеккато, называют не предметы действительности, а «вещи», созданные умом человека² (в дальнейшем слово «вещь» здесь употребляется в этом, чеккатовском смысле — для названия «умственных содержаний»). Поэтому главную задачу МП С. Чеккато видит в том, чтобы изучить, как устроено то, что создается умом человека, из каких элементов состоят различные «вещи» и как они связаны между собой. Именно эту задачу и ставит перед собой операционное учение С. Чеккато. Сопоставить каждую «вещь» со словом реального языка казалось авторам в начале их работы легким делом, а трудности на формально-языковом уровне — и вовсе несущественными. Однако трудности этого последнего рода сейчас же заняли о себе, как только дело дошло до создания конкретных алгоритмов МП. Что же касается описания смысла языковых выражений, то серьезность этой задачи также давно оценена авторами.

В настоящее время в разработке семантических проблем Миланской группой четко разграничиваются два плана. С од-

¹ S. C e c c a t o, B. Z o n t a, Human translation and translation by machine, «I. international conference on machine translation. Teddington, Middlesex, 5-th—8-th September 1961», paper 30.

² S. C e c c a t o, Operational linguistics and translation, «Linguistic analysis and programming for mechanical translations», Milano, 1960 («Mechanica», XII, 45—46—47); S. C e c c a t o, B. Z o n t a, указ. соч.

ной стороны, это вопросы, так сказать, «высокой» семантики, основанные на фило-софско-психологической теории С. Чеккато. Связь между языковым знаком и соответствующим умственным содержанием здесь устанавливается как бы сверху, от мысли. С другой стороны, в Милане силами сотрудников-лингвистов развивается, так сказать, «низшая», синтаксическая семантика, привлекаемая для решения в алгоритме МП трудностей синтаксического характера³. Ниже освещаются сначала первый, а потом второй аспекты разработки семантической проблематики Миланской группой.

2. По теории С. Чеккато, мир, который воспринимает человек и о котором он высказывается в форме языка, можно описать при помощи операций, выполняемых определенными органами человека. Непротиворечивое и системное описание этого мира, по Чеккато, возможно в терминах четырех фундаментальных типов операций: дифференциации, фигурации, категоризации и коррелирования. Для создания умственных содержаний мысли — «вещей» — служат первые три операции. Последняя формирует отдельные умственные содержания в целостную мысль.

Указанные четыре фундаментальных типа операций являются основой всего учения С. Чеккато. Тем не менее описание их лишено необходимой ясности и, более того, имеются серьезные несоответствия в определениях от статьи к статье. Это, по-видимому, следует объяснять тем, что взгляды С. Чеккато продолжают развиваться; по этой причине такие несоответствия рано еще квалифицировать как противоречия.

Операция д и ф ф е р е н ц и а ц и и, по определению С. Чеккато, представляет собой простейший вид умственной деятельности. В результате изменения состояния некоторых органов человек имеет возможность говорить о дифференциатах — о свете и темноте, о шуме и тишине, теплом и холодном и т. д.

Дифференциаты бывают полярные, противопоставляемые по качеству, и бывает целая шкала дифференциатов, различающихся количественно. По своему описанию эта операция очень напоминает то, что обычно называют ощущением; однако среди дифференциатов С. Чеккато помещает такие «вещи», как «приятное» — «неприятное» (в смысле состояния души) и «присутствие» — «отсутствие», не соотнося-

мые с ощущениями⁴. Именно этот пункт представляет собой самое темное место в теории С. Чеккато. Понятие дифференциации присутствия — отсутствия вводится следующим образом⁵: функционирует некоторый (?) орган, принимающий два состояния — присутствие и отсутствие, причем состояние присутствия возникает в человеке, когда ему говорят: «Эй, ты!», или «Смотри!», или «Послушай!». Описывая свой объект подобным образом, автор имеет в виду некую абстракцию от внимания и сознания, некое «присутствие» в чистом виде. В работах С. Чеккато нигде прямо не говорится, какой орган осуществляет эту операцию, но, по-видимому, единственным органом, приспособленным для такой работы, может быть только мозг. А если это так, если кибернетический «мозг» сконструирован или хотя бы придуман, то каково его устройство, как он работает? С. Чеккато не придает этому вопросу серьезного значения, что делает его теорию уязвимой в самой основе.

Операция ф и г у р а ц и и позволяет человеку говорить о фигурах и формах. Первоначально С. Чеккато определял фигурацию как движение (любой) дифференциации в пространстве по отношению к такой пространственной системе отсчета, как человеческое тело⁶ (в соответствии с этим определением фигура стола, например, возникает при движении руки по границе стола и воздуха, где осуществляется дифференциация жесткого (дерево) — мягкого (воздуха) во всех точках, через которые рука проходит; тот же результат можно получить, осуществляя при помощи глаза дифференциацию света — темноты во всех точках, где дерево граничит с воздухом). В соответствии с другой, более поздней статьей фигурацию образует движение не любой дифференциации, а лишь дифференциации присутствия⁷. И, наконец, в докладе на Теддингтонской конференции предлагается рассматривать фигурацию как чистое движение, а не

⁴ Следует отметить, что С. Чеккато с самого начала предостерегает читателей от смешения понятия «дифференциация» с понятием «ощущение» традиционной психологии, ибо понятие «ощущение» подразумевает ощущаемый объект и ощущающий его субъект, а «дифференциация» имеет в виду лишь чистые качества.

⁵ Понятие дифференциации приятного — неприятного не развивается далее и не фигурирует в описании «вещей», называемых словами языка.

⁶ S. C e c c a t o, Principles and classification of an operational grammar for mechanical translation, «Information retrieval and machine translation», III, pt. 2, New York — London, 1960, стр. 695.

⁷ S. C e c c a t o, Operational linguistics and translation, стр. 32.

³ См.: E. v o n G l a s e r s f e l d, Some notes on interlanguages correspondence, «Linguistic analysis and programming for mechanical translation»; е го ж е, Notes concerning output matrices, там же; S. P e r s c h k e, Some notes on ambiguous Russian verb, там же.

движение какой-либо дифференциации⁸. Чистыми фигурами без примеси качественного содержания являются фигуры геометрии.

Абстрактные «вещи», не соотносимые ни с какими объектами наблюдаемого мира и называемые такими словами, как, например, «субъект», «объект», «субстанция», «случайность», «и», «или», «итак», «при», «состояние», «процесс», «точка», «различие», «время», «пространство», «единственность», «множественность» и т. д., являются результатом операции к а т е г о р и з а ц и и. Подобные «вещи», «умственные категории», составлены из различных комбинаций дифференциат присутствия, расположенных во времени.

Хотя идея автора в общем ясна (это желание выделить в «вещах», смыслах слов⁹, в качестве отдельного элемента их абстрактную часть, как при дифференциации выделяются «чистые» качества, а при фигурации — «чисто» пространственная характеристика «вещей»), понять устройство умственных категорий по Чеккато практически невозможно. Приведем несколько примеров. Простейшая умственная категория в языке имеет название «thing», «something», «etwas», «cosa». Почти дословное описание этой категории выглядит так. Две дифференциации присутствия следуют одна за другой во времени и в конце концов становятся единым целым. Первое состояние присутствия почти незаметно для человека (оно возникает в человеке, когда ему говорят: «Смотри!», второе фокусирует первое (оно возникает в человеке, когда ему говорят: «Здесь!»), в результате оба состояния сливаются в одно. Условное обозначение «вещи»: $1+1$, или 2 ; объект — это «вещь» плюс состояние присутствия: $(1+1)+1$; субъект — состояние присутствия плюс «вещь»: $1+(1+1)$; категория ед. числа: $1+(1+1)+1$, категория мн. числа: $(1+1)+1+(1+1)$. Смысл всех этих и подобных определений состоит, по-видимому, в рассмотрении называемых языком сущностей как следующих друг за другом во времени. При таком толковании приведенных выше определений становится понятным описание субъекта и объекта, а отчасти — также категорий ед. и мн. чисел. Безусловно, идея чисто временного следования лежит в основе определения служебных слов *with, or, and, also* и др. Тем не менее, предложенное нами толкование слишком грубо и не годится для объяснения описаний других умственных кате-

горий (например, присущая всем именам категория *otherness*¹⁰, категории временной и пространственной локализации не сводятся к набору «состояний присутствия»).

Итак, идея машины, которая наряду с органами зрения, слуха, обоняния, вкуса и тактильным будет на одинаковых правах иметь особый орган для восприятия абстрактного, слабо защищена от критики. В то же время, как мы пытались показать выше, теория С. Чеккато как умозрительное построение вполне годится в качестве основы для семантики. В этой теории смутно угадывается идея расчленения смысла слов на такие элементы, как качества, фигуры, движение во времени.

Представление о том, как в операционных терминах будут описываться смыслы слов, дает статья сотрудника Миланской группы Р. Бельтрама¹¹ (являющаяся пока единственной работой в этом направлении). Примечательно, что при описании слов, называющих ситуацию действия (чему и посвящена его статья), Р. Бельтрам пользуется очень немногими операционными терминами, которые он применяет для определения всего лишь нескольких слов (надо сказать, что именно эти слова описаны в статье наиболее неясно) и для определения исходных действий. Исходными действиями признаны: «дифференцировать», «фигурировать», «категоризировать», «мыслить» (т. е. «составлять корреляции»). Более сложные разновидности действий определяются, например, так: «просматривать», «читать» — это значит наблюдение плюс мысль; «узнавать по опыту» — оперирование плюс субъект; «чувствовать» — дифференцирование плюс субъект; «обонять», «слышать» — дифференцирующее поведение. Некоторые другие определения представляют собой самое общее указание на ситуацию, в которой употребляется слово; например, «делать» — это действие плюс объект, «работать» включает, кроме действия, еще понятие результата, «указывать» — понятие направления. Исследуются также начальный и конечный моменты действия: от чего к чему действие переходит. «Чернить», «делать красным» — это переход от одного дифференциата к другому; «чеканить монеты» — переход от некоторой ситуации к фигуре; «умножать» и «разделять» — переход от одной умственной категории к другой

⁸ S. Ceccato, B. Zonta, указ. соч.

⁹ По мере обращения к более сложному материалу автору все труднее оставаться на уровне «вещей» и все чаще приходится оперировать не «вещами», а словами.

¹⁰ Смысл этой категории в том, что некоторая вещь противопоставляется в противопоставлении с другой. Здесь угадывается своеобразная попытка описать понятие «предмета» вообще.

¹¹ R. Beltrame, Illustration of the classifications for developmental situations, «Linguistic analysis and programming for mechanical translations».

(в некоторых случаях конкретизируется, от какой именно умственной категории к какой совершается переход: «откладывать» — от временной локализации к временной локализации, «идти» и «перемещаться» — от пространственной локализации к пространственной локализации, «возникать» — из ничего в нечто). Некоторые слова описаны с точки зрения того, каким образом происходит изменение: «стоять», «лежать» — путем удерживания, «сдвигать» — путем модификации, «разогревать» — путем трансформации, «устанавливать» — путем подстановки. Более детально описываются ситуации, в которых действие предполагает обязательный объект или результат.

Исследования по семантике, первые результаты которых изложены в статье Р. Бельтрама, только начинают разворачиваться, и для них характерно следующее: 1) выбираются наиболее важные с точки зрения операционного подхода слова (описано пока что очень небольшое их количество); 2) слова описаны в признаках классов, так что у каждого слова остается еще несводимая, индивидуальная часть; 3) общий принцип описания слов — это указание ситуации, которую оно называет, так что фактически всегда описывается смысл отрезка, большего, чем слово; 4) операционное учение не провело себя в данной работе как метод, позволяющий однозначно описывать слова.

Четвертой операцией С. Чеккато, о которой мы еще не упоминали и которая играет роль синтаксиса семантики, является операция коррелирования и я. Она означает установление временного порядка между отдельными содержаниями мысли. Отдельные содержания мысли могут коррелироваться, находясь как в отдельных словах, так и в пределах одного слова. В корреляцию входят две или три «вещи». Содержание операций коррелирования заключается в следующем: в некотором интервале времени появляется «вещь», в следующем интервале времени сохраняется первая «вещь» и появляется вторая, так что в этом интервале времени обе «вещи» сосуществуют. В третьем интервале времени сохраняется вторая вещь и появляется третья, так что вторая и третья «вещи» сосуществуют. Мысль, как говорит С. Чеккато, имеет полифонический характер, ее можно сравнить с контрапунктом, где голоса вступают один за другим, сливаясь в одно гармоническое целое. Как видно, вторая «вещь», коррелятор, является самой главной, она связывает первую и третью «вещи» (корреляты). Например, в случае «Мэри и Джон» коррелятором является «и». Коррелятор может не быть выражен эксплицитно (например, «Мэри идет»). Фигуративное представление корреляции таково:

и		•	
Мэри	Джон	Мэри	идет

Это закрытые корреляции, здесь заполнены все ячейки, связь между словами установлена. Для продолжения процесса мысли следует открыть следующую корреляцию и заполнить ее:

и		•	
Мэри	Джон	идут	

в		
•		
Мэри	идет	кино

Здесь, как видно, места коррелят заняты уже не отдельными «вещами», а целыми мыслями, готовыми корреляциями,

3. Описанные выше принципы лежат в основе модели машины, которая воспринимает и описывает¹². Модель переводящей машины построена на тех же основах. Перевести с одного языка на другой, т. е. «понять» сказанное на входном языке, — это значит создать корреляционную сеть, т. е. записать мысль, и, далее, расшифровать эту запись по правилам выходного языка. Для этой цели авторам казалось сначала достаточным обнаружить и описать семантические значения, т. е. отношения между мыслью и языком. В самом деле, если найден способ формальной записи смысла слов (групп слов) и все слова (группы слов) языка семантически описаны, то проблема перевода решена. Однако в процессе работы, пишет Чеккато, очень скоро обнаружилась невозможность решить проблему МП непосредственно; оказалось невозможным описать семантическую систему языка, т. е. его наивысший уровень, по крайней мере, в настоящее время без учета более низких уровней. Постепенно работа Миланской группы над МП вылилась в знакомые всем формы создания морфологического и синтаксического алгоритмов. Конечная цель — построение корреляционной сети, как оказалось, достигается в результате подробного анализа текста последовательно на всех уровнях языка. Для анализа простых фраз типа *Джон любит Мэри* оказалась достаточной морфологическая информация. Более сложные случаи требуют привлечения

¹² См.: S. C e c c a t o, L'osservazione nell'uomo e nella macchina, «Civiltà della macchina», X, 2, 1962.

более высоких уровней языка. Для тех пробных переводов, которые Миланская группа производит на машине, семантическая информация практически еще не используется¹³. Переводятся пока что простые фразы, для перевода которых подготовлен очень небольшой словарь, исходная грамматическая информация в четыре-пять граф. В дальнейшем же предполагается создать словарь, где каждому слову будет соответствовать около тридцати граф, половина из которых предполагает семантическую информацию.

4. Остановимся более подробно на проекте семантического МП, разрабатываемом Миланской группой. МП будет раздвигаться, как и обычно, на две части: на словарь и собственно программу, состоящую из нескольких отдельных списков команд. Словарь будет иметь вид матриц, которые будут заложены в машину со всей приписанной каждому слову информацией; в процессе работы машина выработает несколько типов рабочих матриц, информацию к которым припишет сама машина.

Словарная матрица будет состоять из тридцати колонок. Важно отметить, что в словаре будет существовать отдельная матрица для каждой графической фонемы слова (например, для *give* и *gives* будут иметься две матрицы, различающиеся лишь одной графой; поэтому, скажем, для русско-английского перевода словарь состоит из 50 000 матриц по числу словоформ, что соответствует примерно 2500 словам). Первая и последняя колонки матрицы будут заняты кодами входного и выходного (или выходных) слов.

¹³ См.: В. Zonta, An example of procedure, «Linguistic analysis and programming for mechanical translation»; S. Scattolo, La traduzione nell'uomo e nella macchina, «Civiltà delle macchine», IX, 5, 1961.

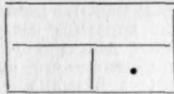
Вторая и третья колонки дают указание на возможность несовпадения в количестве входных и выходных слов. Наличие этих колонок уже позволит устранить некоторые виды двузначности в понимании текста. Например, если в графе «Расщепление» (Splitting) для итал. *colla* будет указано, что нужно обратиться к матрицам *con* и *la*, то тем самым будет устранена опасность перевода *colla* как англ. *past* («клей»). В трех колонках под общим названием «Сочетаемость» (Blending) будет указано на необходимость сочетать слово матрицы еще с другим словом для получения одного слова выходного языка. Например, для таких английских слов, как *has* и *more*, будет указано, во-первых, на необходимость сочетания, во-вторых, на то, с чем нужно сочетать (*has* с причастием, *more* с прилагательным — для получения соответственно прошедшего времени глагола и сравнительной степени), в-третьих, на место сочетаемого слова по отношению к слову матрицы.

В двух следующих графах указываются корреляционные возможности слова: номер корреляции, в которой оно может участвовать, и так называемая корреляционная функция. Предполагается, что все корреляции будут перечислены и пронумерованы в специальной таблице. Для русско-английского перевода составлена таблица на 100 корреляций, для итальянского языка — на 130 корреляций. Для четырех изучаемых языков (русский, английский, итальянский и китайский) предполагается выделить всего около 200 корреляций. При выделении корреляций учитывались лишь особенности корреляторов; корреляты еще не изучены индивидуально, они лишь распределены по классам. Перечень корреляций выглядит следующим образом (приводим фрагменты таблиц для итальянского и русского языков):

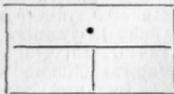
⁰⁴³ in	⁰⁴⁴ lungo «вдоль (берега)»				
	129		130		131
субъект	действие	действие	объект	артикле	...
²⁰ без	²¹ близ	²² благодаря	²³ в	²⁴ в	

Корреляционных функций шесть:

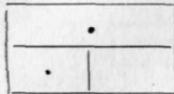

№ 1: известна лишь первая коррелята.

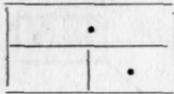
№ 2: известна лишь вторая коррелята.

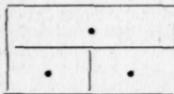
№ 3: слово матрицы является лишь коррелятором.

№ 4: известны коррелятор и первая коррелята.

№ 5: известны коррелятор и вторая коррелята.

№ 6: известны коррелятор и обе корреляты.

В матрицах слов корреляционная функция № 6 не используется, так как заполненная корреляция является результатом анализа, а не его исходным материалом. Наоборот, корреляционные функции №№ 1 и 2 автоматически приписываются каждому слову, так как они могут понадобиться для следующих корреляций.

Графы под наименованием «Приемлемость» (Acceptence) и «Согласование» отсылают к вспомогательным таблицам, содержащим условия приемлемости и допустимости коррелят. Это уже семантическая информация. В графах «Приемлемость» предполагается кодировать содержание коррелят в операционных терминах и правила порядка слов. В настоящее время уже проделана большая работа по описанию ситуаций¹⁴. Слова, могущие быть коррелятами, разбиты на классы (их 162) по 9 признакам: 1) конституирующие элементы (дифференциаты, фигуры, умственные категории, различные комбинации этих элементов); 2) зависимости; 3) пространство и его виды (например, замкнутое пространство, пространство, ограниченное извне, контакт, расстояние, произвольное движение, движение с направлением, удаление и т. д.); 4) время и его виды; 5) виды действий — действие мгновенное, повторяющееся и т. д.; 6) число — единственное, множественное; 7) рекомендации к предпочтению той или иной корреляционной функ-

ции; 8) характеристика с точки зрения основных корреляций; 9) характеристика с точки зрения участия в открытых или закрытых конструкциях.

Уже при наличии перечисленных выше граф многие случаи полисемии будут решены. Например, при переводе на английский многозначного итальянского предлога *a* можно будет выбрать правильный английский эквивалент, так как в графе «Приемлемость» для глагола *andare* будет указано, что это действие с переменной места и в корреляции с ним предлог *a* следует переводить английским *to*; для глагола *stare* будет указано, что это действие без изменения места, и *a* в *stare a Milano* следует переводить английским *at*.

Для решения более сложных случаев полисемии вводятся графы под названием «Полисемантическая». Материал для этих граф не разработан. Здесь предполагается учитывать употребление слова в буквальном, переносном и идиоматическом смысле, будут указаны такие семантические признаки, как классы имен собственных, классы наименований, времен года, суток, дней недели и т. п. Здесь будет дана более тонкая, чем в предыдущих графах, классификация грамматических классов по семантическим признакам; предполагается произвести расчленение «вещей» на людей, животных, растения, камни; разделение людей по профессиям, географической и экономической принадлежности, по политическому, социальному и экономическому положению; разделение животных на плавающих, летающих и др., далее — на травоядных, хищных, диких, домашних и т. д. Таким образом,

¹⁴ См. об этом: S. Ciccato, *Operational linguistics and translation; e r o ж e*, *Principles and classification of an operational grammar for mechanical translation*; R. В e i t z m a n n e, *участ. соч.*

предполагается заложить в машину довольно обширные знания. Например, итальянскую фразу *La carne mangia il lupo* машина поймет благодаря выделению одушевленных предметов и их деятельности и неодушевленных предметов и их деятельности. Для случая *La pecora mangia il lupo* используется более тонкое разграничение (одушевленные плотоядные и одушевленные травоядные, их деятельность и объекты их деятельности). Для

объект (38: есть — пища), действие — инструмент (41: варить — кастрюля), объект — инструмент действия (48: пища — кастрюля), объект — его обычное местонахождение (49: бутылка — стол), вещь — материал (54: стекло — бутылка); дополнительность инструментов (нож — столовая вилка), функция — орган (смотреть — глаза), то, что закрыто, — то, что открыто (шляпа — голова), украшаемое — то, что украшает

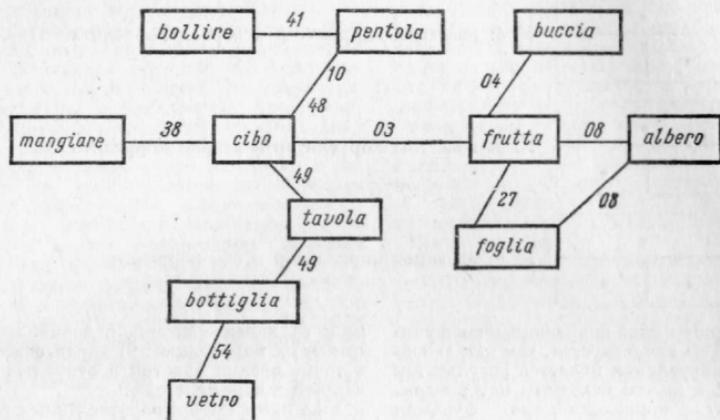

Рис. 1

случая *Il cucciolo mangia il lupo* требуется дальнейшая детализация ситуации (разделение плотоядных на диких и домашних) и т. д.

Случай, когда для правильного понимания текста требуется знание семантических связей слова с другими словами, будут решаться при помощи информации в графе «Сфера понятий» (Sfera nozionale). В графе «Сфера понятий» отражена сеть отношений между всеми словами словаря. Ее строение можно представить по фрагменту из иллюстративной таблицы, которую приводит С. Чеккато¹⁵ (см. рис. 1).

Такая сеть, как сообщает С. Чеккато, уже составлена для 500 понятий. Выделено около 100 отношений между понятиями. Эта работа лишь начата, пока что каждое слово связано с остальными не более чем пятью отношениями. Примеры отношений: элемент — множество, вид — род (в схеме — 03: пища — фрукты), часть — целое (04: фрукты — кожура), производитель — продукт (08: дерево — фрукты), содержимое — в чем содержится (10: пища — кастрюля), действие —

(голова — шляпа, шляпа — перо), смежность (лист — фрукт). На основании графы «Сфера понятий» машина будет делать некоторые выводы. Например, при переводе русск. *Я читаю книгу и знаю писателя* на английский язык машина сама избирает для слова *writer* артикль *the*, так как найдет в графе «Сфера понятий» соответствующее отношение между «книга» и «писателя» (продукт — производитель) и поймет, что «писатель» — это автор «книги», упомянутой в тексте прежде слова «писатель». Пока что совсем не разработаны графы под названием «Индивидуализация», где предполагается учитывать еще более тонкие семантические отношения.

Такова матрица слова входного языка. Программа составлена так, что для каждых двух слов, образующих корреляцию, создается контрольная матрица, в которой сопоставляются информации этих слов. Если они удовлетворяют требованиям программы, то готовая корреляция запоминается, остальные матрицы этих пар слов отбрасываются. Точно так же далее в качестве материала для контрольных матриц фигурируют уже информации не отдельных слов, а целых корреляций. Техника образования корреляций

¹⁵ S. Ciccato, *La traduzione nell'uomo e nella macchina*, стр. 59.

тщательно разработана¹⁶; инженерная сторона дела еще не решена, хотя примерные программы уже составлены¹⁷. Работу существующей программы лучше всего показать на примере, который приводят сами авторы¹⁸. Для предваритель-

ных опытов сознательно выбран неоднозначный, хотя и простой пример: *Un giglio ci sta bene*. Слова текста последовательно нумеруются: *Un(1), giglio(2), ci(3), sta(4), bene(5)*.

Извлекается из словаря матрица первого слова:

<i>Un</i>	
1. Номера корреляций	131/1
2. Падеж	—
3. Число	ед.
4. Лицо	—
5. Род	муж.
6. Наклонение	—
7. Время	—
8. Функция (значимый или вспомогательный глагол)	—

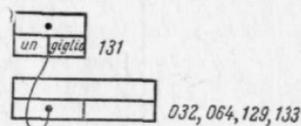

Рис. 2

Как видно, первое слово имеет лишь одну возможность участвовать в корреляции:

<i>Un</i>	№ 131

Далее извлекается из словаря карточка второго слова:

<i>giglio</i>		
Номера корреляций	032/1, 032/2	<i>l</i>
	129/1	субъект действие
	130/2	действие объект
	064/1, 064/2	<i>per</i>

¹⁶ E. M a r e t t i, Figurative representation of operational procedure, «Linguistic analysis and programming for mechanical translation».

¹⁷ E. M a r e t t i, Diagrams concer-

ning figurative representation of operational procedure, там же; E. A l b a n i, Correlational net and digital computers, там же.

¹⁸ См.: S. C e c c a t o, La traduzione nell'uomo e nella macchina.

giglio			
133/1	<table border="1"> <tr> <td>сущ.</td> <td>прилаг.</td> </tr> </table>	сущ.	прилаг.
сущ.	прилаг.		
131/2	<table border="1"> <tr> <td>артикль</td> <td>...</td> </tr> </table>	артикль	...
артикль	...		
Падеж	—		
Число	ед.		
Лицо	—		
Род	муж.		
Наклонение	—		
Время	—		
Функция	—		

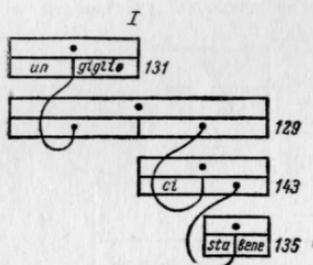

Рис. 3

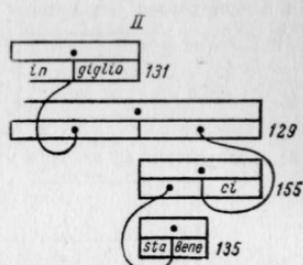

Рис. 4

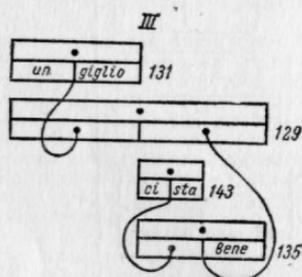

Рис. 5

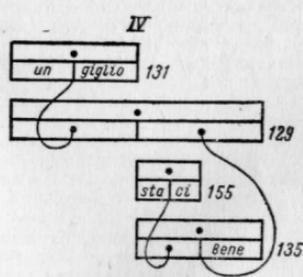

Рис. 6

Выписываются корреляционные возможности этого слова:

giglio	

№№ 032, 064, 129, 133,

	giglio

№№ 032, 064, 130, 131.

Имеется лишь одна возможность комбинации прямоугольников первого и второго слов:

Правилам «Приемлемость» и «Согласование» (для предварительного опыта перевода учитываются лишь правила порядка слов, интервала между словами и согласования) данная корреляция не противоречит. Затем открывается следующая корреляция, членом которой должна быть корреляция № 131. Ее корреляционные возможности корреляции —. Это, по-видимому, все выше упомянутые корреляции, кроме тех, где корреляция № 131 должна быть вторым коррелятом (так как *un* — первое слово фразы) (см. рис. 2).

Далее запоминаются все корреляции, оказавшиеся допустимыми, и извлекается из словаря карточка третьего слова. Его корреляции комбинируются последовательно со всеми предыдущими, допустимые корреляции опять запоминаются. В конечном счете безукоризненно работающие правила приводят к четырем комбинациям, далее не сводимым, что соответствует возможности понять данную фразу в четырех смыслах:

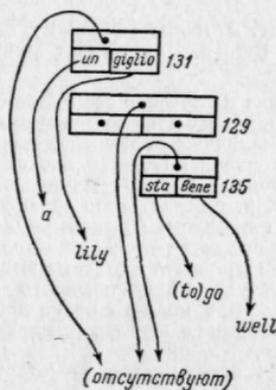

Рис. 7

- I. «(Среди роз и фиалок) и лилия здесь хороша» (см. рис. 3).
- II. «(Среди роз и фиалок) и лилия нам приятна» (см. рис. 4).
- III. «(Среди роз и фиалок) и лилия в месту» (см. рис. 5).
- IV. «(Среди роз и фиалок) и лилия для нас уместна» (см. рис. 6).

После составления корреляционных сетей перевод на другой язык уже не представляет трудностей; как правило, это почти пословный перевод. Специальные правила предусматривают некоторые модификации корреляционной сети применительно к особенностям выходного языка. Так, рассмотренная итальянская фраза будет переведена на английский, как показано на рис. 7.

Примечание. Корреляция, содержащая *ei*, не используется для перевода на английский язык.

Пользуясь правилами синтеза, легко оформить результаты перевода в английскую фразу: *A lily goes well.*

Таким образом, Миланский центр кибернетики и лингвистики поставил перед собой задачу построить семантическое описание языка. Проблема чрезвычайно трудна, и в настоящее время не только нет ясности, как это сделать, но и почти нет смельчаков, которые бы этим занимались. Уже поэтому работа Миланской группы заслуживает самого большого уважения.

В. А. Матвеевко

РЕЦЕНЗИИ

М. К. Jensen. *Tonemicity*. — Bergen — Oslo, 1961. 197 стр. («Årbok for universitetet i Bergen. Humanistisk serie», 1).

Описание и изучение особенностей слоговой интонации, или словесной тональности, в различных норвежских диалектах началось еще в XIX в. и продолжается и в настоящее время¹. Начиная с 30-х годов XX в. исследователи обращают все большее внимание на выяснение фонологической сущности норвежской слоговой интонации и в связи с этим на выяснение причин и условий постепенного элиминирования или полного отсутствия слоговой интонации в отдельных норвежских диалектах.

С точки зрения наличия (отсутствия) фонологически релевантной слоговой интонации территорию Норвегии можно разделить на три зоны: 1) большая часть южной, восточной и западной Норвегии, где наблюдается фонологически релевантная слоговая интонация — контраст акцента 1 и акцента 2 в пределах словоформы; 2) крайний север Норвегии (Финмаркен, Тромсе) с отсутствием или синкретизмом слоговой интонации; 3) переходная зона, особенно район вокруг Бергена, где фонологическая релевантность слоговой интонации наличествует, но в ослабленном виде, с постепенным затуханием и явными признаками синкретизма или нейтрализации фонологической релевантности слоговой интонации.

Основной задачей книги М. К. Енсена является исчерпывающее описание слоговой интонации переходной зоны (район Бергена). Естественно, что прежде всего возникает вопрос о тех методах, которые автором положены в основу его исследования. Критически рассматривая многочисленные экспериментально-фонетические и фонологические описания слоговой интонации в скандинавских языках, особенно в норвежских диалектах (в частности, высоко оценивая замечательные исследования Е. Майера² и Э. Сель-

мера³), Енсен исходит из того, что наиболее эффективным приемом описания синкретизма слоговой интонации является оппозиция двух дублетных словоформ, различающихся лишь тональной характеристикой и тождественных во всех прочих отношениях (ср. норв. *svaret* [svá:rə] «ответ» с акцентом 1 и *svære* [svà:rə] «отвечать» с акцентом 2). Если в шведском языке количество подобных дублетных форм, различающихся лишь тональной характеристикой, невелико⁴, то, как установил Енсен в другой работе⁵, в одной из разновидностей норвежского литературного языка — в букмоле — можно обнаружить примерно 1700 двусложных дублетных словоформ.

В рецензируемой книге эксперимент производился следующим образом: было отобрано около 700 испытуемых различного возраста и различных профессий, проживающих в районе Бергена на протяжении ряда лет, которые были должны произнести 6 предложений, записывавшихся на ленту. Предложения предварительно разучивались испытуемыми и содержали ключевые для эксперимента дублетные словоформы в конце предложения. Такowymi были следующие: 1) *Han høyrde skotet* «он услышал выстрел»; 2) *Dei hadde skote* «они стреляли»; 3) *Eg ser da talet* «я вижу это число»; 4) *Han heldt ein tale* «он произнес речь»; 5) *Da goda betet* «хорошая кромка»; 6) *Ein liten bete* «маленький кусочек».

Дублетные словоформы были выбраны так, чтобы они по возможности не содержали никакой эмоциональной окраски, т. е. были стилистически нейтральными. Наговаривая на ленту данные 6 предло-

³ Список основных работ Э. Сельмера см.: М. К. Jensen, указ соч., стр. 180 (примеч. 1).

⁴ Иную точку зрения см. в работе: К. Hadding-Koch, Notes on the Swedish word tones, «Proceedings of the IV international Congress of phonetic sciences», The Hague, 1962, стр. 630.

⁵ М. К. Jensen, Bokmålets tonelagspar («Vipperen»), «Universitetet i Bergen årbok, historisk-antikvarisk rekke», 2, 1958.

¹ Краткий обзор истории вопроса см. в работе: «Сравнительная грамматика германских языков», II, М., 1962, стр. 180—188.

² E. A. Meyer, Die Intonation im Schwedischen, I — Die Sveamundarten, Stockholm, 1937, II — Die norrländischen Mundarten, Stockholm, 1954.

жений, испытуемый должен был сделать небольшую паузу перед ключевой дублетной словоформой, что давало в дальнейшем возможность изолировать или соединять отрезки ленты. Испытуемый выбирал по жребию и произносил одно из 6 предложений. Затем с помощью проигрывателя ему предлагался отрезок ленты с записанным предложением и он должен был ответить на вопрос: употребляется ли в данной дублетной словоформе акцент 1 (акут) или акцент 2 (гравис). Случайный выбор одного из предложений необходим для того, чтобы испытуемый не мог заранее решить, о каком именно акценте идет речь. В том случае, если в подлежащем анализу диалекте нельзя было реализовать указанных 6 стандартных предложений в силу того, что: 1) отсутствовала соответствующая лексическая пара или 2) фономорфологические факторы приводили к распаду дублетных словоформ, давалась на выбор одна из 13 пар заранее приготовленных предложений. В результате каждый из 700 испытуемых давал примерно 200 записей дублетных словоформ, что в общей сложности дало в конце эксперимента примерно 140 000 тестов.

Этот огромный материал обрабатывался статистически следующим образом: предварительно можно было исходить из того, что носители диалектов с наличием фонологически релевантной слоговой интонации давали 100% правильных ответов; носители диалектов с отсутствием фонологически релевантной слоговой интонации давали 50% правильных ответов. Далее Енсен предлагает установить следующие пороги при статистических подсчетах: а) в том случае, если испытуемые дают более 85% правильных ответов, они рассматриваются как носители диалекта с наличием фонологически релевантной слоговой интонации; б) в том случае, если испытуемые дают менее 65% правильных ответов, они рассматриваются как носители диалекта с отсутствием фонологически релевантной слоговой интонации.

Промежуточная ступень между порогам 85 и 65 рассматривается Енсеном как диалект с фонологической полурелевантностью слоговой интонации (semi-relevance; стр. 159—174). Статистические подсчеты обобщены в многочисленных таблицах (стр. 107—129, 175—176) и диаграммах (стр. 93, 152, 154, 156—157, 173). В конце книги приводятся 5 карт. Такова методика фонологического описания, предлагаемая Енсеном, и таковы результаты, к которым приходит автор в своем исследовании. Следует указать на безусловно точное проведение громоздкого эксперимента.

Методика исследования Енсена не может не вызвать живого отклика и интереса, глубокого сочувствия, но одновременно и известных возражений со стороны многих исследователей в области экспери-

ментальной фонетики и фонологии. Возникает прежде всего вопрос о том, в какой степени удовлетворяет всем требованиям и является достаточным анализ просодических особенностей норвежского языка во всех его разновидностях на основе сознательного вычленения лишь одной из просодических характеристик — тональности и выяснения ее сущности и функциональной нагрузки с помощью приема коммутации.

Если воспользоваться, исходя из принципа изоморфизма языковых единиц разных уровней, понятием дифференциального признака и перенести его на уровень просодем, то тогда можно полагать, что просодема складывается из трех дифференциальных признаков: тональной, акцентной и количественной характеристик. Не подлежит сомнению, что в зависимости от поставленной задачи исследователь может остановиться на одном из дифференциальных признаков просодем и пренебречь другими признаками. Но достаточно ли принципа фонологической релевантности слоговой интонации для вычленения диалектов с колеблющейся (или неполной) релевантностью, как, например, диалектов в районе Бергена? Дело в том, что в работах ряда скандинавских фонетистов, особенно в исследованиях последних трех десятилетий, ставится под сомнение положение о том, что в соответствующих дублетных словоформах фонологически релевантной является лишь тональная характеристика (или слоговая интонация), а акцентная и количественная характеристика или вообще не играют никакой роли с фонологической точки зрения, или являются лишь сопутствующим моментом⁶. Не исключена возможность, что тональная характеристика лишь дорисовывает контур просодемы, не являясь в то же время ее единственным релевантным признаком в системе оппозиций дублетных словоформ.

Остается выяснить, какой степенью релевантности обладают, наряду с тональной характеристикой, количественная и акцентная характеристика не только при конституировании, но и при функционировании и, следовательно, при оппозиции просодем. Ведущий норвежский фонетист Э. Сельмер в рецензии на книгу Енсена, указывая также на соотношение тональной характеристики и количества (особенно в корневых слогах, содержащих долгий гласный), критически относится к возможности соотношения тональной

⁶ Наиболее последовательно данная точка зрения опровергается в работах У. Ердмана; см.: O. G j e r d m a n, *Svenskt uttal*, Uppsala, 1933; ег о ж е, *Accent 1 och accent 2, akut och gravis*, «Nysvenska studier», 32; см. также: C. W i t t i n g, *Physical and functional aspects of speech sounds*, «Uppsala Universitets årsskrift», 7, 1957.

характеристики и сильного и слабого отступа гласных⁷. Можно привести еще один аргумент в защиту изложенной точки зрения, согласно которой тональная характеристика лишь дорисовывает контур просодемы. Большой интерес в этой связи представляют скандинавские языки на колонизованной территории: шведский в Финляндии, норвежский на крайнем севере Норвегии (первоначальная область распространения саамского языка), а также исландский и фарерский языки соответственно на Фарерских островах и в Исландии. Во всех указанных ареалах распространения скандинавских языков тональная характеристика отсутствует, что в то же время не является препятствием для идентификации или для различения соответствующих дублетных форм, ср. в шведском различие двух словоформ по тональной характеристике: *ånden* «утка», *ånden* «дух» и снятие тонального контраста в этих словоформах в шведском языке в Финляндии при сохранении контрастного противопоставления двух лексических единиц. Снятие тональной характеристики не ведет в данном случае к нарушению функционирования языка, в то время как изменение акцентной схемы влечет за собой одновременно изменение плана выражения и плана содержания: ср. в шведском *tråsat* (сущин от глагола *trasa sig* «разорваться, разбиться, превратиться в лохмотья»): *trassåt* «трассат». Следовательно, нельзя не прийти к выводу, что синкретизм или нейтрализация тональной характеристики, зарегистрированные в указанных ареалах распространения скандинавских языков, ведут лишь к изменению плана выражения и не затрагивают плана содержания, в то время как перестановка членов акцентной схемы влечет за собой изменение одновременно в плане выражения и в плане содержания.

Не приходится указывать на то, что вышеизложенные соображения носят предварительный характер и нуждаются в многократной проверке. Вопрос о сущности тональных различий в скандинавских языках и их фонологической интерпретации остается открытым вплоть до настоящего времени. Следует отметить, что Б. Мальмберг приводит в своей последней книге любопытный и instructивный материал целого ряда экспериментальных исследований слоговой интонации в шведском языке⁸. Рассматривая

изолированно все конститутивные элементы словесной интонации: тональность, количество, акцентный вес и ставя вопрос о том, что из этих трех факторов является фонологически релевантным, Б. Мальмберг приходит к выводу о том, что тональные различия являются фонологически релевантными, в то время как акцентные различия, которые обычно лишь сопутствуют интонационной или тональной модели, являются избыточными в собственном смысле этого термина⁹. Б. Мальмберг полагает также, что фонологическая релевантность тональных различий зависит от наличия тональной или интонационной вершины, которая локализуется где-то в гласном ударного слога.

В уже упоминавшейся рецензии на книгу Енсена Э. Сельмер, отдавая должное выдающемуся исследованию Енсена, указывает на то, что испытанные в фонетике экспериментально-фонетические исследования шведской и норвежской слоговой интонации и ее отображение в виде интонационных кривых (в частности, записи шведской слоговой интонации с помощью сонографа, производившихся Э. Майером) являются, возможно, более эффективными, чем фонологический анализ норвежской тональной характеристики, основанный на приеме коммутации, выдвигаемом Енсеном¹⁰. Следует полагать, что Енсен, автор целого ряда выдающихся небольших исследований именно в области экспериментальной фонетики, не случайно остановил свой выбор на приеме коммутации, заострив внимание на фонологической сущности тональной характеристики в норвежском языке. Следует признать также, что Енсен вполне достиг своей цели, выдвигая на первый план новые приемы лингвистического описания, указывая на то, что «с точки зрения (состояния.— Э. М.) науки развитие методики исследования может оказаться более полезным, чем ее применение» (стр. 5, предисловие).

В данном случае применение сонографа и отображение результатов исследования в виде интонационных кривых вряд ли оказались бы действительными для столь большого круга испытуемых. Но одно замечание в рецензии Э. Сельмера заслуживает самого пристального внимания. Остававшаяся на явлении синкретизма

Göttingen — Heidelberg, 1963, стр. 102—110.

⁹ Там же, стр. 110.

¹⁰ E. Selmer, указ. соч., стр. 133—134. Круг проблем, связанных с методикой описания и регистрации тональных различий в норвежском языке, очерчивается Э. Сельмером в работе: E. Selmer, Tonelagsproblemer, «Maal og minne», 1—4, 1954, стр. 180—188; см. также; E. Haugen, Tvetoppet vokal i Oppdalsmålet, там же, стр. 66—67.

⁷ E. Selmer, [рец. на кн.:] M. K. Jensen, Tonemicity, «Phonetica», IX, 2—3, 1963, стр. 135. Интересные соображения о соотношении тональной характеристики и количества см. в статье: S. H. V o r g s t r ø m, De prosodiske elementer i norsk, сб. «Festskrift til professor Olaf Broch», Oslo, 1947.

⁸ B. M a l m b e r g, Structural linguistics and human communication, Berlin —

слоговой интонации, наблюдаем, как уже указывалось выше, на крайнем севере Норвегии, а также в районе Бергена, Э. Сельмер¹¹ указывает на то, что в тональном отношении норвежские диалекты распадаются на две группы: наречия с низким тоном и наречия с высоким тоном. Для первой группы характерна интонационная кривая с повышением, для второй — с понижением. В наречиях, где наблюдается тональный синкретизм, полагает Э. Сельмер, кривые сближаются, образуя высокий интонационный уровень между двумя фазами; тем самым, тональный синкретизм может возникнуть лишь в наречиях с высоким тоном. И действительно, наречия крайнего севера Норвегии характеризуются наличием высокого тона и тонального синкретизма. В заклю-

чение следует еще раз подчеркнуть, что книга Енсена является выдающимся событием в области скандинавистики, общей фонетики и теории языка. Огромный материал, собранный Енсеном, может стать предметом дальнейших размышлений, новых экспериментов и новых синтезов. Безукоризненная методика исследования и образцовое изложение результатов исследования в виде диаграмм, таблиц и карт — все это является внушительным свидетельством того, что просодический уровень вскоре станет предметом столь же точного описания, как и уровень дифференциальных признаков и уровень фонем. В этом — несомненная заслуга Енсена, большого мастера экспериментально-фонетического и фонологического описания языка.

¹¹ E. Selmer, указ. рец., стр. 134.

Э. А. Макасс

«Psycholinguistics. A book of readings», ed. by S. Saporta. — New York, 1961. XV + 551 стр.

Рецензируемая книга представляет собою сборник статей лингвистов, логиков и психологов. Эти статьи посвящены вопросам, лежащим на стыке психологии, языкознания и логики и имеющим собирательное название — психолингвистика. Составитель сборника С. Сапорта не дает определения этого почти не известного в советской науке термина. Мы займемся поэтому определением, данное О. С. Ахмановой: «Психолингвистика выделяет исследование тех процессов, при помощи которых интенции (намерения) говорящих преобразуются в сигналы данного кода, и тех, при помощи которых сигналы данного кода подвергаются обратному преобразованию при интерпретации их слушающими»¹.

Статьи, включенные в сборник, сгруппированы следующим образом: 1) природа и функция языка; 2) подходы к изучению языка; 3) восприятие речи; 4) линейный характер речи (sequential organization of linguistic events); 5) семантические аспекты лингвистических событий; 6) овладение языком, двуязычие и изменение языка; 7) патология языкового поведения; 8) лингвистическая относительность и связь языка с восприятием и познанием.

Первый раздел сборника, представляющий, по существу, краткое лингвистическое введение, предпосылаемое собствен-

но психолингвистической проблематике сборника, включает в себя статьи Дж. Лотца и Ф. Хаузохлера. Статья Дж. Лотца затрагивает почти все основные проблемы, обычно предлагаемые в курсах языкознания. Излагая основы структурализма, Лотц высказывается за распространение структурных методов на интердисциплинарные исследования, в частности на психолингвистику и этнолингвистику (стр. 7).

В статье Ф. Хаузохлера сосредоточивается внимание на проблеме исходных понятий и методов лингвистики. В начале статьи автор подробно останавливается на понятиях «грамматики» (grammar) и «грамматической правильности» (grammaticalness). По кардинальному вопросу: как понимать «грамматическую правильность», — Хаузохлер говорит, что понятие «грамматической правильности» можно рассматривать в фонологии, морфологии и синтаксисе, но не в семантике, так как понятие осмысленности определяется в лингвистическими факторами и ни в коей мере не разъясняет понятия «грамматической правильности» (стр. 16). При таком широком понимании грамматики представляется непоследовательным не включение в нее Хаузохлером большинства интонационных различий (стр. 17), тем более, что последние работы в этой области свидетельствуют о принципиальной важности рассмотрения просодия (надсегментных функциональных элемен-

¹ О. С. Ахманова, О психолингвистике, М., 1957, стр. 9.

тов) на всех уровнях языковой структуры².

Со второго раздела книги начинается рассмотрение вопросов психолингвистической методологии и методики. Анализ статей этого раздела позволяет выделить следующие три способа исследования: 1) гипотетико-дедуктивный (Блумфилд — Хомский); 2) теоретико-информационный (Хоккет); 3) бихевиористско-психологический (Скиннер — Краснер).

Сущность гипотетико-дедуктивного метода заключается в идеализации предмета исследования, в частности в предположении, что «грамматическая правильность» интуитивно ясна носителям языка, благодаря чему при формальных построениях якобы имеется эффективный критерий определения «грамматической правильности» всякого конкретного высказывания. Понятие «грамматической правильности» не выводится в формальной системе, а задается извне. Такая постановка вопроса оправдывает себя в структурной лингвистике, занимающейся, по С. К. Шаумяну, построением формальных моделей языка и обследующей не только реально существующие, но и все потенциально возможные языковые системы. Однако с точки зрения психолингвистики отрыв понятия «грамматической правильности» от понятия осмысленности представляется неоправданным.

В свете этих соображений представляется не совсем правильным тот анализ понятия «грамматической правильности», который дал Н. Хомский. При искусственном создании фраз типа *Colorless green ideas sleep furiously* нарушается «презумпция осмысленности», и фразы такого рода тем самым выносятся на грань психической ненормальности. Если же множество фраз английского языка расширить путем допущения в него фраз психически ненормальных людей, то бессмысленные фразы первого типа, по Хомскому, вовсе не будут статистически невозможными, а, наоборот, будут встречаться с устойчивыми вероятностями.

Следовательно, психолингвистически проблема «грамматической правильности» неотделима от проблемы осмысленности и, более того, подчинена ей. Искусственный прием сознательной идеализации предмета исследования нельзя распространять на всю действительность речевого общения. Гипотетико-дедуктивный метод не является универсальным.

В психолингвистике поэтому широкое применение находит теория информации, возможности которой в рецензируемой книге освещаются в рецензии Ч. Хоккета.

Первоначально психолингвистика возникла именно из аналогии между любой технической системой связи и человеческим общением при помощи языка (код) и речи (сообщение). Однако, по оценке Е. В. Падучевой, в рецензии Хоккета отразились «спреувеличенные представления о широких перспективах, которые открывает эта теория (теория информации. — *Aem.*) для языковедения»³.

Статья Б. Скиннера иллюстрирует возможности бихевиористско-психологического подхода к изучению языка. Основное внимание автор уделяет критическому разбору «менталистских» концепций языковой деятельности. Позитивный аспект излагается очень общо и, в основном, сводится к ряду рекомендаций, которые поставили бы исследование на «антименталистскую», т. е., по мнению автора, научную основу. Перочность «ментализма» автор видит в следующем: 1) идеи не поддаются непосредственному наблюдению, а это порождает произвол в семантических исследованиях; 2) отождествление идей с представлениями верно лишь частично, так как большинство идей (понятий, значений и пр.), невозможно связать с каким-либо отдельным представлением. Эта критика в известной степени заслуживает поддержки, так как семантические термины действительно очень расплывчаты.

В отличие от общетеоретических рассуждений Скиннера, Л. Краснер в своей статье разъясняет возможности бихевиористско-психологического метода на конкретных примерах. Однако его статья доказывает не преимущество этого метода сравнительно с классическим «ментализмом» Огдена — Ричардса, а, скорее, несостоятельность его. Все разбираемые Краснером работы (31 работа, преимущественно за период между 1951—1957 гг.) были посвящены выяснению того, какова сравнительная эффективность различных подкрепляющих стимулов, выражающих одобрение или неодобрение, для закрепления или устранения у испытуемого того или иного элемента «словесного поведения». Результаты этих исследований, проведенных по одним и тем же вопросам, оказываются совершенно различными. Это свидетельствует, по-видимому, о присутствии в экспериментах большого числа неучтенных переменных величин (например, темперамент и состояние как испытуемого, так и испытателя), что очень затрудняет интерпретацию полученных данных.

Третий раздел рецензируемой книги, освещающая современное состояние фонетики,

² См., например: R. P. Stockwell, The place of intonation in a generative grammar of English, «Language», XXXVI, 3, 1960; H. Sells, On the syntactic role of word order and of prosodic features, «Words», XVIII, 1—2, 1962.

³ Е. В. Падучева, Возможности изучения языка методами теории информации, «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текстов», 5, М., 1961.

содержит богатые экспериментальными данными отчеты лабораторий Хаскинс (Нью-Йорк) по анализу, синтезу и восприятию синтезированных звуков речи. В статье О'Коннора содержится обзор фонетических исследований (за период 1952—1956 гг.). В первой части статьи рассматриваются работы на сегментном уровне, во второй — на просодическом. Исследуя закономерности восприятия синтезированных звуков речи, сотрудники лабораторий Хаскинс установили зависимость восприятия согласных от свойств последующих или предшествующих гласных, а также от характера перехода между формантами. О'Коннор дает высокую оценку работам по анализу ошибок при восприятии речи. Так, Миллер, изучая ошибки при восприятии 9 гласных /i, ɪ, e, æ, ʌ, v, ɔ, v, u/, установил существенность различительного признака «долгота» (кроме формант F_1, F_2).

Во второй части обзора рассматриваются прежде всего свойства слогов и сочетаний согласных, особенно в связи с исследованиями, проведенными С. Сапортой: его эксперименты с сочетаниями согласных подтверждают принцип экономии при переходе от одной фонемы к другой⁴. Далее разбираются работы М. Бергера, А. Джимсона, Д. Болинджера, В. Яссема по ударению. Все еще остается окончательно невыясненным как соотношение физических параметров с ударением, так и соотношение самого ударения с другими надсегментными единицами.

О'Коннор особо останавливается на работе В. Тводдела, в которой последний на основе модели Стетсона выдвигает гипотезу о «тех артикуляционных процессах, которые порождают явления, ассоциируемые с каждой из надсегментных фонем» (стр. 108). О'Коннор считает, что привлечение Тводделом внимания лингвистов к вопросу артикуляционной интерпретации единиц просодического уровня сыграет большую роль в дальнейшем развитии фонетики.

Вопросы интонации за обзорный период разрабатывались Ч. Хоккетом, У. Ли, В. Яссемом и М. Шубигер, исходившими либо из понятия контура, либо из понятия мелодики (tune)⁵. Ввиду неразработанности вопроса о грамматической функции интонации чрезвычайно важной представляется работа Ли, где именно этой функции уделяется особое внимание.

В статье Е. Фишер-Йоргенсен описываются новые методы акустической фонетики и новые приборы для фонетиче-

ских экспериментов, созданные во время и после второй мировой войны. Статья делится на введение, описание аппаратуры и обсуждение проблематики акустических исследований. Касаясь вопроса о взаимодействии трех аспектов звуков речи: акустического, артикуляционного и слухового, автор констатирует их несовпадение: «мнения по вопросу о том, какой аспект нужно предпочесть для классификации фонетических явлений, расходятся» (стр. 134)⁶.

Р. Якобсон, Г. Фант и М. Халле берут за основу акустический аспект, А. Либерман — артикуляционный. По мнению Е. Фишер-Йоргенсен, против каждой из этих концепций можно привести серьезные возражения. Проблема сегментации речевого потока, например, значительно сложнее на артикуляционном, нежели на акустическом уровне, зато классификация фонем по артикуляционным признакам проще и четче классификация по акустическим признакам.

В статье Либермана описываются результаты опытов по выявлению лингвистически релевантных акустических признаков (acoustic cues). В ходе этой работы Либерман убедился, что артикуляционная классификация фонем оказалась более простой и прозрачной по сравнению с акустической. Этот вывод является важным и для работ Дж. Миллера и П. Найсли. Например, их слуховые эксперименты показывают, что при смешении согласных основную роль играет признак, который в классической артикуляционной фонетике издавна называется местом артикуляции звука.

Четвертый раздел состоит из работ, посвященных изучению линейного характера речи (психолингвистике последовательностей). Одной из проблем, привлекающей здесь в последнее время внимание психологов, является проблема зависимости количества материала, воспроизводимого испытуемым, от правил образования последовательности. При постановке экспериментов, посвященных изучению этой зависимости, большое значение приобретают модели простейших грамматик с конечным числом состояний (finite state grammars), подобные тем, которые разбираются в статье Хомского в начале раздела.

Как показал целый ряд исследований⁷ по воспроизведению случайных и избиточных последовательностей (букв, сло-

⁶ Этот вопрос получил детальное освещение в работе Л. Лискера, С. Купера и А. Либермана «The uses of experiment in language description» («Word», XII, 1—2, 1962).

⁷ Соответствующую библиографию см. в статье: J. A. Hogan, Copying redundant messages, «Journal of educational psychology», LXII, 2, 1961.

⁴ О принципе экономного перехода см.: О. С. А х м а н о в а, указ. соч., стр. 52.

⁵ О понятии мелодики и контура у разных авторов см.: K. Magdics, Research on intonation during the past ten years, «Acta linguistica Hung.», XIII, 1—2, 1963.

гов, слов), избыточные последовательно-сти, т. е. образованные по правилу, воспроизводятся гораздо легче, чем случайные. Однако соотношение между характером избыточности и количеством воспроизводимого материала не было определено. В этом свете представляется интересной работа Дж. Миллера и Дж. Селфриджа, где анализируется способность человека воспроизводить тексты с различной степенью контекстной зависимости⁸ и делается вывод о прямой функциональной зависимости числа воспроизводимых слов от степени контекстной зависимости.

В статье Д. Хауса и Ч. Осгуда излагаются результаты проведенных авторами экспериментов по ассоциативной вероятности слов⁹. Аналогичные работы проводились у нас А. Р. Лурия, А. А. Брудным и др. Нам представляется, что простота постановки подобных экспериментов позволяет повторить их в условиях любого вуза. Их ценность для семасиологии не вызывает сомнений.

В пятом разделе анализируется одна из ключевых проблем лингвистики — проблема значения слова и целого высказывания. Кроме статей Б. Skinner, Л. Блумфилда и Н. Хомского, здесь также помещены работы Р. Уэлса, Ч. Осгуда и И. Пула. В этих статьях дается всесторонний анализ проблемы значения и с предельной ясностью доказывается необходимость лингвистики как отдельной науки. Значение изолированного слова, смысл предложения и целого высказывания (абзаца, статьи, публицистического или художественного произведения) не могут быть изучены микролингвистическими методами, но требуют привлечения данных логики (философии в той ее части, в которой трактуются гносеологические аспекты семантики), психологии (нормальной и патологической, индивидуальной и социальной, детской и взрослой и т. д.) и собственно лингвистики во всем богатстве ее методов семасиологических исследований, а не только узко структурных¹⁰. Мы распо-

ложим статьи этого раздела в порядке последовательного уменьшения гипотетически предлагаемой нами единицы мысливой информации (unit of meaning).

В статье Пула, которая в научном отношении привлекает именно поиском единицы смысловой информации, являющейся в некотором роде максимальной семантической единицей, проводится обзор работ по статистическому анализу общественно-политической литературы. Оценка характера и направленности анализируемого произведения путем сопоставления его статистических характеристик с аналогичными характеристиками другого (нейтрального или антагонистического) произведения, без сомнения, ни в коем случае не дает полной картины смысловой нюансировки произведения. Смысловый анализ произведений, называемый образно «социальным психоанализом», требует сочетания нескольких методов и четких приемов интерпретации получаемых этими методами данных.

Следует оговориться, что статья Пула в силу своей специфики иногда содержит выдернутые из контекста подчеты случайных сочетаний слов, интерпретация которых имеет определенный идеологический адрес, а именно: бросает тень на советскую печать, радио и публицистику. Все это значительно снижает научный уровень статьи. Однако с точки зрения лингвистической такие работы могут быть интересны в плане выявления стандартных категорий эмоциональной оценки, применяемых в отношении людей и групп в обществе.

Б. Skinner и Л. Блумфилд, связывая семантику с бихевиоризмом, начинают с предложения как единой реакции организма на внешнее раздражение и переходят к более мелким единицам: словосочетаниям, словам и морфемам, считая их не только лингвистически, но и психологически отождествимыми с отдельными раздражителями и поэтому выделяемыми.

Скиннер совершенно недумственно распространяет понятие «значения» (meaning) и на предложение, так как в составе предложения на сумму значений слов предложение наслаивается дополнительное значение утверждения, истинности, сомнения и т. п. (стр. 229), связываемое только с целым предложением.

Переходя к более мелким семантическим единицам, таким, как слово и морфема, Скиннер и Блумфилд несколько расходятся во взглядах. Если Блумфилд отказывается определять значение и прибегает к методу постулирования, то Скиннер утверждает возможность бихевиористского определения. Даже морфему Скиннер без труда определяет в би-

⁸ Контекстная зависимость определяется как зависимость появления каждого n -го слова от $n-1$ предшествующих слов.

⁹ Вероятность того, что по ассоциации со словом-стимулом, произнесенным одним человеком, другой человек произнесет некоторое слово, определяется авторами как ассоциативная вероятность слова.

¹⁰ Комплексный характер семантических проблем, вообще говоря, общепризнан и не является предметом дискуссии (ср. «Проблема значения в лингвистике и логике», М., 1963). Дискуссионным является вопрос наилучшего сочетания методов разных наук в решении этой комплексной проблемы. Необходимость смыслового анализа текста возникает также

в работах прикладного характера, например при создании автоматизированных информационно-поисковых систем.

хевиористских терминах как «минимальную единицу реакции, соотносимую с отдельным элементом стимула» (стр. 232).

Статьи У. Куайна, Н. Хомского и Р. Уэллса объединяет стремление к формализации лингвистической семантики, стремление увязать проблемы семасиологии с проблемами логической семантики и философии «логического анализа». Куайн проводит мысль о том, что представление о «формальности» грамматики и «неформальности» лексикологии неверно. Сравнивая грамматические и лексикографические процедуры, автор указывает на их параллелизм. «Лексикографическое построение класса синонимичных пар столь же формально по сути, как и построение класса значащих последовательностей» (стр. 258). Однако исходные понятия формально не определены, они предполагаются заранее данными (prior notions). Таким образом, «при постановке своих проблем и грамматики и лексикограф в одинаковой мере пользуются традиционным представлением о значении» (там же).

Хомский подробно обосновывает независимость грамматики от семантики. Он рассматривает и опровергает шесть наиболее обычных утверждений в пользу зависимости грамматики от семантики.

Р. Уэллс рассматривает труды ряда философов с точки зрения того вклада, который они внесли в семантику. Большую ценность для языкознания, по мнению автора, представляют некоторые идеи Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Концепцию Витгенштейна можно суммировать под девизом: «Не ищи смысл, смотри на употребление». Взгляды Витгенштейна легли в основу так называемой «лингвистической философии», для которой вершиной человеческой мудрости является большой Оксфордский словарь английского языка. Э. Геллнер обвиняет эту философию в «беспольной тривиальности»¹¹. Как философия это учение бесплодно. Как вклад в семасиологию оно не оригинально. Р. Уэллс подвергает анализу значения нескольких прилагательных, но в этом анализе нет ничего от Витгенштейна. Все в нем — от здравого лингвистического смысла.

Шестой раздел сборника посвящен проблемам детской речи, двуязычия и изменения языка. Статья Дж. Керрола представляет собой критический обзор исследований детского языка. Керрол отмечает, что наблюдения над детьми он проводил в естественных условиях, а для исчерпывающей проверки теоретических предположений необходим эксперимент. Важно также сотрудничество лингвистов, психологов и работников образования.

Работа Ж. Берко представляет собой описание эксперимента, проведенного с детьми дошкольного возраста и первоклассниками для выяснения их уровня знаний в области английской морфологии. Детям 4—7 лет давались выдуманные слова и предлагалось поставить их в нужное время, числе или падеже. Было установлено, что дети этого возраста оперируют явно выделенными морфологическими правилами. Эксперимент со сложными словами показал, что дети этого возраста не осознают или неправильно осознают компоненты сложного слова.

Исследования У. Вайнрайха, У. Ламберта, Дж. Хавелки и У. Кросби посвящены проблеме языковых контактов и билингвизма. Их интересует прежде всего явление интерференции, т. е. отклонения от норм одного языка в речи двуязычного индивида, вызываемые знанием другого языка. Интересны замечания Вайнрайха о критериях образования гибридных языков. Эти критерии не только лингвистические, но и социолингвистические: только тогда можно считать, что возник новый язык, когда говорящие осознали его как особый язык и употребляют его в различных формах общения.

Е. Хауген в своей работе обобщает литературу по различным проблемам билингвизма, сопровождая свое исследование критическими замечаниями и предложениями. Интересным является раздел о соотношении билингвизма и умственных способностей ребенка. Путем различного рода тестов буржуазные ученые в США «доказывали» умственную отсталость детей, принадлежавших к различным иммигрантским группам. Хауген справедливо отмечает, что при этом игнорировались невыгодные социальные условия, в которые были поставлены эти дети.

Разделом «Патологические изменения языкового поведения» в книге объединены работы Б. Фланагана, Р. Якобсона, Х. Гудгласа и других по афазии и другим нарушениям речи (например, заиканию). Центральной из них представляется работа Р. Якобсона «Aphasia as a linguistic problem», в которой рассматривается ряд теоретических положений лингвистики в применении к афазии¹².

Х. Гудглас и Дж. Хант поставили эксперимент для проверки дифференцированности языковых нарушений на уровне грамматики. Работа Х. Шуэлла и Дж. Дженкинса посвящена попытке доказать экспериментальным путем, что все типы афазии представляют собой большую или меньшую степень общей «языковой недостаточности» (language deficit). Авторы утверждают, что «языковая недостаточность» одномерна (unidimensional), что

¹¹ См.: Э. Геллнер, Слова и вещи, М., 1962.

¹² См. в этой связи: В я ч. В. И в а н о в, Лингвистика и исследование афазии, сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962.

все случаи афазии можно последовательно расположить в зависимости от степени расстройств от более легких до более серьезных. В. Ламберт и С. Филленбаум исследовали степень влияния афазии у двуязычных индивидов на тот или иной язык в зависимости от последовательности, в которой изучались языки, от степени владения каждым языком и от эмоциональной ценности данного языка для индивида.

Заключительный раздел книги посвящен так называемой «гипотезе Уорфа» (теории лингвистической относительности) и затрагиваемым ею смежным вопросам взаимовлияния языка, мышления и познания. С. Сапорта открывает этот раздел пространной выдержкой из работы самого Б. Уорфа. Далее следуют статьи Гринберга, Брауна и Леннеберга, Леннеберга и Роберта, Германа, Лолиса и Маршалла.

«Гипотеза Уорфа» хорошо известна советским языковедам¹³ и за вычетов расистских измышлений представляет собою научную проблему первостепенной важности. Подобно многим нерешенным вопросам науки (например, великая теорема Ферма в математике) эта гипотеза привлекает к себе умы ученых той прямо-той и неотразимой логичностью, с которой она сформулирована, хотя громадность проблемы — взаимоотношение языка и мышления, — на которую данная гипотеза претендует дать столь категорический ответ, не может не вызывать вполне законного сомнения, недоумения и здорового скептицизма. Мы повторяем, что такая оценка возможна лишь при условии безоговорочного отбрасывания расистских и идеалистических извращений этой теории.

Дж. Гринберг, в основном разделяя идеи Уорфа, ставит перед собой цель проанализировать условия, при которых на основе лингвистических данных можно с уверенностью делать выводы об экстралингвистических явлениях. Наиболее благодатным полем для такого исследования является семантика. Гринберг рассматривает отношения различия и сходства в языках. В первом случае различные элементарные единицы значения (elementary meaning units — EMU) в одном языке или нескольких языках соотносятся с различиями в экстралингвистических реакциях, в поведении. Во втором случае субварианты одной и той же элементарной единицы значения соответствуют реакциям, имеющим сходные черты.

Р. Браун и Э. Леннеберг подвергают проверке основной тезис Уорфа, что мир по-разному воспринимается и понимается

разными языковыми группами. Так как в доказательство этого положения приводятся языковые факты, авторы по отдельности рассматривают лексические и структурные черты языка. Чем важнее роль данного явления в жизни языкового коллектива, тем чаще оно отображается в языке. Большая частота употребления ведет к сокращению словесного выражения — от фразы к слову, от длинного слова к более короткому. Что касается грамматических категорий, то их значения туманны и непоследовательны. Невозможно делать какие-либо выводы об образовании понятий, исходя просто из описания структуры языка. Для этого необходимо привлечь данные экспериментальной психологии.

Работа Р. Брауна посвящена описанию экспериментального исследования семантических различий между английскими существительными и глаголами. Изучение речи детей позволило сделать вывод, что отнесение нового слова к той или иной части речи дети воспринимают как ключ к его значению, опираясь, таким образом, на семантическое своеобразие частей речи.

Д. Херман, Р. Лолис и Р. Маршалл проверяют «гипотезу Уорфа» на материале воспроизведения зрительных образов. Установлена связь между воспроизведением образов неназываемых и образов называемых. Образы, предлагавшиеся испытуемым и называемые при этом словом, при воспроизведении их через некоторый промежуток времени несли на себе явный отпечаток «гипноза ярлыка», т. е. влияния слова.

Но этот результат можно истолковать и как свойство памяти. Информация запечатлевается в двух сигнальных системах, и если образ в памяти первой сигнальной системы потускнел, то он воспроизводится по стандартной средней зрительной форме, ассоциируемой со словом, сохраняющимся в памяти второй сигнальной системы. По крайней мере аналогичные эксперименты советских психологов Ф. Н. Шемакина, Е. Д. Любимовой и В. М. Истоминой доказывают два принципиальных положения: 1) мышление осуществляется во взаимодействии двух сигнальных систем, а не только работой второй, речевой, сигнальной системы; 2) чувственное обобщение предшествует словесному¹⁴.

Эти обстоятельства дают нам основание отнестись к «гипотезе Уорфа» как к утрированию лишь одного направления взаимодействия сигнальных систем, а именно: влияния второй сигнальной системы на первую, и как к игнорированию противоположного направления влияния, а именно: первой системы на вторую.

Рецензируемая книга была задумана С. Сапортой как компендиум (A book of

¹³ См., например, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 111—212 и рецензию М. И. Бурлаковой на книгу Б. Уорфа «Language, thought and reality» (сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962).

¹⁴ См. «Изв. АПН РСФСР», 113, М., 1960.

readings) или хрестоматия по психолингвистике. Но в этот термин им было вложено настолько широкое содержание, что в результате получились очень полезный и нужный комpendium по языковедению в полном смысле слова, т. е. не по «микрولينгвистике» (которой иногда теперь подменяют языковедение), а по всем основным аспектам единой языковедческой теории, включающей пред-, микро- и металингвистику (с особым вниманием к последней как основной и определяющей)¹⁵.

¹⁵ Э. Бенвенист в своей очень краткой рецензии на данный сборник (см. BSLP, 2, 1963, стр. 13—14) выступает с более сдержанной оценкой труда С. Сапорты. Отмечая совершенно справедливо, что в психолингвистике важную роль играет учет «человеческого фактора» (*facteur humain*), Э. Бенвенист почему-то связывает такое направление языковедения толь-

ко с применением вероятностных методов, противопоставляя ему структуральную лингвистику как науку детерминистскую, как направление «механицизма». Практически очень трудно провести такое решительное разграничение направлений и методов.

П. Н. Денисов, М. В. Давыдов,
Э. А. Афоню

ко с применением вероятностных методов, противопоставляя ему структуральную лингвистику как науку детерминистскую, как направление «механицизма». Практически очень трудно провести такое решительное разграничение направлений и методов.

S. Wolkonsky, M. Pottoratzky. Handbook of Russian roots. — New York, Columbia University press, 1961. XXVI + 414 стр.

Исчерпывающее морфемное исследование любого языка должно установить, наряду с решением других задач, всю совокупность морфем данного языка, порядок их следования и правила сочетаемости, а также отношения корреляции, если таковая имеется, между различными аффиксами. Весь фонд морфем языка, составляющий, по терминологии Блумфилда¹, его лексикон, можно представить в виде словаря, мысль о создании которого зародилась давно, но полностью не реализована до сих пор ни для одного языка мира. Некоторое приближение к словарю такого типа осуществляется посредством включения отдельных аффиксов в толковые словари того или иного языка (например, в «Словаре современного русского литературного языка», издающемся АН СССР, помещены префиксы *без-, в-, во-, воз-, пре-* и т. д.). Первые, далеко не совершенные попытки выяснения фонда морфем русского языка относятся еще к 30-м годам XX в. (например, словарь Патрика²).

В 1961 г. был опубликован словарь корней современного русского языка К. Волконской и М. Полторацкой. В нем собрано около 1300 корней, сведенных в 516 групп на основе семантического

сходства. Авторы не просто перечисляют наиболее, по их свидетельству, употребительные и продуктивные корни русского языка, а дают их в комбинациях с другими морфемами — префиксами, суффиксами и окончаниями. В результате в словарь оказываются включенными приблизительно 19 000 слов, расчлененных на морфемы.

Следует сказать, что авторы зафиксировали в своем словаре далеко не все имеющиеся в русском языке производные формы от взятых ими корней. Так, в словарной статье на корень *пен-* (*пни-*) отсутствуют производные формы *пенковский*, *пенник* (устар.), *пенный*, *пеночка* и др. На некоторые корни приводится всего одна-две производных формы (такие корни вообще трудно считать продуктивными, хотя авторы намерены были брать именно их).

Продуктивными, кстати, могут быть не только корни или отдельные аффиксы, но и префиксально-суффиксальные окружения корня (без окончания), в которых префиксы и суффиксы коррелируют между собой определенным образом. Подобные префиксально-суффиксальные окружения корня являются особыми единицами языка. Всего в русском языке насчитывается около 7000 таких корневых окружений³, 1500 из них содержит от 6

¹ L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 162.

² G. Z. Patrick, *Roots of the Russian language*, New York, 1938.

³ По данным Т. Ф. Ефремовой и А. И. Кузнецовой.

до 350 корней каждое; еще 1500 включает от 2 до 5 корней, а около 4000 являются единичными, соединяются лишь с каким-либо одним корнем. 1500 наиболее продуктивных корневых окружений в сочетании приблизительно с 3000 корней образуют около 90 000 слов современного русского литературного языка; остальные 5500 окружений плюс около 1500 корней в них дают еще около 10 000 слов.

Таким образом, словарь К. Волконской и М. Полторацкой содержит лишь незначительную часть всех корней русского языка и слов с ними, что, впрочем, соответствует поставленной авторами задаче. Свою задачу К. Волконская и М. Полторацкая формулируют достаточно скромно. Их словарь задуман как учебное пособие для студентов, изучающих русский язык⁴.

В соответствии с выдвинутыми задачами строится и словарная статья. После главного слова (основной корень и его варианты) даются сначала непроезженные основы, если они имеются, затем дериваты, разделенные на составляющие их морфемы и расположенные по алфавиту. Внутри словарной статьи непроезженные существительные и глаголы в инфинитиве обычно сами выступают как заглавные слова, под которыми приводятся дополнительно еще некоторые формы: после глагола совершенного вида следуют формы несовершенного вида, возвратные глаголы, иногда наречия и т. п. Например, словарная статья на корень *голод-* включает следующие слова: *голод*, *голод* (под этим последним идут *голодный*, *голодание*, *голодающий*, *голодавка*), *голодать* (после данного слова приводится форма совершенного вида *поголодал*), *изголодался*, *проголодал*, *проголодался* (здесь дополнительно дано *впроголодал*). Каждое слово в словаре и корни в заглавии переводятся на английский язык. Отдельные слова сопровождаются иллюстрацией — пословицами, поговорками, фразеологическими оборотами, также передаваемыми и на английский язык. Например, на корень *пен-* дано слово *пенка*, затем приводятся фразеологическая единица *снимать пенки* и ее английский эквивалент *to skim milk*. На корень *голод-* под словом *проголодался* помещается пословица *Проголодаешься, так хлеба достать догадаешься*, которая сопровождается переводом на английский: *If one become hungry enough, one finds a way to obtain bread*. Выражению *Жить спроелодь* в этой же словарной статье

соответствует английское *To live from hand to mouth*.

Все слова в словарной статье снабжаются грамматическими пометами: отмечается принадлежность к определенной части речи; при глаголах обязательно указывается вид и залог; иногда помещается падеж существительного, которым глагол управляет, и т. п. Обычно после глагола несовершенного вида дается форма совершенного вида и наоборот. Так, вслед за глаголом *у-клад-ывать* в группе корней *клад-*, *кас-*, *кляж-* идет глагол *у-лож-ить*, а на корень *лож-* в другой словарной статье встречается после формы *у-лож-ить* форма несовершенного вида *у-клад-ывать*. Таким образом, ряд слов дважды повторяется в словаре⁵. Если совершенный и несовершенный виды образуются от одного корня, а не являются супплетивами, как в случае с глаголами *положить* — *класть*, то в пределах одной статьи не всегда есть перекрестные отсылки, а чаще бывают односторонние, благодаря чему каждое слово встречается лишь один раз. В группе *скок-*, *скак-*, например, находим: *под-скак-ать*, *под-скак-ывать*; *под-скок-ить*, *под-скак-ывать*; *со-скок-ить*, *со-скак-ывать*, но наоборот нет.

Все слова даются с ударением и приводятся расчлененно, т. е. в словаре не только выделяются корни, но членятся и аффиксы. Проблемы морфемного членения слова являются относительно мало разработанными и в высшей степени сложными. Единства во взглядах на этот вопрос среди лингвистов нет: одни проводят сегментирование высказываний с учетом значения (семантики), другие — основываясь лишь на критерии фонетической идентичности морфем. Расчленение слова на морфемы осуществляется либо методом непосредственно составляющих (так поступает Блумфилд, Уэллс, Пайк, Найда и др.), либо методом сопоставления. В этом последнем случае обычно учитывается, помимо фактора формы, фактор значения (Гринберг, Гилсон, а также более ранние работы Пешковского, Випкура) или дистрибуции (Харрис). Однако нередко делаются попытки выделения

⁵ Так же обстоит дело со сложными словами. Их можно найти обычно (но не всегда) дважды в словаре, на оба корня. Так, слово *шиворот* есть и в словарной статье на корень *ши-* и на корень *ворот-* (в группе *верт-*, *верч-*, *вер-*, *верет-*, *ерат-*, *врац-*, *ворот-*, *вороч-*, *ворач-*, *ворох-*); *путешествовать* встречается на корень *пут-* и *ше-* (в группе *год-*, *хож-*, *хаж-*, *хоязд-*, *шед-*, *ше-*); *злословить* — на корни *зл-* и *слов-* и т. д. Однако такие слова, как *гол-о-слов-ный*, *гол-о-ледица*, *ин-о-род-ный* помещены лишь по одному разу (на корни *гол-*, *слов-* и *род-*), хотя часто словарные статьи даются на оба корня.

⁴ Источниками послужили словари современного русского литературного языка АН СССР и Ушакова, словарь Даля, двуязычные словари Александра и Смирницкого, а также этимологические словари Преображенского и Фасмера и некоторые другие.

морфем методом сравнения без учета значения, только на основе фонологических данных. В результате подобного сопоставления получается такое причудливое деление слов на морфемы, какое мы находим у Шевелева, выделившего, например, префикс *ко-* в словах *ко-лес-о*; *ко-лен-о*, *ко-леб-ать*, *ко-либри*, *ко-синус* и т. п., префикс *ка-* в словах *ка-пуст-а*, *ка-ют-а* и т. п.⁶

Авторы рецензируемой работы специально не оговаривают и не обосновывают принципы проводимого ими членения. Судя по большей части словарных статей, они учитывают семантический критерий и действуют при выделении корня методом сопоставления. Однако господствующим при выявлении корней оказывается исторический принцип (педаром во многих случаях даются в скобках корни со старым написанием, например с ятем). Исторические процессы, изменившие фонетический облик слова, учитываются в подавляющем большинстве случаев. Так, в группе корней *вет-*, *вещ-*, *вещ-* (*ответ*, *завещание*, *отвечать*) приведено слово *обет* с указанием: *ет < вет*; *область* членится *об-ласт-ь* и указывается: *<об-ласть*; или *пол-тора < пол-тора*, *об-ла-ать < об-ла-ать*, *об-лак-о < об-лак-о*, *об-лек-ать < об-лек-ать* и т. д. Однако в этом плане многое в словаре спорно или просто неверно. Например, в словах *ползти*, *ползати* и пр. выделен корень *лз-*, который рассматривается в одной группе с корнями *лз-*, *лзз-*, *лзж-*, *лзв-*, *лзс-*.

Принципы объединения корней в группы не раскрыты, как и принципы членения слов на морфемы. Обычно корни в одной группе являются алломорфами, находящимися в отношении дополнительной дистрибуции (например, *брос-/брош-*; *кол-/кал-*; *ход-/хож-/хаж-/хожд-* и т. п.). Но часто это заведомо не так. В одну группу нередко попадают корни, далекие и семантически, и фонетически. С современной точки зрения странно, например, выгладит группа *вал-*, *вол-* (*вал-ать*, *под-вал*, *вал-енки* и др., *вол-на*, *вол-нение*, *вол-наться* и др.) или группа *коп-*, *копл-*, *копл-*, *куп-*, *куч-* (*копить*, *накопление*, *накапливать*, *купа*, *куча*). В подобных группах приводимые корни (или часть

из них) не являются алломорфами; не всегда можно говорить в таких случаях и о синонимичных корнях, объединенных в одну группу по сходству значения. Условие фонетического сходства при сведении корней в одну группу нарушается не менее часто (например, в группе корней *ход-*, *хож-*, *хаж-*, *хожд-* помещены также *шед-* и *ше-*, а в самой словарной статье приводятся примеры на корень *й-*, отсутствующий в заглавии). Порою попадают группы корней, в которых примеры даются лишь на один из них (например, словарная статья на корни *бол-*, *бал-* содержит примеры только на первый корень). На некоторые широко распространенные корни словарных статей нет совсем (отсутствует *губ-* (*губа*), *сол-* (*соль*) и др.).

Основное внимание К. Волконской и М. Полторацкой привлекают корневые морфемы, однако при их выделении встречается немало ошибок указанного характера и, видимо, опечаток. Например, в словарной статье на корень *бол-* мы находим слова с расчленением *боль-ной* и рядом *боль-но* и *боль-нищ-а*; вместо корня *гной-*, приведенного в заглавии без каких-либо разновидностей, в слове *перегноенная* (почва) выделен корень *гно-*; под корнем *чер-* помещаются слова *черновой*, *чернота*, *чернавка*, в которых вычленяется корень *черн-*, и т. д.

Еще больше непоследовательностей при членении префиксов и особенно суффиксов (как правило, не в заглавных словах, а в словах внутри словарной статьи). Так, под корнем *бодр-* читаем: *бодрство-ва-ть*, *бодрствование*, *бодр-и-ть*, *при-о-бодр-ить-ся* и т. п. Инфинитивный показатель *-ть* отделяется в глаголах нерегулярно; рядом с делением типа *про-болт-а-ть*, *про-балт-ыва-ть*, *брос-и-ть*, *за-брос-и-ть* и др. встречаем *за-балт-ывать*, *про-болт-аться*, *брос-ать* и т. д. Та же картина в префиксах. Например, *-н-* выделено в словах *разнимать*, *поднимать*, *занять* и т. п., но в словах *взнуздать*, *развнузданный* даются префиксы *разн-* и *взн-*.

Словарь, несмотря на довольно частые ошибки и опечатки, все же выполняет свое назначение и представляет определенный научный интерес для широких кругов русистов, являясь одной из первых попыток составления словаря морфем.

А. И. Кузнецова

⁶ G. I. Shevelov, The structure of the root in modern Russian, «Slavic and East-European journal», XV, 2, Bloomington, 1957, стр. 106—124.

II. Ковалев. Лексичный фонд литературной мови кийвского періоду X—XIV ст., I. Основний фонд — Нью-Йорк, 1962. XXX + 445 стр.

Говоря о «литературном языке киевской эпохи», автор, по-видимому, имеет в виду древнерусский литературный язык; однако это понятие неправомерно расширяется. Избранный автором путь «наибольшего охвата литературных памятников» приводит к тому, что в круг рассматриваемых источников попадают и памятники старославянские, и среднеболгарские, и македонские — все те, которые указаны в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Книга П. Ковалева строится на изложении «Материалов» И. И. Срезневского без учета происхождения и территориальной принадлежности того или иного памятника, его жанра и стиля. Автора следует упрекнуть в том, что он не отобрал для своего исследования в первую очередь оригинальные русские памятники, а также те переводные памятники, которые заведомо или предположительно могли быть сделаны на Руси. Некоторые источники, как говорит П. Ковалев, изучены им самостоятельно (Печерский патерик, «Русская Правда», Лаврентьевская летопись, Житие Феодосия Печерского и некот. др.).

Объем исследования ограничивается рассмотрением трех частей речи: существительных, прилагательных и глаголов. Автор хочет ограничиться рассмотрением самостоятельных частей речи, однако при этом отбрасывает не только союзы и предлоги, но и наречия, хотя они, как известно, также имеют лексическое значение. Категория наречий могла не найти отражения в данной книге, но совсем по другой причине: в древнерусском языке эта категория находилась еще в процессе становления и представляла собой, кроме первичных наречий форм (*где, когда* и т. д.), большей частью употребление различных именных форм с предлогом.

Во вступлении автор останавливается на некоторых этнических и исторических вопросах (население Киевского государства, следы скифо-сарматского влияния, главным образом в области топонимики, ранние источники лексического фонда).

При изложении материала по разделам (I. Природа; II. Материальная культура; III. Духовная культура; IV. Общественные отношения; V. Политическая структура; VI. Общеупотребительная лексика) избирается следующая методика: приводится слово (существительное, прилагательное или глагол), которое, по мнению автора, своим значением было связано с отражением того или иного понятия, а в скобках указываются источники, где это слово употреблено; указания эти далеко не исчерпывающи. Например, приводя существительное *ложьница*, П. Ковалев в качестве источника называет Пандекты Антиоха (стр. 74), хотя это сло-

во отмечено и в языке оригинального древнерусского памятника — Лаврентьевской летописи (л. 124 об.); для существительного *вьсь* указано Остромирово Евангелие (стр. 71), тогда как оно встречается и в ряде оригинальных древнерусских произведений — в том числе в Житии Феодосия Печерского (на что указывает и И. И. Срезневский). Таким образом, автор отнесся недостаточно внимательно не только к тем источникам, которые были им изучены дополнительно, но пренебрег и отсылками И. И. Срезневского, приведенными в соответствующей словарной статье.

Попутно с изложением материала П. Ковалев делает замечания лексико-семантического и стилистического порядка, например, что понятия неживой природы «в большинстве случаев имеют метафорический характер» (стр. 2) или что для выражения некоторых понятий существовали синонимы (ср. *яма, ровынь, ровь* — стр. 5). Однако эти замечания случайны и единичны. При рассмотрении старославянских и древнерусских форм (*градъ — городъ, власть — волость*) или «абсолютных» синонимов (*лѣвица — шуца*) автор не объясняет их стилистической дифференциации, хотя она имела место в древнерусском литературном языке.

Основная часть книги П. Ковалева содержит ряд крупных недочетов. Многие слова, употреблявшиеся в языке древнерусских памятников и приведенные в «Материалах» И. И. Срезневского, не нашли отражения в книге П. Ковалева. Например, в разделе «Животный мир» нет существительных *обезьяна* и *мамонт* (а), а отмечено только *трыястѣкъ* (стр. 30). В разделе «Искусство и развлечения» нет слов *скomorохъ* (*скомрахи*) и *глумьць*, обозначающих в древнерусском языке актера; существительное же *игрьць* дается автором только в значении «музыкант», хотя семантически оно прежде всего было связано с существительными *игра, игрище*, имевшими значение «зрелище», и выступало чаще всего в значении «актер», являясь синонимом к словам *скomorохъ* (*скомрахи*) и *глумьць* (стр. 176). В разделе «Человек» среди слов, выражающих «констатацию горя» (стр. 58), нет прилагательного *дрязгали* в значении «сугрюмый, печальный», употребительного в языке церковных памятников. В разделе «Общество и его детерминация» при перечислении существительных, обозначающих свободных людей, автор приводит и ряд прилагательных, имеющих значение «знатный» (стр. 28). Однако прилагательные *внщи, добрии, лучшии, лѣпшии, нарочитши*, употреблявшиеся в древнерусском языке в данном значении, не приведены. Эти прилагательные, за исключением прилагательного *добрии*, которое дано только

как выражение нравственного понятия (стр. 227), вообще не нашли места в книге П. Ковалева. Не отмечены прилагательные, служащие для указания направлений, стороны: *правни* — *десни* в значении «противоположный левому» и *лбви* — *шуи* в значении «противоположный правому». Прилагательное *правни* отмечено в значении «истинный, верный» и рассматривается в двух разделах («Христианская религия» и «Христианская мораль»)¹.

Желание автора найти каждому слову место в предлагаемой им классификации приводит к весьма искусственному прикреплению лексемы к тому или иному подразделу или параграфу книги. Так, глагол *гремѣти* рассматривается в разделе «Явления природы» (стр. 19), вероятно, по причине его этимологии, хотя этот глагол имел более общее значение «производить шум». Автора не смущает, что данный глагол употребляется в указанном значении в том примере, на который он же сам ссылается (*Гремѣши о шедомы мечи зараужными*). В разделе «Животный мир» при перечислении домашних животных приведено существительное *псъ* и ряд слов, обозначающих названия действий, связанных с собакой: *брезание*, *брезати* (стр. 29). Однако в указанном примере (*Лисици брешут на чръленыя щиты*) действие связано с иным существительным. Примеры, приведенные в «Материалах» И. И. Срезневского, также указывают на связь этого слова главным образом с существительным *лисица*. В разделе «Пища» автор перечисляет названия продуктов и относит к ним слово *мозь*; хотя его и ели во время голода, однако такое отнесение явно неосновательно. В этом же разделе среди слов, обозначающих акт потребления пищи, приводится глагол *узерыати* (стр. 86). Автор имеет в виду пример: «Яневи же идущо домови, в другую ноць медвьдь въздъзь, угрызъ ею и снѣсть» (Пов. вр. лет, 6579 г.). Глагол *угрызъ* указывает не на «потребление пищи», а на некое действие, производимое диким зверем, и имеет значение «загрызъ». Скорее он должен рассматриваться в разделе «Животный мир» наряду с такими словами, как *уклонити* «ужалить», *гытати* «кусать».

Во многих случаях классификация, предлагаемая П. Ковалевым, представ-

ляется весьма спорной. Например, данные языка древнерусских памятников позволяют говорить о врачевании в XI—XIV вв., но не дают оснований классифицировать болезни на «хирургические», «терапевтические» и «психические», как это делает автор. При этом глагол *дражати* отнесен почему-то к «терапевтическим заболеваниям» (стр. 52). Среди прилагательных, отнесенных к «хирургическим» заболеваниям (*възъныи*, *струпиныи* — стр. 52), автор не указывает прилагательного *шелудивыи* в значении «костостый». Вряд ли можно упоминать, ссылаясь на несколько слов (*масть*, *миро*, *сбра*), о «химической промышленности» в древнерусскую эпоху (стр. 123). Некоторые авторские комментарии также вызывают возражения, например: «Основная масса растений относится к украинской климатической зоне» (стр. 22). Здесь приводятся названия деревьев, которые произрастают и в средней полосе Европейской части СССР (*дубъ*, *берега*, *сосна*, *липа*, *ива* — стр. 25). В то же время упоминание об «украинской климатической зоне» применительно к древнерусской эпохе кажется неуместным. Искусственная прикреплённость лексем проявляется в том, что слова *бѣда*, *горе*, *напастъ* приводятся в разделе «Психическое состояние человека» (стр. 58), а слова *ъло*, *лиго*, *вередъ* — в разделе «Христианская мораль» (стр. 237), хотя эти две группы слов имеют много общего в своей семантической основе и могут употребляться с разными оттенками. С другой стороны, существительные *гнѣв* и *разгнѣвание* автор рассматривает в обоих указанных разделах.

Непомерно большое внимание уделено в книге словам-эпитетам, употреблявшимся в применении к богу (стр. 180 и далее). Эти слова представляют большой интерес как сложные слова-кальки с греческого оригинала, т. е. не только с семантической стороны, а со словообразовательной. В этом разделе «Христианская религия» также есть существенные упущения. Например, перечислены собственные имена языческих богов (стр. 209), автор не приводит наименования *Перунъ*.

Видное место в книге П. Ковалева занимает проблема нравственного начала, которая толкуется только как проблема «христианской морали». Автор явно суживает сферу древнерусских морально-этических понятий. Слова, обозначающие понятия патриотизма, мужества, смелости, в книге П. Ковалева не находят места. Даже широко распространенный в древнерусском языке эпитет *доблии* рассматривается только в связи со словами, обозначающими «свободных людей» (стр. 282), и в связи с религиозно-церковной лексикой (стр. 231), где *доблии* стоит в одном ряду с прилагательным *търпѣливыи*.

ЗаклЮчительная часть книги, слово-

¹ Вообще надо сказать, что многие слова, существовавшие в эпоху XI—XIV вв., но не вошедшие в «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, не нашли отражения в книге П. Ковалева. Так, например, картотека Словаря древнерусского языка (Институт русского языка АН СССР) на одну только букву *В* насчитывает на 626 слов больше (главным образом, существительные и прилагательные) того количества слов, которое представлено в книге П. Ковалева.

указатель, также вызывает возражения. Прежде всего возникает вопрос, руководствовался ли автор какими-либо правилами древнерусской орфографии? Повидимому, никакие правила и законы здесь не соблюдаются. В словоуказателе зафиксирована лексема в том виде, в каком она встретилась автору в контексте. Поэтому в словоуказателе находим ряд параллелей без всякого указания на их связь, без каких бы то ни было взаимных отсылок. Приведем некоторые примеры. Графические варианты: *зелие* — *зелие*, *куна* — *коуна*. Варианты в приставках: *зязти* — *зязти*, *отвѣтъ* — *отвѣтъ*, *смысль* — *смысль*, *спаси* — *спаси*. Варианты в корнях: *волакъ* — *свакъ*, *солна* — *сълна*, *сесь* — *вьсь*, *мертвыи* — *мъртвыи*, *ало* — *гъло*, *державство* — *държавство*, *мохъ* — *мъхъ*, *пѣсь* — *пѣсь*, *твердыи* — *твърдыи*, *терѣти* — *търѣти*. Варианты в суффиксах: *боженка* — *божонка*, *сѣрныи* — *сѣрныи*, *городчанинъ* — *городчанинъ*, *коварныи* — *коварныи*, *лѣсць* — *лѣсць*, *намѣстникъ* — *намѣстникъ*, *трудныи* — *трудныи*. Вариант в окончаниях: *великыи* — *великыи*. Иногда, без видимой причины, автор приводит форму мн. числа вместо формы ед. числа: *дворяне*. Иногда даются обе формы: *небо* и *небеса*. Наряду с пол-

ной формой прилагательного в некоторых случаях указывается и краткая, причем подача краткой формы как отдельной лексемы (как и подача формы мн. числа) никак не оговаривается: *здравъ* и *здравыи*, *крѣпокъ* и *крѣпкыи*. В словоуказателе можно найти слово под титлом, например *нечальныи*. В некоторых случаях автор приводит не слова, а сочетания; принцип их отбора остается загадкой, например: *не дать в обиду, благословение Божие, великъ днь*, *всприяти рыдание, державная рука Иса Хта* и т. д.

Перечисленные недостатки не позволяют считать книгу П. Ковалева исчерпывающим научным исследованием поставленной проблемы. Одна сама попытка произвести классификацию лексического фонда по понятийным категориям свидетельствует о настоятельной необходимости изучения семантической структуры древнерусской лексики с учетом этимологии слов, статистических данных и жанрово-стилистических особенностей ее употребления. Такое исследование может быть произведено только на основе тщательного и непосредственного изучения языка самих текстов, которыми автор, по-видимому, не располагал.

Н. Г. Михайловская

«Словарь сокращений русского языка», сост. Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров, под руководством Д. И. Алексеева, под общей ред. Б. О. Коричко-го. — М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 488 стр.

Рассматриваемый словарь представляет собой новое и серьезное достижение советской лексикографии. Потребность в справочном пособии такого типа возникла уже давно и за послереволюционный период развития русского языка возростала вследствие высокой продуктивности представленных в нем словообразовательных типов.

Как известно, разнообразие лексические сокращения начали впервые распространяться в такой период развития нашего общества, когда появилось большое число новых понятий — прежде всего политических, общегосударственных, а затем, с культурной революцией, и общенаучных. Их распространенность, их массовый характер вполне естественно требовали замены длинных словосочетаний аббревиатурами и сложносокращенными словами. Распространению этого типа словообразования способствовало в большой мере то, что он был воспринят как революционный, как призванный быстро и эффективно выразить прежде не существовавшие понятия. Связь с революцией, пригодность для новых стилей язы-

ка подкреплялась также следующими обстоятельствами. Уже в 90-х и начале 900-х годов сложносокращенные слова получили значительное распространение в речи революционеров — например *ЭСДЭ*, *ЭСДЭК*, *ЭСЭР* и их производные, *ЦК* и мн. др. ¹

¹ Нельзя не напомнить, что сокращения получили распространение и за пределами общественно-политической сферы. Сокращения повсеместно применялись в деловых — письменных и телеграфных — сообщениях, например *Продамет* (1901 г.), *Продуголь* (с 1903 г.), *Лензолото* и др. Во время первой мировой войны — *главковерг*, *дарм* (действующая армия), *воинмин*, *земгор* (земский и городской союзы) и т. п. Необходимо заметить также, что сокращение (аббревиатура) как словообразовательный прием (соответственно — словообразовательная модель) имеет большую историю и распространено в самых разных языках. Так, еврейские аббревиатуры восходят к первой поре еврейской письменности. В начале нашей эры и в особенности в середине века

В начале 20-х годов выделились вполне определенно основные типы аббревиации (сокращения как способа образования новых слов), а именно: 1) сложносокращенные слова слогового типа, такие как *Совнарком*, *Ростсельмаш* и т. п.; 2) буквенные аббревиатуры типа *ВЦСПС*, *СССР*; 3) звуковые аббревиатуры и составляемые из начальных букв словосочетания, читающиеся не как сложение алфавитных названий составляющих их букв, а как обыкновенные слова, например *Нэл*, *Гум*, *Вуз*, *Мид* и т. п. Естественно, что слова последнего типа могли входить в общее употребление только при наличии в сокращаемом сложном наименовании слова, начинающегося на гласную и занимающего в первоначальном наименовании положение, удобное для образования вершины слога. Тогда же было зарегистрировано и большое количество сложносокращенных слов смешанного типа, таких как *АзССР*, *Районо* и т. п. Все эти факты с несомненностью и очевидностью свидетельствовали о жизни данного типа образований, количество которых продолжало неуклонно расти.

Большое внимание уделяется сложносокращенным словам в современном языковедении. Весьма интересные работы, стремящиеся периферизировать проблему в терминах современной семиотики².

пользование аббревиатурами получило весьма широкое распространение [см.: А. М. Сел и ц е в, *Язык революционной эпохи*. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926), М., 1928, стр. 45]. В новых языках лексикография сокращений становится все более самостоятельным разделом общей лексикографии. Однако до сих пор в виде отдельных книг (а не приложений к общим словарям) словари сокращений создавались не в стране данного языка, что никак нельзя признать нормальным. См., например: A. Rosen berg, *Russian abbreviations*, Washington, 1957; E. Scheitz, *Russische Abkürzungen und Kurzwörter*, Berlin, 1961; В. О. Блувштейн, Н. Н. Ершов, Ю. В. Семенов, *Словарь английских и американских сокращений*, 3-е изд., М., 1957; В. О. Блувштейн, *Словарь немецких сокращений*, М., 1958; В. В. Борисов и др., *Словарь иностранных военных сокращений*, М., 1961.

² См., например: В. В. Иванов, *О функциях сложносокращенных слов*, «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов», М., 1962; Р. И. Могилевский, *О некоторых особенностях аббревиатуры как особой знаковой системы*, сб. «Вопросы словообразования и фразеологии», Фрунзе, 1962. Теперь этот аспект приобретает особое значение в связи с выражением

Несомненно верным представляется неоднократно высказывавшееся мнение о настоятельной необходимости создания полного словаря аббревиатур и соответствующих им полных сочетаний слов. Помимо общелексикографического значения такого справочника важно то, что он должен стать надежной основой для автоматического анализа русских научно-технических текстов, где наличие большого числа аббревиатур может оказаться существенной трудностью при решении задач машинного перевода и поиска информации.

*

Рецензируемый словарь является первым отечественным словарем сокращений русского языка. Число вошедших в него аббревиатур — около 12 500. Материал выбирался из периодической печати, общественно-политической, научной и художественной литературы, различного рода справочников. Поскольку сокращения в абсолютном большинстве случаев — это не слова обиходного языка, а термины, относящиеся к более или менее специализированным сферам, при отборе сокращений и их расшифровке авторы словаря и его редакция привлекли большое число консультантов — специалистов самых разнообразных профилей. Тем не менее вопрос отбора, составления словника был связан с большими трудностями, которые возникают даже при составлении общих (т. е. не отраслевых) словарей. Дело в том, что замкнутость и специфичность каждой данной отрасли науки и техники представляет собой категорию исторически изменчивую: в зависимости от реальных изменений в жизни данного человеческого коллектива специальные понятия (и, соответственно, названия) той или другой отрасли знания в большей или меньшей степени проникают в общий язык, становятся его частью. Примером может служить чрезвычайно широко проникновение в общий язык общественно-политической терминологии нашего строительства в широком смысле, т. е. таких слов, как *ГрЭС*, *Гозаро* и т. п. Повсеместно выходят за пределы отраслевых языков слова, называющие разновидности автомашин, предметов обихода, самолетов и т. п. — такие как *ЗИМ*, *ЗИЛ*, *ТУ*, *ВЭФ* и др.

Второй большой проблемой, вставшей перед составителями словаря, явилось изучение фономорфологического строения сокращений, в частности, различение буквенных и звуковых аббревиатур и различных случаев их смешения. Ср., например, *НЭП* [нэп], *НАТО* [нáто], *ООН* [оон], *ДШИ* [дши], *ВЭО* [вэо], *ВНИИ* [внии] и т. п., с одной стороны, и *МГУ* [эм-гэ-у́], *МПИ* [эм-пэ-и́], *МЗА* [эм-зэ-а́], дескрипторы для информационно-логических языков.

ДДУ [дэ-дэ-у], ВПУ [вэ-пэ-у], ВО [вэ-о], ВМО [вэ-эм-о], ВНА [вэ-э-а] и т. д., с другой. Особенно интересны в этом плане такие омографические аббревиатуры, как ИК [и-кá] и ИК [ик], ИКС [и-ка-эс] и ИКСА [иксá], ИЛ [и-эл] и ИЛ [ил] и т. п. Фономорфологическое строение аббревиатур этих типов изучено далеко не достаточно. Поэтому собранный в словаре богатый материал имеет не только авторитетный справочный характер, но и большое значение для развития данной области знания.

При обращении к вопросу грамматического оформления сокращений авторам пришлось провести большое и самостоятельное исследование. Предложенная ими классификация (стр. 5—6 предисловия) разделяет материал по категории рода на основе противопоставления наличия — отсутствия закрепенной родовой категоризации. Ср., например, ГУМ, МИД с регулярным морфологическим изменением по падежам в отличие от КНР, МЭИ и т. п., где синтаксическое выражение рода направляется не фономорфологией сокращения, а его расшивкой и изменения его по падежам не происходит. Весьма интересны наблюдения относительно колебаний между этими двумя типами, свидетельствующие о незавершенности процесса родовой категоризации, например: *ВАСХНИЛ направил* (и тогда: *ВАСХНИЛа, ВАСХНИЛу* и т. п. — или даже *васхнила, васхнилу* и т. п., подобно *еуза, еузам* и т. п.) и *Васхнил направил* (т. е. *направила* такая-то академия), *ВАК утвердил* (т. е. *вак, вака, ваку* и т. п.) и *ВАК утвердила* (т. е. *данное действие выполнила* такая-то комиссия). В связи со сказанным следовало бы обратить больше внимания на правила написания. Думается, что при регулярности грамматической морфологизации аббревиатуры следует переходить на строчные буквы. Если, например, *ЦНИИФК* склоняется, то зачем писать *ЦНИИФКа*, когда можно написать *цниифка* (ср. стр. 10)?

Вопрос о толковании (разъяснении) вокабул (заголовочных слов) в словаре этого рода имеет свою специфику. Принятое авторами решение основано на том, что для понимания сокращения достаточно простого его сопоставления с соответствующим полным наименованием. Случай, когда расшивочка не заменяет толкования слова, хотя и немногочисленны, но все же имеются; например, *колхоз* — это не просто «коллективное хозяйство», а особая социалистическая форма производственного объединения трудящегося крестьянства. Поэтому хотя против принятого авторами решения, теоретически рассуждая, и можно было бы спорить, практически оно является единственно возможным, так как иначе объем словаря невероятно увеличился бы без серьезного улучшения его как справочного пособия.

Вместе с тем в сравнительно немногочисленных случаях, где это действительно необходимо, толкование соответствующим образом расширяется. См., например, инициалы Феликса Дзержинского в маркировке фотоаппарата (*ФЭД*) или инициальное сокращение фразеологемидеиза «Догасть и перегасть» (*ДИП*) в маркировке токарного станка. Такое собрание тщательно организованного материала немаловажно.

Дальнейшая работа над собранием, классификацией и отбором аббревиатур должна будет, естественно, включать более детальное их исследование с точки зрения их стилистических (т. е. экспрессивно-эмоционально-оценочных) сознаний (коннотаций), с одной стороны, и их распределения по различным предметным — техническим и научным — областям, с другой. В настоящем издании словаря вряд ли это вообще могло бы быть достигнуто при том состоянии, в котором находится эта область лексикографии вообще. Как известно, даже в обычном толковом словаре и в отношении простых и общепонятнейших слов эту задачу вряд ли можно считать разрешенной.

Рецензия на словарь должна включать результаты его эмпирической проверки, что легко осуществимо при необычайно широком употреблении аббревиатур в текущей периодической литературе. В подавляющем большинстве случаев информация о словах четкая и последовательно оформленная. Отдельные пропуски и неясности все же были обнаружены. Так, например, в словаре не оказалось слов *АНТАРА* («Правда» 15 XII 1963, стр. 6), *Главсредневожесстрой, Госмонтажспецстрой, Куйбышевгидрострой, гидрострой, Донкоксозимстрой, Главдонбасстрой* (там же, стр. 5). Обидным показалось отсутствие в словаре *ЦНИИ МПС*, в котором, как видно из предисловия (стр. 9), работает целый ряд ученых, оказавших помощь в составлении словаря. Понять путем непосредственного восприятия смысл этой аббревиатуры при наличии нескольких омонимических *МПС* пользующийся словарем не может. Вряд ли можно считать удачной лексикографической находкой такую подачу материала, когда на одном развороте (или даже на одной странице) мелькают заголовочные слова, начинающиеся то с прописной, то со строчной буквы (стр. 114—115, 304—305, 308 и мн. др.).

Отдельные пропуски или излишне введенные вокабулы, колебания в применении того или иного лексикографического приема, практически неизбежны в словаре, тем более в первом опыте. Поэтому сделанные мелкие замечания ни в какой мере не могут изменить общей оценки этого интересного и нужного пособия.

О. С. Ахманова

Е. И. Кукушкина, А. Г. Степанова. Библиография библиографий по языкознанию. Аннотированный систематический указатель отечественных изданий. — М., 1963. 412 стр. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Рецензируемая книга состоит из трех частей. В «Общей части» собрана библиография по общим вопросам теоретического и прикладного языкознания. В части «Язык мира» указаны библиографии по отдельным языкам. «Приложение» включает в себя библиографию изданий отдельных вузов и институтов, список указателей и обзоров содержания периодических журналов и сборников, библиографии диссертаций и небольшое количество работ, по тем или иным причинам не попавших в основной текст. В книге учтены не только самостоятельные библиографии, но и прикижные и пристатейные списки литературы, обзоры, подстрочные примечания; если же по данному вопросу (или по данному языку) имеется ряд библиографий, то из них приведены только наиболее поздние по времени опубликования. По редким языкам брались практически все библиографические источники. Литература дана в основном на русском языке, хотя включены и несколько иноязычных библиографий (главным образом на украинском языке).

В каждом случае книга дает аннотацию с указанием на характер и объем библиографии. Система аннотирования хорошо продумана. Например:

«Гурычева М. С. Начальный этап в образовании французского национального языка. „Труды“ (ИЯ), т. 10, 1960, стр. 204—218.

В подстрочных примечаниях — библиография французских грамматик, словарей и изданий текстов, использованных автором в качестве источников. Книги по франц. и латин. яз., изданные главным образом в XVI в. (после 1530 г.). Более 30 назв.».

Вообще о рецензируемой книге можно сказать много хорошего. Это относится как к полноте библиографии, так и к удобству пользования ею. Конечно, встречаются в ней ошибки и пропуски, но они немногочисленны и не могут повлиять на общую высокую оценку «Библиографии библиографий».

Несколько замечаний об отборе источников. Составители по-своему, конечно, правы, когда они полностью игнорировали библиографии, приведенные в энциклопедиях и разного рода других справочниках. Однако этим они сильно обеднили свой труд. Мы, конечно, не призываем к полному включению в книгу всех статей во всех справочниках, где есть какая-либо лингвистическая библиография; но ведь нельзя забывать, что иногда пристатейная библиография в энциклопедических словарях и библиографических справочниках бывает поистине уникальной. Это касается, например, многих

статей С. К. Булича в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона¹. Это касается специально составленных библиографических приложений к таким статьям в том же издании, как, например, «Язык и языки» И. А. Бодуэна де Куртенэ (3 стр. петита в 2 столбца).

Странным образом оказались пропущенными некоторые важнейшие библиографические источники общего характера. Поскольку включена книга «Языкознание. Сводный каталог иностранных журналов в библиотеках Москвы и Ленинграда», следовало бы ожидать, что в справочник войдут и другие журнальные каталоги, например, соответствующий том сборника «Периодическая печать СССР. 1917—1949»², где описано 137 языковедческих изданий. Но их нет. Почему-то отсутствует вышедший отдельной книжкой библиографический указатель «Физиологическая акустика»³, хотя в нем описано около 30 работ, представляющих несомненную лингвистическую ценность. Что касается полезнейшей книги «Сводный каталог иностранных книг по языкознанию, поступивших в крупнейшие библиотеки СССР (за 1945—1958 гг.)»⁴, то она попала в «Каталоги библиотек», т. е. в приложение; между тем это, конечно, прежде всего первоклассная библиография по зарубежному языкознанию вообще, и место ей — не «на задворках» книги, а в соответствующем ее важности месте.

В книге есть указание на статью Т. А. Дегтяревой «Краткий обзор лингвистических учений» (№ 18), но нет ее же аналогичной статьи по истории советского языкознания⁵. По языковому признаку не взята ни одна из двух монографий

¹ Ср. хотя бы: «Индокитайские языки» (23 назв.); «Мон-аннамские языки» (32 назв.); «Тагальский язык» (7 назв.); «Тай» (языковая группа; 42 назв.) и др.

² «Периодическая печать СССР. 1917—1949. Библиографический указатель. Журналы, труды и бюллетени по языкознанию, литературоведению, художественной литературе и искусству», М., 1958.

³ «Физиологическая акустика. Библиографический указатель советской литературы. 1917—1950», М.—Л., 1960.

⁴ «Сводный каталог иностранных книг по языкознанию, поступивших в крупнейшие библиотеки СССР (за 1945—1958 гг.)», 1—3, М., 1960.

⁵ Т. А. Дегтярева, Развитие методов и общей проблематики в советском языкознании, сб. «Принципы научного анализа языка», М., 1959.

Я. В. Лоя⁶; между тем обе они содержат колоссальную библиографию на русском и иностранных языках — в особенности вторая, где учтено около 1000 названий. Эта библиография хотя и далеко не безупречна, но в своем роде уникальна и учесть ее следовало.

Обидно, что вне поля зрения составителей осталась книга Н. М. Постовской об изучении древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе⁷, где указано множество работ по египетскому, ассирийскому, урартскому, хеттскому, финикийскому, древнееврейскому, древнеперсидскому и другим языкам.

Почему-то отсутствует русский перевод книги Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка» (например, в «Филологических записках», 1884—1888), нет книг И. И. Мещанинова (например, «Общее языкознание», Л., 1940), где в подстрочных сносках содержится очень большая литература по грамматике различных языков.

Общее замечание по персоналиям: упущен по крайней мере один важнейший источник по ним — четыре тома книги «Архив Академии наук СССР»⁸. Неясно, почему «изгнаны» из раздела персоналий Белянский, Добролюбов и Чернышевский. Их можно считать или не считать профессиональными лингвистами, но уж поскольку существуют работы о них как о лингвистах, следовало учесть соответствующую литературу⁹. Некоторые лингвисты вообще отсутствуют в списке персоналий, хотя существуют библиографические материалы о них. Назовем хотя бы К. Фосслера¹⁰, Е. Куриловича¹¹, О. Сенковского и др.

Беден раздел «Язык и мышление». Здесь никак нельзя было пройти мимо сборника «Психологическая наука в СССР»¹², где по крайней мере три статьи посвящены речи (Н. И. Жинкин «На пути к изучению механизма речи»; А. Н. Соколов «Исследования по проблеме речевых механизмов мышления»; А. Р. Лурия «Развитие речи и формирование пси-

хических процессов») и в конце каждой статьи приводится по несколько десятков, а иногда и сотен названий литературы по описанной проблематике. В разделе «Древняя речь» нет книги Д. В. Эльконина¹³, а главное — отсутствует статья Н. С. Державина¹⁴. Вероятно, следовало хотя бы в какой-то степени учесть литературу по философии языка, тем более, что такая литература имеется в виде прикняжных библиографий¹⁵.

Не беремся судить о полноте раздела «Прикладное языкознание». Однако обойтись в этом разделе без книги Э. Дрезена «В поисках всеобщего языка»¹⁶ едва ли возможно.

Важные добавления можно было бы сделать и к литературе по отдельным языкам. Ни в разделе о языках Индии, ни в разделе об истории языкознания нет известной статьи В. Н. Топорова¹⁷. Явно по ошибке попало в раздел иранистики сочинение И. И. Зарубина «Вершнское наречие канджутского языка» (№ 686): описанный И. И. Зарубиным под названием «канджутского» язык, обычно называемый вершнским, бурншским или бурушаски, стоит в генеалогической классификации изолированно. Аналогичная история произошла с этрусским языком, попанним в раздел италийских (№ 1307).

В разделе, посвященном русскому языку, хотелось бы видеть — пусть в приложении — обзор Л. П. Крысина и др. по проблеме нормализации русской речи¹⁸. Здесь вообще, вероятно, можно найти множество пропусков: укажем на один из них — книгу Р. А. Витберга «Ревнителю русского слова прежнего времени»¹⁹.

¹³ Д. В. Эльконин, Развитие речи в дошкольном возрасте (краткий очерк), М., 1958.

¹⁴ Н. С. Державин, Изучение языкового развития ребенка русской речи, сб. «Академия наук СССР — академик Ю. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 76—112.

¹⁵ См., например, Г. Брутян, Теория познания общей семантики (критический анализ), Ереван, 1959 (библиография — стр. 306—314).

¹⁶ Э. Дрезен, В поисках всеобщего языка, М.—Л., 1925 (литература в тексте и в приложении на стр. 117).

¹⁷ В. Н. Топоров, О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», LVII. Сборник памяти Ю. Н. Рериха, М., 1961.

¹⁸ Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, В. С. Шварцкопф, Проблемы культуры русской речи, ИАН ОЛЯ, 1961, 5.

¹⁹ Р. А. Витберг, Ревнителю русского слова прежнего времени, СПб., 1899 (отт. из ЖМНП за январь 1899 г.).

⁶ J. Lõja, Valodniecības pamatajūta jumi, Rīgā, 1958; е го же, Valodniecības vēsture, Rīgā, 1961.

⁷ Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.), М., 1961.

⁸ «Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов». I—IV, М.—Л., 1933—1959.

⁹ См., например: Д. А. Павлов, Лингвистические взгляды В. Г. Белинского, Саратов, 1959.

¹⁰ В. А. Звегинцев, Эстетический идеализм в языкознании (К. Фосслер и его школа), М., 1956.

¹¹ К. Г. Филонова, Библиография, в кн.: Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962 (140 назв.).

¹² «Психологическая наука в СССР», I, М., 1959.

Думается, что составители зря игнорировали все библиографии по поэтике и стихосложению, кроме двух работ М. Л. Штокмара (№ 979—980). Да их и не так много, как это представляется составителям. Во всяком случае уж на две из них следовало сослаться: мы имеем в виду работы И. Я. Айзенштока — И. Я. Каганова и С. Д. Балухатого²⁰.

По латышскому языку библиография составителям неизвестна. Но она существует — во всяком случае в «Латышско-русском словаре»²¹.

Германистика представлена в рецензируемой книге очень полно и широко. Укажем еще на один источник, впрочем, крайне редкий — литографированный курс А. Ф. Лютера «Введение в германскую филологию»²², где содержится, пожалуй, единственная в своем роде (на русском языке) библиографическая информация об изданиях XVI—XVIII вв.

В разделе «Романские языки» отсутствует монография М. С. Гурычевой²³. В латинском разделе отсутствует важная в библиографическом отношении работа И. А. Бодуэна де Куртенэ «Из лекций по латинской фонетике»²⁴. Впрочем этому автору вообще не повезло, нет в рецензируемой книге и указания на обширнейшую библиографию, приложенную к его «Подробной программе лекций в 1877—1878 уч. году»²⁵, хотя в ней очень полно (для своего времени) отражена библиография по общему языкознанию, индоевропейским и в особенности славянским языкам.

В армянском разделе нет работы А. С. Гарибяна «Развитие арменистики в советский период»²⁶.

Хуже, чем с другими группами, обстоит дело с кавказскими языками. Так, по ряду языков вообще не указана литература,

в частности, по языкам удинскому²⁷ и лакскому²⁸. Совершенно ничего нет по языку и письму кавказских албанцев²⁹. Следовало учесть рецензию Г. А. Климова на книжку Койперша о кабардинском языке³⁰.

В семито-хамитском разделе совсем нет древнееврейского языка. Нужно было хотя бы вспомнить переведенную на русский язык К. Коссовичем классическую грамматику Гезениуса³¹.

В африканском разделе вызывает удивление, что нет критико-библиографических обзоров И. Л. Снегирева³².

В разделе «Малайско-полинезийские языки» нет отсылки к сборнику «Народы Австралии и Океании» (№ 1897), хотя такая отсылка необходима. Вообще языки Юго-Восточной Азии представлены крайне слабо. Например, совсем отсутствует литература по языкам мон-кхмер и мунда³³, по бирманскому языку³⁴. Нет литературы по тагальскому языку³⁵.

В разделе «Китайско-тибетские языки» пропущена важная книга Ю. В. Рожде-

²⁷ А. Дирр, Грамматика удинского языка, Тифлис, 1904; Д. П. Карбелашвили, К фонетике удинского языка, сб. «Язык и мышление», III—IV, М.—Л., 1935.

²⁸ Л. И. Жирков, Лакский язык. Фонетика и морфология, М., 1955 (подстр. примеч.).

²⁹ Ср.: А. Шанидзе, Язык и письмо кавказских албанцев, М., 1960 («XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР»).

³⁰ Г. А. Климов, [рец. на кн.:] А. Н. Kuipers, Phoneme and Morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe), ВЯ, 1961, 3.

³¹ «Еврейская грамматика В. Гезениуса», СПб., 1874.

³² «Africa», сб. «Africana. Труды группы африканских языков», I, М.—Л., 1937; «Bantu Studies», там же; «Mitteilungen des Seminars für Orientalischen Sprachen», там же; «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen», там же; «Bantu Studies», сб. «Язык и мышление», V, М.—Л., 1935; С. М. Doke, A comparative study in Shona phonetics, там же.

³³ Ср. например: А. Я. Шеевелько, Еще раз об аустроазиатской языковой семье, «Советское востоковедение», 1958, 1.

³⁴ Например: Н. Д. Андреев, М. В. Гордина, О. А. Тимофеева, Система тонов бирманского языка (по экспериментальным данным), «Уч. зап. ЛГУ», 294. Серия востоковедческих наук, 12. 1961.

³⁵ Но ср. (кроме уже упомянутой статьи С. К. Булича): «Тагальско-русский словарь», сост. Мануэль Крус и С. П. Игнашев, М., 1959 (10 назв.).

²⁰ И. Я. Айзеншток, И. Я. Каганов, Указатель работ по поэтике на русском языке (вышедших с 1900 по 1922 г.), в кн.: Р. Мюллер-Фрейенфельс, Поэтика, Харьков, 1923; С. Д. Балухатый, Приложение к кн. Б. В. Томашевского «Теория литературы. Поэтика» (начная с 3-го изд.: М.—Л., 1927).

²¹ «Латышско-русский словарь», сост. Я. В. Лоя, 2-е изд., М., 1942, стр. 250 (21 назв.).

²² А. Ф. Лютер, Введение в германскую филологию, М., 1914.

²³ М. С. Гурычева, Народная латынь, М., 1959.

²⁴ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Из лекций по латинской фонетике, Воронеж, 1893.

²⁵ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Подробная программа лекций в 1877—1878 уч. году, Казань — Варшава, 1881.

²⁶ А. С. Гарибян, Развитие арменистики в советский период, ИАН ОЛЯ, 1958, 1.

стенского³⁶ и обзор работ по вьетнамистике Ю. К. Лекомцева³⁷. По недоразумению в этот раздел попал саларский язык, который является тюркским.

Американистика очень плоха. Есть брошюра Ю. В. Кворозова с 10 названиями по грамматике и письменности майя, но отсутствует вышедшая под его редакцией книга Дизго де Ланда по этим же вопросам³⁸, где имеется библиография в 58 названий. Нет статьи Н. Г. Шпринци о работах Г. Г. Манизера по ботокудам³⁹.

Странно выглядит раздел «Баскский язык». В нем нет отсылки к основному источнику — книге В. Ф. Шпшмарева «Очерки по истории языков Испании»⁴⁰.

К сожалению, и в самом описании встречаются недостатки и прямые ошибки. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что составители почему-то провели очень резкую (излишне резкую) границу между критикой и библиографией

ей. Поэтому, например, в сборнике «Структурно-типологические исследования» (М., 1962) аннотации не учтены; но они представляют как раз большую библиографическую ценность, так как охватывают ряд малоизвестных изданий. Неясно, случайно или закономерно появление в приложении (№ 2030) автореферата докторской диссертации М. А. Бородиной. Почему тогда нет других авторефератов, как известно, в обязательном порядке включающих библиографию работ соискателя по данному вопросу?

Из ошибок укажем на неправильное описание статьи Э. А. Макаева «Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков» (№ 586): сокращение ИЯ заставляет думать, что речь идет о «Трудах» московского, а не тбилисского (как это на самом деле) Института языкознания. Впрочем тут же (№ 584) описание того же источника дано правильно.

Еще раз подчеркиваем, что все отмеченные выше недостатки, как и недостатки, здесь не отмеченные, не могут повлиять на общую положительную оценку рецензируемой книги. Было бы крайне желательно в возможно более сжатый срок переиздать ее доступным тиражом в исправленном и дополненном виде. Такая книга должна стать настольной книгой всякого грамотного лингвиста.

А. А. Леонтьев

³⁶ Ю. В. Рождественский, Понятие формы слова в истории грамматики китайского языка, М., 1958.

³⁷ Ю. К. Лекомцев, Работы вьетнамских языковедов, ВЯ, 1956, 6.

³⁸ Дизго де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.—Л., 1955.

³⁹ Н. Г. Шпринци, Из материала по языку ботокудов, ВЯ, 1961, 6.

⁴⁰ В. Ф. Шпшмарев, Очерки по истории языков Испании, М.—Л., 1941.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ АКАНЬЯ

Проблема аканья — один из важных вопросов истории русского языка и русской диалектологии, который имеет как теоретическое, так и практическое значение при преподавании и изучении русского языка. Теперь, однако, приобретаая общеславянское значение, она становится еще важнее. Поэтому широкая дискуссия по этой проблеме необходима.

Прежде всего надо припомнить, что такое аканье, так как П. С. Кузнецов, защищая свой тезис¹, решил внести в знаковый термин необычные элементы. Этот термин мы понимаем так, как он всегда понимался и как его понимал П. С. Кузнецов до 1964 г.: «Неразличение в безударных слогах *o* и *a* называется *а каньем*»². Следовательно, аканье — отдельный вопрос, который не входит в нашу тему.

Наша проблема определяется так: почему в южно- и средневеликорусском диалектах и в белорусском языке появляется *a* там, где в северновеликорусском диалекте и в украинском языке имеется *o*? Следовательно, в нашу тему не входят также вопросы диссимилативного аканья, разграничения редукции гласного *a* в различных позициях (*a* = *Λ*, *ъ* = *э* и др.), поскольку вопрос о том, каким образом южно- и средневеликорусское безударное *a* представлено в различных позициях и в разных говорах, составляет частную проблему аканья.

П. С. Кузнецов утверждает, что в Смоленской грамоте 1229 г. «нет ни одного случая, который мог бы быть квалифицированным как отражающий аканье» (стр. 31). Это не соответствует фактам. В этой грамоте есть многочисленные примеры типа *винъвати* = *винобат*, *на едѣ* = *на водѣ*, *за голъвою* = *за гблоуу*, *кѣторыи* = *котѣрий*, *хѣлоуу* = *холѣуу* и т. д., а также *приказана* = *приказано*. Во всех этих случаях *ъ* = *э* (или *a*) представляет собой редукцию безударного *a*, т. е. аканье. На это правильно обратили

внимание В. А. Богородицкий и П. Я Черных³, но тогда еще не было ясно, что это редукция не *o* > *ъ*, а *a* > *ъ*. Кроме того, известен пример аканья в одной из самых древних новгородских надписей (XI/XII вв. или XII в.): *nana* = *нопа*. Только в новом освещении возникновения аканья можно правильно понять все разнообразные факты истории русского языка.

В статье П. С. Кузнецова нет доказательств, основанных на фактах, а только утверждения и предположения. Им вполне игнорирована проблема о вокальной системе праславянского языка. В сущности русское аканье представляет собой следствие общеславянской особенности: этот вопрос решается не столько на базе русской диалектологии или даже истории русского языка, сколько и главным образом на основании определения фонематической структуры праславянского языка. Вопрос о том, как звучало праславянское слово «вода» — **voda* или **vadā* — решается на материале не одного русского языка, а на данных всех славянских языков. И если удастся определить, что праславянское слово было **vadā*, тогда вопрос о русском аканье получает совершенно иную базу для объяснения.

Факты указывают на то, что в праславянском языке не было краткого *o*, а было краткое *a*, и это положение существовало во всех славянских языках, по крайней мере в безударном положении, до начала IX в., т. е. почти вплоть до появления письменности, так что южно- и средневеликорусские диалекты, как и белорусский язык, сохраняют в этом отношении общеславянскую особенность. Основные доказательства этому следующие:

1. Русское аканье — не изолированное явление в славянских языках. Как уста-

¹ П. С. Кузнецов, К вопросу о происхождении аканья, ВЯ, 1964, 1, стр. 30 и сл.

² П. С. Кузнецов, Русская диалектология, 3-е изд., М., 1960, стр. 52.

³ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, 5-е изд., М., 1935, стр. 310; П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 2-е изд., М., 1954, стр. 136. Возражения П. С. Кузнецова (в кн.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 141 и сл.) неубедительны.

новлено новейшими диалектологическими исследованиями в Болгарии, оно присуще также одному архаическому южноболгарскому диалекту — родопскому (смялянскому). Вопрос русского аканья теперь уже нельзя рассматривать оторванно от родопского аканья.

Подобные явления мы находим также в одном сербскохорватском диалекте⁴ и в некоторых других славянских языках, однако, к сожалению, они все еще недостаточно хорошо изучены.

2. Гласный *a* в старославянских словах *ал(ъ)ди(и)*, *ал(ъ)ни(и)*, *ал(ъ)кати*, *ал(ъ)чьнъ*, как и в метатезированных словах типа *(i)rat*, *(i)lat* славянских языков, нельзя объяснить удовлетворительным способом из предполагаемого праслав. *o*, а только из праслав. *a*, так как измене-

ние *o > ā* непонятно, тогда как *a > ā* совершенно естественно.

3. В славянских именах нарицательных и собственных, упомянутых до начала IX в., — а они многочисленны — мы находим, по крайней мере, в безударном положении в сегда *a*, а не *o*; ср. имя анта *Δαβραγέζας* (VI в.) = праслав. *Dabraǰězdā* «добрый ездок» (греч. γε = je).

4. В греческой топонимии мы находим около 100 древних географических названий и некоторое количество древних заимствований славянского происхождения, в которых появляется *a* вместо предполагаемого *o* (например: Γαρίτσα = болг. *горѣца*, μαγούλα = болг. *могѣла*). Таково же положение в старинных славянских заимствованных именах нарицательных и географических названиях во всех языках, соседних славянским, как, например, в румынском, немецком, финском и др.

Эти проблемы рассмотрены подробно в моей книге «Вокалната система в развоја на славянските езици» (София, 1964).

В. И. Георгиев

⁴ См. недавно вышедшую статью: I. M a h n k e n, *Slavisch und Romanisch im mittelalterlichen Dubrovnik*, «Zeitschr. für Balkanologie», I, 1962/1963, стр. 60 и сл.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

400 ЛЕТ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

1 марта 1964 г. исполнилось 400 лет со дня выхода в свет первой датированной печатной книги на Руси — московского Апостола 1564 г. Дата определяется выходными данными, напечатанными в конце книги: «сѣа стѣа кнѣги... совершѣни же быша, в лѣто *ѣо, второѣ, марта, вь, а, днѣ...». Поскольку восемнадцать годами позже на Западе был введен григорианский календарь, который в настоящее время принят и у нас, причем разница в числах для XVI века составила десять дней, датой выхода в свет Апостола, строго говоря, следует считать не 1, а 11 марта. Как выпуск этой книги, так и вообще начало нашего книгопечатания связывается с именем Ивана Федорова. Трудно переоценить значение появления и распространения печатного слова для развития культуры страны, ее просвещения и науки. Ходовые памятники до появления книгопечатания многократно переписывались от руки, что требовало большого времени, повышало стоимость каждого экземпляра и не гарантировало полной точности и адекватности передаваемого текста. Даже теперь, при развитии таких технических средств, как радио и телевидение, печать является важнейшим средством передачи и хранения информации.

До того как развернулась в Москве деятельность Ивана Федорова и его помощника Петра Мстиславца, в восточнославянских землях уже использовались, помимо рукописей, немногочисленные книги церковного характера, печатанные церковнославянским кирилловским письмом. Наиболее ранние из них связаны с деятельностью выдающегося белорусского ученого, врача и богослова Франциска (Георгия) Скорины, получившего подготовку в западных университетах. Но первые славянские печатные книги — осуществленный Скориной славянорусский перевод библии — были им изданы в 1517—1519 гг. в Праге, т. е. за пределами не только Русского (Московского) государства, но и Литовского княжества, в состав которого входила тогда большая часть белорусских и украинских земель. В дальнейшем Скорина наладил печатную и издательскую деятельность в Вильно, т. е. на территории Литовского княжества,

где им также было выпущено несколько церковных книг (на церковнославянском языке с явными чертами белорусского языка) — наиболее ранняя из них Апостол 1525 г. Некоторые из этих книг могли быть известны и в Московской Руси.

С середины же XVI в. и здесь начинают появляться печатные книги (первоначально сплошь церковные по содержанию и на церковнославянском языке) своего, местного производства. О том, что еще в 1553 г. (т. е. свыше десяти лет до выхода первой датированной книги) началась подготовительная работа в этой области, говорит послесловие к московскому Апостолу 1564 г. До него напечатаны были Постная Триодь, два евангелия (отсутствие выходных данных не позволяет вполне точно определить время их выпуска в свет; одно из них, судя по водяным знакам, издано между 1551 и 1558 гг.). Грамота новгородским дьякам 1556 г. упоминает «мастера печатных книг» Марушу Нефедьева¹.

Как по уровню типографской техники, так и по тщательности выполнения (о чем свидетельствует отсутствие опечаток) Апостол, напечатанный в 1564 г. в Москве Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, далеко оставляет позади вышедшие ранее книги. Четкий шрифт, художественно выполненные заставки говорят о том, что наш первопечатник и его помощник хорошо были знакомы с техникой печатного дела. Знаком был, по-видимому, Иван Федоров и с изданиями Фр. Скорины.

На следующий год после издания Апостола Иван Федоров выпустил (двумя изданиями) Часовник.

Печатание в первую очередь именно церковно-религиозных книг для рассматриваемой эпохи вполне понятно. В средневековой России, как и в средневековой Европе, церковь играла большую роль в политической, общественной и культурной жизни страны. Распространение церковных книг в единообразном виде, который гораздо труднее достижим в рукописных текстах, чем в печатных, в эпоху

¹ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в.», М., 1955, стр. 425.

государственного объединения являлось насущной необходимостью. Уже в XVI в. подымался вопрос об унификации текста священного писания на Руси, завершившейся (в XVII в.) исправлением церковных книг (сближением их с греческими подлинниками) и началом раскола, руководители которого отстаивали каноничность славянского текста в той форме, которая утвердилась на Руси. В этих условиях весьма важно было иметь некоторый стабилизировавшийся, канонический текст, который существенно не отличался бы от принятого греческой церковью.

Язык Апостола и других изданий, осуществленных Иваном Федоровым, — это принятая на Руси разновидность церковнославянского языка, подвергшаяся известному влиянию со стороны живых древнерусских наречий. Но уже текст Апостола не совпадает полностью с имевшим у нас хождение книгами этого рода. Печатнику пришлось провести и определенную редакционную работу. Текст этот в его печатном виде акцентуирован, что дает возможность восстановить и определенные особенности расположения древнего ударного слога относительно безударных. Легко видеть, что это ударение характеризует принятую у нас церковнославянскую норму, причем имеются отступления от тех норм, которые наблюдаются в некоторых более ранних наших рукописных памятниках, например, в известной книге пророков, во многом отражающей южнославянское влияние в акцентации (книга пророков была скопирована с текста, писаного в Новгороде в 1047 г.; известно несколько ее списков XV—XVI вв.).

Печатание церковных книг в Москве продолжалось и после ухода Ивана Федорова и его помощника в Литву². Сам же Иван Федоров продолжал печатное дело и там, сначала в Заблудове, потом во Львове и, наконец, в Остроге. В 1569 г. им было выпущено Учительное евангелие, а в 1581 г. в Остроге — полный текст библии (так называемая Острожская библия, являющаяся первой русской печатной библией). Библиейский текст также подвергнут был известному редактированию, вследствие чего он кое в чем отступает от существовавшего у нас до того рукописного полного текста библии (Геннадиевская библия 1499 г.), включающего

² О причинах ухода Ивана Федорова в Литву и различных и разноречивых мнениях разных ученых по этому вопросу см.: М. Н. Тихомиров, Начало Московского книгопечатания, «Уч. зап. [МГУ]», 41. История (I), 1940; Г. И. Кольда, Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос об его уходе в Литву, «Труды Отдела древнерусской лит-ры [Ин-та русск. лит-ры]», XVII, М.—Л., 1961.

много архаизмов, а порой и чужеродных для русского и славянорусского литературного языка форм (ср., например, замену в книге пророка Исаяй L, 2 архаической и сохранившейся лишь в некоторых наших церковных памятниках, восходящих к южнославянскому источнику, формы действительного причастия будущего времени от глагола существования более обычной формой того же причастия настоящего времени). Впрочем такую последовательно осуществленную замену соответствующих форм, но иными, чем в Острожской библии, мы находим и в собрании некоторых библейских книг (в том числе и пророков) Шукинского собрания № 507 (хранится в Государственном историческом музее в Москве); эта рукопись датирована 1475 г., т. е. относится к более раннему времени, чем древнейшая из датированных рукописей, восходящих к тексту Ульриха Лихого.

Особого внимания заслуживает работа Ивана Федорова и других деятелей начальных лет нашего книгопечатания по изданию не специально церковных книг. Иваном Федоровым было осуществлено во Львове в 1574 г. издание начального руководства по церковнославянскому языку, предназначенного для первоначального обучения этому языку, который был необходимым элементом образования в восточнославянских землях (в том числе и на Руси), а также в той части Балканского полуострова, население которой в основном принадлежало к Восточной христианской церкви. Этот же язык у значительной части славян продолжал использоваться как стандарт литературного языка не только для церковных целей.

Указанное руководство является первым нашим датированным печатным памятником этого рода. Оно содержит славянскую азбуку «склады» (слоги), т. е. буквенные сочетания, для упорядочения в чтении, примеры слов и форм, различающихся лишь местом ударения, парадигмы церковнославянских форм склонения и спряжения, образцы текстов для чтения и запоминания — азбучный акrostих, молитвы, символ веры, отрывки из притчей Соломона и посланий апостола Павла. Парадигмы содержат следы южнославянского, именно среднеболгарского влияния, в текстах же, наряду с формами, характерными для русской разновидности церковнославянского языка, встречаются и формы, идущие из живого русского, а возможно, и украинского языка. Среднеболгарское происхождение имеет в парадигмах окончание -а в 1-м лице ед. числа настоящего времени глаголов (эта форма могла быть подержана и польским влиянием), в то время как в текстах этому окончанию соответствует восточнославянские *ou* (8), *ю*. Широко распространенное же в соответствии с праславянским *dj (при редком *жд*) также указывает на восточнославян-

скую основу. Архаическое ударение на окончании в глаголах IV класса типа *варитѣ, зритѣ, стоитѣ* (2-е лицо мн. числа) и т. д. и сейчас частью сохранилось в северновеликорусских говорах и в украинском языке. Особенности специально украинского языка характеризуют фразу, содержащую выходные данные (в конце книги): выдрѣковано во Львовѣ, рокѣ, а, фод'я.

³ О букваре Ивана Федорова подробнее см.: R. Jakobson, Ivan Fedorov's primer, «Harvard library bulletin», IX, 1, Cambridge (Mass.), 1955; Т. А. Быкова, Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников, ИАН ОЛЯ, 1955, 5; П. С. Кузнецов, Букварь Ивана Федорова, ВЯ, 1956, 2.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА V МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Проблема изучения истории древнеславянского («церковнославянского») литературного языка, выдвинутая еще на I съезде славистов (1929 г.) в знаменитых тезисах Пражского лингвистического кружка¹, привлекла более пристальное внимание ученых лишь на IV московском съезде² и была представлена во всей своей широте на миновшем V софийском конгрессе. В выработанной Международным комитетом славистов к V съезду тематике вниманию научной общественности предлагались такие темы: «Старославянский язык, его структурная характеристика и локальные типы», «История и периодизация локальных типов церковнославянского языка», «Роль церковнославянских элементов в истории отдельных славянских литературных языков»³. К этим темам примыкали вопросы о круге памятников, необходимых для реконструкции языка кирилло-мефодиевского периода, о взаимоотношении древнейших славянских центров письменности, о возможности построения истории древнеславянского литературного языка и его периодизации и о соотношении «церковнославянского» и древних славянских языков (русского, сербского, болгарского и др.).

Эти проблемы в основном и обсуждались на софийском съезде в докладах, сообщениях, ответах на вопросы и специальных статьях, вышедших к конгрессу.

¹ См.: TCCLP, I, 1929, стр. 22.

² См.: Р. М. Цейтлин, Вопросы изучения старославянского языка на IV международном съезде славистов, ВЯ, 1959, 2.

³ См.: «V международный съезд славистов. София 17—23 IX 1963. Проблематика и тематика. Вопросы для научной анкеты», София, 1962, стр. 5.

Указанные книги положили начало нашему книгопечатанию. В дальнейшем, на протяжении XVI—XVII вв., выходят у нас из печати книги различного содержания, церковные и не церковные (в том числе и переводные). В особенности же интенсивно развернулось книгопечатание начиная с Петровского времени, т. е. с начала XVIII в., когда и в печати перешли с церковнославянского языка на вновь формирующийся литературный язык на живой национальной основе, с чем связано было и введение, в первую очередь именно для печати, нового русского гражданского алфавита.

П. С. Кузнецов

Одним из центральных докладов съезда по интересующей нас тематике был доклад А. Достала (Прага) «Старославянский язык, его структурная характеристика и локальные типы»⁴. Докладчик справедливо отметил, что до сих пор старославянский язык, т. е. язык «классических» текстов X—XI вв., мало исследовался в синхронно-типологическом плане, и дал краткий, но достаточно четкий анализ фонологической и морфологической (с элементами словообразования) структуры этого языка. Особенно интересны наблюдения А. Достала в области структуры старославянского глагола; важна предварительная постановка вопроса об устойчивости структурных элементов старославянского языка в истории древнеславянского («церковнославянского») языка, а также о неправомерности рассмотрения последнего как результата простого смешения старославянского и народных славянских элементов.

Широкую постановку этой же проблемы в историко-культурном аспекте предложил Р. Пиккио (Рим) в докладе «К вопросу о православном славянстве и языковой церковнославянской общности»⁵. По его мнению, история церковнославянского языка не может быть установлена изучением более или менее широко распространенных норм отдельных

⁴ A. Dostál, Staroslověnský jazyk, jeho strukturální charakteristika a lokální typy, «Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii», Praha, 1963.

⁵ R. Picchio, A proposito della Slavia ortodossa e della comunità linguistica slava ecclesiastica, «Associazione italiana di filologia slava. Comunicazioni al V Congresso Internazionale degli Slavisti», Roma, 1963.

эпицентров (книжных школ, культурных центров). Следует поэтому считаться с тем, что различные церковнославянские нормы могли сосуществовать в кругу одной лингвистической общности» (т. е., вероятно, некоей теоретико-множественной суммы норм. — *Н. Т.*). «Если все же, — отмечает Р. Пиккио, — отказаться от понятия «общей нормы» для церковнославянского языка, то как можно определить тексты, не приписываемые лингвистическим национальным зонам?». Понятие «общей нормы» важно для «восстановления действительного равновесия между старыми понятиями «церковнославянского языка» и «редакция», без приношения в жертву первого термина исключительно в пользу второго». В связи с этим отдельные тексты, по мнению докладчика, можно исследовать следующим образом: во-первых, выделять в них сначала все элементы чисто локального характера, а затем исследовать происхождение «остающегося материала» (если такой «остающийся материал» будет объясним в кругу системы церковнославянского языка, то текст будет делиться на два компонента: местный и церковнославянский); во-вторых, определять способность «переместимости» текста, т. е. восприятие его в другой зоне греко-славянского мира без необходимого перевода. По мнению Р. Пиккио, «изучение „мигрирующих“ текстов является особенно важным в целях характеристики „языковой церковнославянской общности“». Эта безусловно плодотворная общая концепция нуждается, однако, в дальнейшей конкретной разработке: необходимо прежде всего установить критерии и процедуры определения показателей «лингвистической общности» церковнославянского языка и отношение к ним различных локальных церковнославянских норм (например, ресавской нормы и т. п.) для определенных эпох, затем выявить различия в сумме показателей и их соотношений в каждую эпоху, т. е. разработать принципы периодизации истории церковнославянского языка как «межславянского литературного языка», наконец — определить отношение его общей нормы (теоретико-множественной суммы локальных норм? — *Н. Т.*) к нормам отдельных славянских народных (зарождающихся национальных) литературных языков, что особенно важно для позднего периода. Последняя задача принципиально отличается от задачи исследования отдельных памятников по принципу выделения «остатка», после изоляции всех форм, «приводящих к местному лингвистическому употреблению», ибо такими «местными» формами могут быть формы и «местные литературные», и чисто диалектные. Отметим, что и характер «мигрирующих» текстов может быть функционально различным: одни тексты могли оставаться в другой локальной среде как «иноземные», хотя

в общем и понятные для образованного читателя, другие — воздействовать в языковом отношении (литературный аспект нами опускается) на изменение или становление норм другой среды (ср., например, роль сербских и болгарских текстов на Руси при втором южнославянском влиянии).

В связи с этим важное значение приобретает вопрос о взаимозависимости, относительной самостоятельности и авторитетности для других книжных центров отдельных локальных норм церковнославянского языка, норм, входящих, по терминологии проф. Р. Пиккио, в сферу единой церковнославянской общности. Автором этого обзора был подготовлен доклад на тему «Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.)»⁶, где более подробно рассматривалась языковая ситуация в «западнорусских» — виленском и киевском — центрах и определялось в основных чертах их влияние на церковнославянскую книжность всего греко-славянского ареала. И. Хамм в докладе «Хорватский тип церковнославянского языка»⁷ подчеркнул относительную автономность развития хорватского древнеславянского (в основном глаголического) «извода», объясняя ее рядом исторических причин и прежде всего различными условиями бытования церковнославянского языка в «греко-славянской» и «латино-славянской» культурных сферах. Отмечая значительную уозсть сферы функционирования церковнославянского языка в Далмации и Хорватии, ограничивающейся текстами конфессионального характера, И. Хамм говорит об обстановке двуязычия, в которой развивалась хорватская книжность: юридические кодексы, записи, грамоты велись на народном языке, получившем свою художественную обработку в произведениях ранних хорватских гуманистических писателей: Марка Марудича, Дяко Држича, Шишко Менчетича, а церковные тексты — на церковнославянском и латинском (латинский и итальянский, однако, широко использовались и в светской литературе). Несомненно, внимания заслуживает и опыт периодизации хорватского типа церковнославянского языка, предложенный И. Хаммом: I период — от кирилло-мефодиевской эпохи до XVI в.; II период — протестантская пропаганда второй половины XVI в.; III период — русифицированная редакция с 30-х годов

⁶ «Славянское языковедение. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1963.

⁷ J. H a m m, Vom kroatischen Typus des Kirchenslavischen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», X, 1963, то же: J. H a m m, Hrvatski tip crkvenoslavenskog jezika, «Slovo», 13, 1963.

XVI в. до конца XIX в. включительно. Первый период подразделяется на три этапа: 1) до середины XIV в.; 2) до последней четверти XV в.; 3) до начала XVI в., — из коих последние два характеризуются довольно активным проникновением народного языкового элемента в сферу профессиональной глаголической литературы. Вопросу установления языковой принадлежности памятников XV и начала XVI в. в связи с задачей составления словаря церковнославянского языка⁸ посвящен интересный доклад А. Назора (Загреб) «Языковые критерии при определении нижней границы церковнославянского языка в хорватско-глаголических текстах»⁹. Докладчица выделила основные, релевантные по ее мнению, показатели церковнославянского и народного

⁸ Старославянский институт в Загребе (Югославия) ведет с 1950 г. работу по расписыванию древних хорватских глаголических текстов, главным образом из «миссалов» и «бrevиаров». До сих пор расписано 2200 стр. на 140 000 основных и контрольных карточках, на основании которых выделено 6000 лексем (см. подробнее в статье В. Штефанича «Проблема словаря древнеславянского языка южнославянских редакций», «Slovo», 11—12, 1962). Словарь древних хорватских глаголических текстов дает новый исключительно важный материал для истории церковнославянского языка в целом и для реконструкции древнейшего типа старославянского языка — языка эпохи Кирилла и Мефодия. Еще М. Н. Сперанский отмечал ценность хорватско-глаголических текстов, дающих возможность установить «связь между древнейшими текстами православного, восточного вообще христианства и западного». С их помощью «мы можем набросать картину жизни евангельского текста от глаголических памятников X—XI вв. до его перехода в католические миссалы XIV—XV вв.» (см.: М. Сперанский, Разбор сочинения Г. А. Воскресенского «Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям Евангелия XI—XVI вв.», М., 1896; е го же, Древнеславянское Евангелие, Сергиев Посад, 1894; е го же, Древнеславянский Апостол, Сергиев Посад, 1892; см. также «Отчет о тридцать девятом присуждении наград графа Уварова», СПб., 1899 («Зап. Имп. Акад. наук», VIII серия, III, 5), стр. 87; эту же задачу несколько позже ставил А. В. Михайлов (см. его статью «К вопросу о литературном наследии свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бrevиарях», РФВ, LI, 1904).

⁹ А. Назор, Jezični kriteriji pri odredjivanju donje granice crkvenoslavenskog jezika u hrvatskoglagoljskim tekstovima, «Slovo», 13.

(субстратного) языка — фонетические (графические), морфологические, лексические, предложила, подобно Р. Пиккио, статистически определять соотношение показателей и на этом основании причислять или не причислять данный текст (resp. отрывок текста) к церковнославянскому. Такая работа была ею проделана над языком сборника Иванчица (начало XV в.).

Ряд докладов был посвящен румынской редакции церковнославянского языка. Здесь следует прежде всего отметить изобилующий широкими обобщениями доклад П. Панаитеску (Бухарест) «Характерные черты славяно-румынской литературы»¹⁰. Понимая под термином «литература» письменность вообще, П. П. Панаитеску определяет церковнославянский («книжнославянский») язык как «классовый язык в том смысле, что он изучался придворными людьми и духовенством и не был родным языком, а культурной речью господствующего класса, который в течение многих веков монополизировал просвещение». Румынские ученые включают в «книжнославянский язык» не только язык классической профессиональной литературы, гомилетической и аскетической литературы, житий и апокрифов, но и язык летописей, а также, что существенно меняет общую картину, и язык многочисленных грамот, противопоставляя его целиком комплексу заметников, написанных на румынском языке. Для историка же церковнославянского языка отнюдь не маловажны различия, наблюдаемые в этом бывавшем на территории Молдавии, Валахии и Трансильвании «книжнославянском» языке. В коллективном докладе «Характерные черты книжнославянского языка румынской редакции (XIV—XVI вв.)»¹¹ отмечается необходимость «учитывать и различия между языком письменности, предназначенной для нужд церкви, и канцелярским языком»; сам же доклад всецело посвящен фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям последнего, т. е. языка грамот. Включение языка молдавских и валашских грамот в сферу «книжнославянского» языка позволило Г. Михайле в докладе «Книжнославянское влияние на румынский литературный язык (лексика)»¹² внести поправку в схему соотношения церковнославянского языка с древними славянскими литературными языками, предложенную автором этих строк¹³,

¹⁰ «Romanoslavica», IX, 1963.

¹¹ Л. Джамо, О. Стойкович, М. Осман, Е. Линца, М. Миту, Характерни черти на книжнославянски език, Руманска редакция (XIV—XVI в.), «Romanoslavica», IX.

¹² «Romanoslavica», IX.

¹³ См.: Н. И. Толстой, К вопросу о древнеславянском языке как общем ли-

в виде привлечения нового «внешнего» компонента — «румынского народно-разговорного субстрата». И если для языка грамот роль такого компонента достаточно очевидна, то степень его влияния на язык «письменности, предназначенной для нужд церкви» (и не только церкви. — Н. Т.), еще следует определить. Видимо, изучая общую историю церковнославянского языка с учетом всех областей его территориального распространения, тексты юридического характера (граммоты, кодексы) следует исключить из его сферы и рассматривать отдельно, как это часто делается применительно к хорватским глаголическим, сербским, русским и другим грамотам. Выявление в влахо-молдавских грамотам с точки зрения исторической диалектологии южно- и восточнославянских языков (см. работы С. Б. Берштейна, А. Яцимирского, В. Розова, Д. П. Богдана и др.) не случайно и продиктовано в первую очередь их языковым материалом. К славяно-румынским юридическим текстам, видимо, следует применить предлагаемый Р. Пиккио и А. Назор статистический критерий, выделив следующие компоненты: церковнославянский, сербский, болгарский, украинский, румынский, общий (см. ниже о языке Ю. Крижанца). Славяно-румынская письменность не юридического характера чрезвычайно интересна как связующее звено между восточным и южнославянским ареалами, ее роль в эпоху второго южнославянского влияния значительна (ср., например, деятельность Г. Цамблака), а ее основной фонд, прежде всего оригинальный, требует сравнительного анализа с другими, хронологически ей синхронными «редакциями» церковнославянского языка.

Вопрос о «втором южнославянском влиянии», поднятый на предшествующем московском съезде (см. доклады В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева и др.), не был предметом специального обсуждения на софийском съезде. Однако накануне съезда увидело свет очень значительное исследование В. А. Мошина¹⁴, мимо которого, как нам представляется, нельзя пройти. В. А. Мошин приводит ряд новых, преимущественно исторических фактов, свидетельствующих о русском влиянии на письменность славянского Юга в конце XII в. и XIII в. и о тесной связи культуры Киевской Руси с Западом в XI—XII вв.

тературном языке южных и восточных славян, ВЯ, 1961, 1, стр. 59.

¹⁴ В. Мошин, О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв., в кн. «Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур», М.—Л., 1963 («Труды Отдела древнерусской лит-ры [Ин-та русск. лит-ры]»; см. также: В. Мошин, О периодизации русско-южнославянских книжных связей, «Slovo», 11—12, 1962.

Касаясь вопроса «второго южнославянского влияния», он полемизирует с представлением, прочно сложившимся еще после работ П. А. Сырку о том, что тырновская школа патриарха Евфимия определяла характер литературного направления эпохи и была посредницей между Русью и Сербией. Контакты между восточными славянами и сербами носили и непосредственный характер (особенно на Афоне, в Константинополе, в Солуне), развитие «высокого» агиографического стиля, столь характерного для «второго южнославянского влияния», протекало в Сербии, во многом независимо от Болгарии; можно достаточно последовательно, с привлечением значительного числа фактов, проследить истоки и эволюцию этого стиля, начиная от школы св. Саввы и Стефана Первенецкого, обращаясь к Доментиану, Феодосию и Даниилу и кончая Иоанном Синайским, старцем Исаией и др. По мнению В. А. Мошина, по отношению к этому процессу «болгарская стилистика школы патриарха Евфимия представляет однородное явление: результат аналогичного развития литературы в соседней области, жившей теми же культурными интересами, как и Сербия Неманичей. Точно так же и потребность исправления книг и проистекавшая из того реформа архаизированного правописания по греческому шаблону была осознана на славянских Балканах уже в начале XIV в., она подготавливалась постепенно в Болгарии и Сербии и патриарх Евфимий только систематически оформил то, что уже вошло в жизнь в середине XIV в.»¹⁵ На Руси имелись все предпосылки для аналогичного литературно-стилистического движения, ибо «только наличие общего культурного единства могло создать почву, на которой в течение короткого промежутка времени могло вырасти культурное движение столь важного значения, как «второе южнославянское влияние» в русской литературе»¹⁶. Более частный вопрос, касающийся той же эпохи, поднят в докладе М. Мулича (Загреб) «Сербское «плетение словес» до XIV столетия»¹⁷, где автор, примыкая к концепции В. А. Мошина и используя определения приемов стиля «плетения словес», предложенные на прошлом московском съезде Д. С. Лихачевым¹⁸, к произведениям Доментиана,

¹⁵ V. Mošin, O periodizaciji..., стр. 128—129.

¹⁶ Там же, стр. 129.

¹⁷ M. Mulič, Srpsko «pletenje sloves» do 14. stoljeća, «Radovi Zavoda za slavensku filologiju», 5, Zagreb, 1963.

¹⁸ См.: Д. С. Лихачев, Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России, сб. «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике», М., 1960.

Феодосия и Даниила (XIII — начало XIV в.), приходит к выводу, что «зарождение „плетения словес“ в славянской агнографической литературе нельзя связывать исключительно с тырновской литературной школой патриарха Евфимия, появившейся гораздо позже, нежели действовали упомянутые сербские писатели»¹⁹. Следует, однако, отметить, что при столь широком понимании термин «плетение словес» требует уточнения и внутренней дифференциации. Стиль Доментяна²⁰, Феодосия и Даниила тесно связан с библейским и достаточно лапидарным новозаветным стилем и в то же время зависим от имевшего очень значительное влияние на всю стилистику славянского средневековья стиля псалтыри²¹. Стиль упомянутых сербских агнографов несколько отличается от стиля Евфимия и его школы, который в свою очередь еще далек от значительно более цветистого стиля Епифания Премудрого. Таким образом, славянское «плетение словес» имеет свою историю, разные этапы развития, и задача исследователей состоит не столько в том, чтобы устанавливать его приоритет (его следует искать в греко-византийской литературе), сколько в том, чтобы установить общие формально-лингвистические критерии его оценки, его эволюции. Таких исследований еще очень мало; в качестве примера можно пока привести, пожалуй, только достаточно ограниченную по теме и материалу источников, но безусловно перспективную по результатам работу М. Н. Сперанского «Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле русской литературной школы XV—XVI вв. (из истории византийско-югославяно-русских связей)»²².

¹⁹ M. Mulić, Srpsko «pletenje sloves», стр. 129.

²⁰ Любопытные наблюдения над стилем Доментяна даны в докладе А. Шмауса (A. Schmaus, Die literarhistorische Problematik von Domentjanas Sava-vita, «Opera slavica», IV, Göttingen, 1963).

²¹ Исследователи древнеславянской стилистики, увы, часто проходят мимо хорошо систематизированного и обильного материала Ст. Станоевича и Д. Глумца, представляющего общие места («цитаты») в произведениях древнесербских писателей [св. Саввы, Стефана Первовенчанного, Доментяна, Феодосия, Даниила, Константина Философа (Костенянского) и др.] и в ново- и старозаветных славянских текстах (см.: Ст. Станоевич, Д. Глумец, Св. Писмо у нашим старим споменцима, Београд, 1932). К сожалению, подобная очень важная работа не проделана в отношении текстов древнерусских и древнеболгарских писателей.

²² См.: М. Н. Сперанский, Из истории русско-славянских литературных связей, М., 1960, стр. 160—197.

Для истории древнеславянского (церковнославянского) языка существенно также проблемы, связанные с его влиянием и взаимоотношением с другими славянскими и неславянскими литературными языками. Этим вопросам были посвящены доклад М. Лесюва (Люблин) «Роль церковнославянизмов и полонизмов в украинском письменном языке XVII в.»²³, опирающийся на языковой материал шести украинских драматических памятников, и доклад румынского исследователя П. Олтяну (Бухарест) «Славно-русские оригиналы первых румынских учительных евангелий»²⁴.

Небезынтересны для исследователей древнеславянского литературного языка и доклады, посвященные языку Юрия Крижанича, и не только потому, что им была сделана попытка создать искусственный, тоже «межславянский», язык, призванный заменить древнеславянский, но и по тем методическим приемам анализа, которые использовались в некоторых докладах. Здесь следует прежде всего отметить работу Т. Экмана (Копенгаген)²⁵, в которой был произведен предварительный статистический анализ лексем и их морфологических и фонетических особенностей по принципу их принадлежности к тому или иному языку. Из основных славяноязычных произведений Крижанича было взято 300 слов в начале произведения и такое же количество в конце. В итоге было рассмотрено 5100 слов и получены результаты, приведенные в таблице на стр. 160.

Данные таблицы показывают, сколько значителен удельный вес церковнославянского языка даже в языке Крижанича, пытавшегося порвать с традицией. Интересно распределение показателей по жанрам, хотя в пределах отдельных лексических групп они достаточно устойчивы. Если сложить процентные показатели общ., ц.-сл., цсл./ру., цсл./сх., цсл./по., то общий процент показателей, свойственных вообще церковнославянскому языку, будет для «Путного описания», например, 77,9% против 22,1%. Церковнославянский (resp. старославянский) язык в истории современного русского литературного языка прежде всего, и в меньшей мере в истории болгарского и сербского, играл решающую роль не только в том отношении, что был источником ряда слов (лек-

²³ M. Lesiów, Rola cerkiewizmów i polonizmów w ukraińskim języku pisanym XVII w., «Z polskich studiów slawistycznych», ser. II, Warszawa, 1963.

²⁴ P. Olteanu, Les originaux slavorusses des plus anciennes collections d'homélies roumaines, «Romanoslavica», IX.

²⁵ Т. Экман, Грамматический и лексический состав языка Юрия Крижанича, «Dutch contributions to the V international congress of slavists», The Hague, 1963.

Общ. ¹	ц.-сл.	рус.	с.-х.	по.	цсл./ру.	цсл./сх.	цсл./по.	ру./сх.	ру./по.	по./сх.	укр.	чуж.	выдум.
54,3	13,3	5,7	6,7	3,7	5,7	2,3	2,3	1	0,7	0,3	—	2	2
47,7	2,3	40,3	4	12,7	14,7	1,7	1	1	1	2,3	0,3	0,3	1
53	5	6,7	40,3	2,3	5,5	7	1,2	0,7	0,3	0,1	—	0,3	7,5
58,7	4,4	6	8,8	2,5	3,5	2,5	0,3	1,7	0,7	0,8	—	2,3	7,6
52	4,5	6,5	14	1,3	4	4,8	—	2,3	—	1	—	0,5	9
55	9,3	6	4,5	2	6	8,3	0,7	0,5	0,3	—	—	4,5	3
64	7,3	3,3	6,5	0,5	7,8	7,3	0,3	0,7	0,3	—	—	0,7	1,7
62,8	40	2,7	6	0,7	7,3	3,7	0,3	0,3	—	0,5	—	3,5	2
60,3	5,3	4,5	2,7	—	10	4	—	—	0,3	—	—	0,7	1,7

¹ Сокращения означают: общ. — общие для всех славянских языков слова и формы; цсл./ру., цсл./по., цсл./сх. — общие для церковнославянского и русского (соответственно — польского, сербохорватского) и сл.-фр. — церковнославянские; рус. — русские; по. — польские; укр. — украинские; чуж. — иностранные; выдум. — выдуманные Крижаничем; сочинения Крижанича: Рук. ор. — «Объяснение об Лєвѣна до Москви», Усмотрѣние — «Usmotrenie o Carskom Wehczeslavi»; Обл. — «Объяснение вѣдѣно о писмѣ Словѣнскомъ»; Грам. — «Грамматично изказанје об руском језику»; ОСК — «Об светом крещеню»; Толк. — «Толкование исторических прочтеств»; Обл. — «Обличеніе на Солонечку Челобѣту» (сокращения даны по докладу Т. Экмана).

сем) и их форм (егаг вместо ворог, искодитъ наряду с выходить, толстый вместо толстой, кипящий наряду с кипучий и другие известные факты), но и в том отношении, что способствовал выделению из русских (госр. болгарских и др.) диалектов лексем и семем (слов и их значений), общих с ним, определил во многом семантическую, морфологическую и синтаксическую структуру. На несколько ином принципе «оттадживания» строились современные украинский, белорусский, сербский литературные языки, хотя и не в полной мере. Задачи изучения общего фонда разных славянских литературных языков в их отношении между собой и к церковнославянскому на разных этапах их развития — одна из важных и перспективных проблем, еще мало разработавшихся в славистике. Языку Ю. Крижанича были посвящены также доклады М. В. Дю-Фэ (Великобритания) «Юрий Крижанич и общеславянский синтаксис» и М. Храсте (Загреб) «К изучению хорватско-сербского языка Ю. Крижанича»²⁶. Анализ М. Храсте показал, что сербохорватские элементы в языке Крижанича — в основном чакавские, хорошо отражающие его родной диалект (сед Рибника и Липника Озальской общины)²⁷ с некоторыми примесями из литературной кайкавщины XVII в.

Ряд докладов был посвящен анализу языка отдельных, преимущественно старославянских, памятников. Среди них следует в первую очередь отметить доклад К. Мирчева (София) «О языковых особенностях недавно открытых фрагментов древнейшего славянского апостольского текста — Енинского апостола XI в.»²⁸, отрывка пергаментной кириллической рукописи (39 листов), найденной в с. Енина Казаньской околии (центральная Болгария). Отрывок отличается архаизмом языка и графика (встречаются глаголические буквы — Ѣ и Ѡ), наличием лишь одного знака для редуцированных (ѣ) и отсутствием йотации гласных е, х и я. Эти и некоторые другие черты объединяют его с известными списками Ундольского; можно предположить, что он относится к той же школе письма. Болгарская Академия наук готовит издание памятника с подробным палеогра-

²⁶ М. Нрасте, Prinosi poznavanju hrvatskosrpskog jezika J. Krizaniča, «Rdovi Zavoda za slavensku filologiju», 5.

²⁷ К аналогичным выводам пришел на основании изучения акцентной системы языка сочинений Ю. Крижанича В. А. Дыбо в своей работе «Глагольная акцентуация в славянском» (в печати).

²⁸ К. Мирчев, За езиковите особености на новооткрити фрагменти от най-стар славянски апостолиски текст — Енински апостол от XI в., сб. «Славянска филология», III, София, 1963.

фическим и лингвистическим анализом К. Мирчева и Хр. Кодова. Появление этого нового памятника — безусловно самое крупное событие в области древнеславянской филологии за послевоенный период. Л. Мошиньский (Торунь) выступил с докладом «Языковые пласты в Зографском кодексе»²⁹, в котором широко использовал статистический метод для определения более архаических и инновационных черт в различных главах четырех евангелий (Матфея, Марка, Луки, Иоанна) — этого древнего глаголического кодекса — и определил их соотношение внутри текста. Подобный анализ очень перспективен и может быть с успехом применен и к более поздним памятникам, особенно к тем памятникам, которые имели несколько писцов или зафиксированы в разных списках. Н. Дылевский (София) дал краткое описание рукописного евангелия среднеболгарской (влахо-болгарской) редакции в докладе «Украинское рукописное евангелие 1568 года из Галича в Музее возрождения города Свиштова в Болгарии»³⁰.

Старославянской графике был посвящен доклад П. Враны (Загреб) «Старославянская графическая система и его фонетическая реализация»³¹, в котором дан анализ глаголической и основанной на ней, по мнению докладчика, кириллической графической системы. Древнейшая глаголическая система, реконструируемая П. Враной, имела 38 графем, что согласуется со свидетельством Черноризца Храбра; она не вполне соответствовала фонологической системе старославянского языка, особенно в отношении палатальных согласных.

Минувший 1963 год был, как известно, годом 1100-летнего юбилея славянской письменности. Софийский съезд поэтому был посвящен памяти Кирилла и Мефодия — первоучителей славянских. Кирилло-мефодиевская тематика заняла все второе пленарное заседание, на котором были оглашены доклады Э. Георгиева (София) «Кирилл и Мефодий в борьбе и развитии средневековой Европы», П. Курца (Прага) «Значение деятельности Кирилла и Мефодия в истории славянской культуры»³², А. Мраза (Братислава) «Кирилло-мефодиевское на-

следие в литературе братских народов»³³ и упомянутый выше доклад Р. Пиккио. В Софии накануне съезда вышел юбилейный сборник «Хиляда и сто години славянска писменост. 863—1963» (изд. БАН) со статьями П. Динскова о значении Кирилла и Мефодия для развития древнеболгарской литературы, Э. Георгиева о роли солунских братьев в развитии болгарской культуры, Б. Ст. Ангелова о свидетельствах о Кирилле и Мефодии в славянских печатных книгах XV—XVII вв., К. М. Куева о Кирилловом пространном житии как историческом памятнике и других авторов. Ряд интересных исследований, посвященных деятельности Кирилла и Мефодия и изучению их литературного и культурного наследия, появился в других изданиях в Болгарии, Югославии, Чехословакии и в нашей стране. Однако их рассмотрение потребовало бы специального обзора.

Отметим лишь, что в Софии вышел библиографический справочник «Кирилл и Мефодий. Библиография на българската литература 1944—1963» (изд. Софийского университета, 1963, 46 стр.), продолжающий частично, так как охватывает лишь публикации, вышедшие в Болгарии, известную работу Г. А. Ильинского³⁴, без которой специалисту по старославянскому языку трудно обходиться. В 13-м выпуске загребского «Slovo» дана полная библиография трудов Франа Гривца³⁵, известного специалиста по кирилло-мефодиевскому вопросу, а в 7-м выпуске «Вопросов славянского языкознания» — библиография советских работ о Кирилле и Мефодии и по старославянскому языку за послевоенный период³⁶. Следовало бы серьезно поставить вопрос о продолжении издания «Кирилло-мефодиевской библиографии», так как число работ по этой тематике растет из года в год, а появляются они часто в редких и малодоступных широкому кругу славистов изданиях, как в наших отечественных, так и в зарубежных.

Н. И. Толстой

²⁹ См. под другим названием: А. Мгаз, Zástoj cyrilometodejskej idey u bernolákovcov, «Ceskoslovenské přednášky...»

³⁴ См.: Г. А. Ильинский, Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии, София, 1934; см. также: М. Попруженко, Ст. Романский, Кирилло-мефодиевская библиография за 1934—1940 год, София, 1942.

³⁵ См.: М. Pantelić, Život posvećen čirilometodskoj problematici, «Slovo», 13.

³⁶ См.: И. Е. Можжаева, К. И. Ходова, Библиографический указатель литературы по старославянскому языку, опубликованной в СССР за период с 1945 по 1961 г., ВСЯ, 7, М., 1963.

²⁹ L. Mozyński, Warstwy językowe w Kodeksie Zoграфskim, «Z polskich studiów slawistycznych», ser. II.

³⁰ Сб. «Славянска филология», III.

³¹ J. Vrana, Staroslovenski grafijski sistem i njegova fonetska realizacija, «Radovi Zavoda za slavensku filologiju», 5.

³² J. Kurz, Význam činnosti slovanckých apoštolů Cyrila a Metoděje v dějinách slovanské kultury, «Slavia», XXXII, 3, 1963.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

5 февраля 1964 г. в Институте языкознания АН СССР состоялось пленарное заседание Научного совета по теории советского языкознания, созданного при Отделении литературы и языка АН СССР в 1962 г. Заседание Совета было посвящено итогам его деятельности за 1963 г. и обсуждению основной проблематики советского языкознания в области теории языка на период 1966—1970 гг.

Во вступительном слове председатель Совета член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский (Ленинград) рассказал об основных задачах Совета, заключающихся в выработке главных направлений научных исследований по теории общего языкознания и координации этих исследований, ведущихся в различных лингвистических центрах нашей страны. Как сообщил В. М. Жирмунский, в соответствии с поставленными задачами работа Совета выражалась прежде всего в проведении координационной и консультативной деятельности, связанной главным образом с рассмотрением и анализом планов научных исследований по тематике Совета. К сожалению, отметил докладчик, координационная работа Совета ограничивалась пока согласованием планов научных исследований, проводящихся преимущественно в академических учреждениях страны, а планы вузов за редким исключением Советом не рассматривались. К тому же деятельность Совета сводилась в основном к обсуждению и просмотру уже готовых планов.

Вторым направлением деятельности Совета являлись выезды членов бюро Совета в различные центры страны для координации и знакомства с лингвистической работой на местах. Такие поездки были организованы в Баку, Алма-Ату, Ташкент и Фрунзе. Осенью 1963 г. Совет организовал выездную сессию в Тбилиси, на которой состоялся обмен информацией о деятельности Научного совета и работе грузинских языковедов в области общего языкознания.

Научный совет активно участвует в организации и проведении всевозможных сессий и конференций, часто всесоюзных, на которых обсуждаются основные теоретические проблемы науки о языке. Особым достижением Совета является выпуск специальной серии книг под общим названием «Вопросы теории языкознания», которая, по словам В. М. Жирмунского, «ставит себе задачу дать возможностям отдельным советским языковедам и руководителям ями научным коллективам изложить теоретические основы конкретной исследовательской работы, осуществляемой ими в той или иной области языкознания»¹. Уже вышли в свет работы этой

серии И. И. Мещанинова «Структура предложения» и В. З. Панфилова «Логика и грамматика», печатается работа Э. А. Макаева «Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики», намечен и ряд других брошюр.

В заключение В. М. Жирмунский подчеркнул, что у советского языкознания сложились свои традиции, значение которых не следует недооценивать, что советское языкознание занимает передовые позиции в целом ряде отраслей лингвистики (германистике, тюркологии, иранистике и др.) и имеет все основания занять подобающее ему место и в теории общего языкознания.

Доклад зам. председателя Научного совета М. М. Гухман (Москва) был посвящен конкретным предложениям по основной проблематике теории советского языкознания на 1966—1970 гг. Отметив, что направление исследовательской работы на этот период и отбор важнейших тем, подлежащих изучению, определяются тремя факторами: 1) задачами, стоящими сейчас перед лингвистикой как особой отраслью знания, 2) современным состоянием советского языкознания и 3) тем кругом вопросов, который входит в компетенцию данного Совета в его отличии от других лингвистических советов (по истории языка и диалектологии, по лексикологии и лексикографии, по закономерностям развития литературных языков), М. М. Гухман подчеркнул особую роль вопросов методологии науки. Как известно, методологические проблемы стоят сейчас в центре внимания всех общественных наук; на важность и актуальность этих вопросов было указано в докладе акад. Л. Ф. Ильичева на заседании Президиума АН СССР этой осенью и в специальном постановлении Президиума по этому докладу.

Остановившись на характеристике состояния разработанности вопросов методологии, М. М. Гухман в качестве основных теоретических и методологических вопросов, разработка которых настоятельно необходима, выделила определенные циклы тем, которые группируются вокруг пяти главных проблем: 1) формы проявления социальной природы языка в его структуре, функционировании и развитии; 2) основные вопросы соотношения языка и мышления; 3) определение объекта языкознания и основные онтологические характеристики этого объекта: понятие системы и структуры, основные лингвистические единицы; 4) понятие лингвистических закономерностей и изучение типичного в структуре языка и в процессах изменения этой структуры (синхронно-сопоставительная и историческая типология); 5) методика лингвистического исследования и описания.

Само собой разумеется, сказала М. М.

¹ И. И. Мещанинов, Структура предложения, М.—Л., 1963, стр. 3 (предисловие).

Гухман, что теоретические вопросы, встающие перед советским языкознанием, не исчерпываются указанной проблематикой, и в докладе были намечены лишь важнейшие методологические вопросы науки о языке, являющиеся сейчас первоочередными.

Сообщения В. М. Жирмунского и М. М. Гухман вызвали оживленные прения собравшихся. Т. П. Ломтев (Москва), в целом соглашаясь с кругом проблем, очерченных в докладах В. М. Жирмунского и М. М. Гухман, подчеркнул особую важность проблем, касающихся философских основ нашей науки. Опыт развития естественных наук, сказал он, свидетельствует о том, что разработка этих проблем имеет первостепенное значение. Важным представляется Т. П. Ломтеву и усовершенствование математических методов применительно к различным аспектам языка, а также уточнение репертуара наших понятий — их логико-математическое обоснование, определение границ их рационального использования и т. д.

А. С. Чикобава (Тбилиси) указал в своем выступлении, что изучение закономерностей языка как в статике, так и в динамике должно, по его мнению, происходить в двух аспектах — в связи с культурой и историей культуры, с одной стороны, и по отношению к мысли и истории мысли, — с другой. Важно при этом уделять большее внимание вопросам философии языка и критическому анализу зарубежных философских построений.

По мнению Р. А. Будагова (Москва), в истории нашей науки последних лет отчетливо сказывается существование двух различных направлений — «традиционного» и структурального. Прежде чем объединить работу двух этих направлений, необходимо установить исходные принципы, которые позволили бы это осуществить. В частности, вряд ли целесообразно, по мысли Р. А. Будагова, призывать к полной математизации языкознания; по-видимому, в лингвистике, как и в других общественных науках, существуют такие области исследования, где математика и ее методы неприменимы. Говоря о задачах нашей науки на будущее, нельзя забывать традиций прошлого и того, что именно в советском языкознании многие проблемы получили свое оригинальное толкование.

В выступлении Б. А. Серебрянкиной (Москва) было подчеркнуто, что главная задача в области теории заключается сейчас в правильной формулировке проблем, возникающих на разных ярусах языкового обобщения, а также в определении взаимозависимости и взаимоподчинения подобных проблем. Множество тем, связанных с элементарным описанием языка или частными лингвистическими исследованиями, должно быть подчинено решению вполне определенных задач на самом высоком теорети-

ческом ярусе. Эти последние, в свою очередь, должны быть предельно конкретизированы. Вместо того, чтобы выдвигать такие ничего не говорящие темы, как «Язык и мышление», следовало бы поставить расчлененно вопрос о том, какова, например, роль мышления в образовании различных языковых структур, опирается ли мышление только на лингвистические средства и т. д. Уяснение этих проблем и их соподчинения значительно способствовало бы развитию советского языкознания.

С. Д. Кацнельсон (Ленинград) поделился своими соображениями о необходимости перестроить организационные формы работы в области теории языка. Теоретическое языкознание, указал он, часто растворяется у нас в описательном языкознании, а это тормозит его развитие. Нужны специальные кадры людей, занимающихся общим языкознанием. Беда не в том, полагает С. Д. Кацнельсон, что по теории общего языкознания существуют значительные разногласия, но в том, что они недостаточно выявлены, а вследствие этого не подвергаются более широкому обсуждению. В частности, представляется необходимым наладить систематическое рецензирование и обсуждение книг по теоретическим проблемам лингвистики.

К. Е. Майтинская (Москва) предлагает при выдвижении таких тем, как «Язык и мышление» или «Язык и общество», предусмотреть заранее необходимость привлечения новых широких лингвистических данных, в том числе материалов неиндоевропейских языков. Без этого решение подобных проблем будет носить характер априорных построений или даже предвзятых умозаключений. В качестве важной темы будущих коллективных исследований, направленных на поиски типичного в языке, К. Е. Майтинская предлагает тему «Типология частей речи». Необходимой предпосылкой исторических и типологических исследований являются, по ее мнению, работы сравнительно-исторического характера.

Н. С. Чемоданов (Москва) указал в своем выступлении, что полезная деятельность Совета должна быть подкреплена рядом организационных мероприятий. Следовало бы всячески усилить сотрудничество академических учреждений страны с университетами и вузами. Следует также рекомендовать проведение дискуссий по теоретическим проблемам языкознания с тем, чтобы привлечь к ним языковедов, разделяющих разные точки зрения. Это поможет преодолеть некоторую разобщенность в нашей работе.

А. А. Уфимцева (Москва) подчеркнула, что Совет обложен такими правами и полномочиями, которые позволяют ему стать подлинным координационным центром научной работы в области

теории языка. Он должен и впредь проводить мероприятия, направленные на рациональное распределение работ по различным учреждениям страны. Его задача — точное определение научных планов и выделение первоочередных проблем по теории советского языкознания. Решению этих проблем должны быть подчинены и научные планы секторов Института языкознания АН СССР.

В своем выступлении В. Н. Ярцев (Москва) коснулась вопроса о необходимости разграничивать в частных языковедческих работах методы и приемы исследования. Значительным недостатком таких исследований, особенно диссертационных работ, является их теоретический эклектицизм. Нередко новые методы только декларируются и не приводят по существу к новым результатам. Следует поэтому усилить внимание к методике исследования — с этой целью можно было бы предложить серию теоретических работ, в которых указанные проблемы нашли бы свое объяснение.

Ю. Д. Дешерев (Москва), присоединившись к общему мнению о содержательности прослушанных докладов, считает необходимым уточнить темы исследований, связанные с вопросом о методах лингвистического анализа: формулируя их, надлежит указать, применительно к какой области языка данный метод будет разрабатываться (машинному переводу, конкретному анализу языка и т. д.). В постановке таких тем, как «Язык и мышление» и «Язык и общество» важно выделить две стороны проблемы: роль языка в развитии общества и, наоборот, роль общества в развитии языка.

В. М. Солнцев (Москва) считает необходимым привлечь внимание языковедов к уточнению основных лингвистических понятий. Даже в самых общих определениях такого явления, как язык, еще много неясного и вызывающего споры. Было бы поэтому желательным, полагает В. М. Солнцев, запланировать ряд специальных монографических исследований, посвященных выяснению сущности фундаментальных категорий лингвистики.

В заключительном слове М. М. Гухман уточняет содержание некоторых тем, ставших предметом дискуссии на этом заседании. В. М. Жирмунский поблагодарил всех выступавших, отметил, что их пожелания и предложения будут учтены в дальнейшей работе Совета.

Е. С. Губрякова (Москва)

Микропонимия — особая группа топонимических наименований — при ее бесспорном научном и практическом значении почти не подвергалась исследованию и обсуждению. Поэтому созыв первого совещания, посвященного изучению про-

блем, связанных с микропонимией, получил горячее одобрение топонимистов нашей страны. На совещание, созданное филологическим факультетом МГУ совместно с Топонимической комиссией МФГО с 7 по 10 апреля 1964 г., съехались представители университетов, педагогических институтов и институтов Академии наук из 17 городов страны. Было прослушано двадцать докладов.

Открывая конференцию, О. С. Ахимова (Москва) подчеркнула, что изучение микропонимии — насущный вопрос, объединяющий науку и практику. Совещание позволит обобщить знания и создаст определенную теоретическую базу для выявления закономерностей топонимической системы в целом.

Выяснение специфики микропонимии, ее места в системе языка, определение особенностей микропонимии различных районов — основные вопросы, поставленные участниками конференции. Невозможно провести неразрывную границу между микропонимией и собственно топонимией. Однако существует ряд признаков хронологического, локального и языкового характера, которые определяют именно микропонимию. Эту мысль, высказанную в докладе Н. В. Подольской (Москва), разделили все присутствующие. Разграничение топонимии и микропонимии определяется также различной ролью в жизни человека объектов, которым дается наименование (А. В. Суперанская, Москва). Для выявления специфических особенностей микропонимии предлагалось, кроме рассмотрения морфологической структуры и семантики названий, исследовать восприятие названий населением (В. Д. Беленькая, Москва).

Рассматривая методику современного топонимического анализа, В. А. Никонов (Москва) в докладе «Научное значение микропонимии» подчеркивал необходимость изучения эволюции «топонимических масс», а не отдельных, единичных явлений. Изучение микропонимии особенно плодотворно, так как обнажает процесс естественного образования собственно топонимии.

В ряде докладов (В. А. Никонов, В. Д. Беленькая) говорилось о положении микропонимии между именами собственными и нарицательными. Микропонимические наименования обычно отражают существующую реальность, в их основе лежат общественные, геоморфологические, естественные термины. Вместе с тем, имеются случаи, когда микрообъекты получают наименования независимо от характера называемого объекта, т. е. воздействуют на человека лишь своим звучанием, являясь указанием на объект. Эта двойственность — наиболее характерная черта микропонимии.

На конференции был впервые введен термин «микропонимия» в докладе

А. В. Суперанской «Микропонимия, макропонимия и их отличие от собственно топонимии», которая считает правомерным введение данного термина, так как макропонимия — это своеобразные, часто искусственно создающиеся надтопонимические названия, появляющиеся в позднейшее время, когда собственно топонимическая система уже сложилась. Особенность макрообъектов, отличающая их от микрообъектов, заключается в ареальности.

Вопрос о необходимости изучения специфики лексического состава микронаименований был поднят в докладе С. А. Копорского (Москва) «Изучение имен улиц и площадей города». Докладчик подчеркнул, что в топонимии, особенно в наименованиях с экспрессивными и эмоциональными оттенками, общественная природа языка проявляется с особой полнотой.

Богатый материал нескольких топонимических экспедиций представила на конференции делегация Уральского университета (Свердловск). Л. Д. Майданова («Топонимические экспедиции Уральского университета в январе — феврале 1964 г.») сообщила, что основная задача топонимистов Свердловска — фронтальный сбор топонимии русского Севера. Подобный сбор проводился рядом экспедиций (последняя в феврале 1964 г.) в бассейнах Суры и Выя, в верховьях Устья, Пинеги, по Двине, Онеге, Мезени. Е. И. Рудных рассказала в своем сообщении о предложенных конструкциях в микропонимии верхнего течения р. Устья. Предложенные конструкции типа *Ушбы* на *Водренье* особенно интересны, так как они показывают начальную стадию оформления топонима, раскрывают естественный процесс образования топонимии. Э. И. Косова посвятила свое сообщение севернорусским микропонимам с суффиксами *-оватик*, *-еватик*, которые распространены как особая словообразовательная модель в Архангельской области.

Микропонимия какого-либо района — это тот конкретный материал, на основании которого можно сделать обобщения и выводы. Поэтому не случайно, что на конференции был представлен ряд региональных докладов. М. К. Рудзите (Рига) рассматривала местные названия с кратким о основой на западе Видземе, что позволило ей прийти к определенным выводам по недостаточно изученному еще вопросу о роли куршей в процессе образования населения Западной Видземе. Е. М. Поселов (Москва), используя материал микропонимии Восточных Карпат, рассказал об участии географической терминологии в названиях. Выделяются названия, образованные простыми географическими терминами, описательные и производные названия. Географические термины, применяющиеся

на этой территории, связаны с терминами, употребляемыми в прилегающих областях. Изучая микропонимию села Березовский рядок, В. П. Строгова (Новгород) заключает, что фронтальное описание наименований одной местности позволяет топонимистам при привлечении исторического материала Писцовых книг и Актов делать выводы не только по лексикологии славянских языков, но также по исторической географии и истории народа. Сопоставление микропонимов и названий, зафиксированных в письменных памятниках, проводилось также в докладе В. И. Тагуновой (Муром) «Некоторые исторические изменения в микропонимии Муромской земли».

Специально изучению древних памятников (граммат, летописей, списков земель) в связи с присутствием в них микронаименований был посвящен доклад Н. В. Подольской «Микропонимия древних памятников письменности». В докладе подчеркивалась трудность анализа топонимического материала памятников, так как не всегда можно определить, является ли действительно топонимом данное название, каков характер называемого объекта и где он находится. Топонимия древних памятников зачастую является единственным источником сведений по вопросам истории языка и страны.

В ряде докладов (С. А. Копорский, Н. В. Подольская) упоминались названия-ориентиры, которые обычно образуются из сочетаний предлогов с именами существительными. Специально этой теме в плане регионального исследования был посвящен доклад Е. М. Артемовича (Минск) «Названия-ориентиры на западе Случчины». Микропонимы этого типа возникали в разное время при непосредственном общении человека с географической средой.

Большой интерес вызвала группа докладов о названиях улиц Москвы: М. Н. Морозовой «Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы», А. М. Даниловой «Названия улиц Москвы из личных имен», З. В. Сугановой «Географические названия Москвы в форме родительного падежа», И. А. Черновой «Топонимы — словосочетания Москвы», Н. С. Лопухиной «Названия улиц Большой Москвы от слов-аббревиатур». В географических названиях Москвы, отразивших многовековую историю города и закономерности русского словопроизводства, был выделен ряд словообразовательных типов. В докладах о Москве впервые научному рассмотрению подверглось такое широко распространенное явление, как переименование и новое наименование различных объектов. Живое обсуждение вызвало вопрос о правомерности названий улиц в форме родительного падежа.

Отдельную тематическую группу пред-

ставили доклады, посвященные микротопонимии англоязычных стран: В. Д. Бельский «Некоторые особенности микротопонимии англоязычных стран»; Е. С. Мирер (Москва) «Названия улиц и кварталов Нового Орлеана»; Т. С. Смирновой (Москва) «Сопоставительный анализ микротопонимии Лондона и Канберры». Данные доклады явились результатом синхронического исследования микротопонимии. При анализе учитывались не только тип и функция наименований, но и восприятие названия населением. Рассматривалось взаимопроизношение и влияние двух планов: функции наименования и его восприятия. В Лондоне и Новом Орлеане многочисленные примеры пересмысления названия. Одним из аспектов изучения микротопонимии англоязычных стран явился анализ эмоциональных оттенков, заложенных в именах. Экспрессивность микротопонимов сохраняется более стойко, чем у наименований другого типа. Особенно плодотворно сопоставление старинных названий Лондона с названиями искусственно созданного молодого города Канберры. Интерес представляет исследование микронаименований, отражающих язык и обычаи туземного населения Америки и Австралии.

Большинство прочитанных на совещании докладов дают науке богатый фактический материал, собранный в экспедициях и найденный в древних памятниках письменности. Сведения в значительной степени позволило систематизировать знания, натолкнуло на новые мысли, дало возможность прийти к определенным выводам по ряду теоретических и терминологических вопросов. При огромном масштабе строительства в нашей стране и связанными с этим массовыми наименованиями объектов изучение закономерностей развития топонимии и микротопонимии, выявление принципов построения названий и разработка рекомендаций — непосредственная обязанность топонимистов нашей страны.

В. Д. Бельская (Москва)

Семинар славистов-востоковедов, присутствующий к работе в 1956 г. при секторе русского языка и литературы Института языка и литературы АН УзССР, собрался 170 раз². В занятиях принимали участие сотрудники Института, преподаватели школ и приезжавшие в Ташкент языковеды. С 1961 г. были прослушаны и обсуждены: сообщения руководителя семинара В. М. Попова «Словарь лингвистических терминов», охватывающий 10 000 статей, «Словарь фонетических

терминов» — 1300 статей, «Справочник тюркизов в русской лексике», обсуждение которого продолжалось на 20 собраниях (1200 слов), «Об отношении В. И. Ленина к русскому языку», «Труды Беллчи», «И. И. Срезневский и его сотрудники» (к 150-летию со дня рождения), «О А. А. Шахматове», «О Бодуэне де Куртене», «Азбука Л. Н. Толстого», «Толстой — редактор произведений других авторов», «И. П. Павлов, по воспоминаниям», «Анализ второй сигнальной системы с позиций Бодуэна де Куртене»; сообщения Г. И. Коляды «О языке Федора Первочепатника»; В. Г. Прокофьева «О сербском произношении»; «О работах Н. М. Дылевского», «О Славянском сборнике Самаркандского университета», «О фонетике нижневардарского говора» и др.; П. А. Данилова «О Ф. Ф. Фортунатове», «О Ломоносове-филологе», «О языке рукописных материалов ТашГУ», «Русские грамматики первой четверти XIX в.» и др.; З. Шеломенцевой «О языке Остромирова Евангелия»; Ким Ле Чуна «О переводах Чехова в Японии и Китае»; З. Умарбековой «Переводы Т. Шевченко на узбекский язык»; Г. Юлдашевой «Знаковая теория Соссюра».

Решением Президиума АН УзССР сектор русского языка и литературы Института языка и литературы АН УзССР реорганизуется. Остается сектор переводов и сектор русской литературы. В связи с этим работа семинара славистов-востоковедов на 170-м собрании прекращается.

В. М. Попов (Ташкент)

Лингвистический институт, созданный по инициативе Р. Дж. Кента и Э. Стереванта в 1926 г. (формально он был образован и получил свое название только через год), представляет собой не научно-исследовательское учреждение, а нечто вроде ежегодных курсов повышения квалификации лингвистов, которые организуются Американским лингвистическим обществом и руководством того университета, где в данном году проводятся занятия, место занятий меняется от года к году; В текущем 1964 г. Лингвистический институт собирается в Университете штата Индиана (г. Блумингтон). Руководить его работой будет директорат во главе с известным американским лингвистом Т. А. Себеком.

Лингвистический институт функционирует ежегодно, причем число читаемых курсов и отдельных лекций и число участников постоянно растет. В качестве лекторов приглашаются не только крупнейшие американские, но и иностранные ученые: так, в работе Лингвистического института участвовали (в разное время)

² См. хроникальные заметки о семинарах (ВЯ, 1960, 1 и 6).

Ж. Марузо, М. Эмено, Дж. Р. Фёрс, А. В. де Гроот, А. Мак-Интош, Э. Бенвенист, А. Соммерфельт и др. Обучение в Институте платное (от платы освобождаются и считаются гостями Института только те из слушателей, кто имеет ученую степень доктора филологии).

В 1964 г. Лингвистический институт включает 73 лекционных курса и семинара, распределенные на шесть групп.

К первой группе относятся вводные курсы. В их числе два параллельных, но не тождественных курса по введению в языковедение, «Акустическая фонетика» (Б. Мадльберг), «Фонология» (Себеок), «Морфемика» (Э. Станкевич), «Синтаксис» (Ф. Хаузхолдер) и др.

Вторая группа охватывает вопросы теории. Это прежде всего цикл «Достижения языковедения», читаемый крупнейшими языковедами США — Н. Хомским, Дж. Гринбергом, М. Хаас, Ч. Хоккетом, Я. Малкелем, К. Л. Пайком и У. Вайнрайхом. Сюда входят также обзоры воззрений Пражской (И. Вахек) и Лондонской (М. Холлидей) школ и ряд других курсов, из которых упомянем два: «Генеративная фонология» (П. Постал) и «Диакроническая семантика» (Р. Уэллс).

Третья группа — анализ отдельных языков. Читается, между прочим, курс истории русского литературного языка (Ф. Ойнас; он же читает старославянский язык). Интересно, что целый ряд курсов, входящих в эту группу, посвящен диакроническому или историческому рассмотрению того или иного языка (албанского, испанского, китайского); из индейских языков читается только нахуатль.

Четвертая группа посвящена сравнительно-исторической и типологической проблематике. Здесь упомянем «Строй и историю скандинавских языков» Е. Хаугена, «Славянскую морфофонику» Э. Станкевича, «Синтаксис южнославянских языков» и «Фонологическую типологию славянских языков» М. Ивич, «Сравнительный обзор группы тая» Ф. Ли и общий курс лингвистической типологии, читаемый У. Вёгдином.

Пятая группа — это курсы и семинары,

посвященные соотношению языковедения и других наук, а также прикладным вопросам. Из числа курсов этой группы следует отметить «Язык и общество» Дж. Гумперда, «Язык и биологию» Т. Себеока и «Графематику» И. Вахка.

Факультативные курсы и семинары, часы для которых еще не определены, объединены в шестую группу. Назовем из их числа «Русский язык для лингвистов», семинар по социолингвистике и семинар по психолингвистике.

Наряду с этими курсами и семинарами читаются и специальные публичные лекции. Это, в частности, три лекции Р. Якобсона о грамматике и поэзии, лекция К. Л. Пайка о языке жестов и «коллицевская лекция» (торжественный акт, посвященный памяти Г. Коллица) Э. Станкевича на тему «Славянская морфофонемика в ее типологическом и диахроническом аспектах».

Параллельно с занятиями будут проходить симпозиумы, созываемые Американским лингвистическим обществом, и другие мероприятия (общее собрание общества, собрание его исполнительного комитета и т. д.). Из числа симпозиумов 1964 г. назовем: «Роль языка в обучении», симпозиум по межамериканской программе работ в области языковедения и обучения языкам, симпозиум по классификации индейских языков. Предполагается образовать ассоциацию по машинному переводу и математическому (вернее «электронному» — computational) языковедению. Таким образом, программа Лингвистического института 1964 г. обещает быть богатой и интересной.

Обращает на себя внимание, что в 1964 г., наряду с учеными из капиталистических стран: Г. Капель (Франция); М. Холлидей (Англия); С. Вёрм (Австралия); Б. Мальберг (Швеция), для чтения лекций и ведения семинаров впервые приглашены и лингвисты из социалистических стран — И. Вахек (Чехословакия), М. Ивич и П. Ивич (Югославия).

А. А. Леонтьев (Москва)

CONTENTS

Articles: V. M. Zirmunskij (Leningrad). Rhythmic-syntactical parallelism as basis of Old Turkic epical folk-verse; A. A. Zalizniak (Moscow). On the grammatical categories of gender and animateness in modern Russian; **Discussions:** J. Greenberg (Stanford, USA). Some generalizations concerning initial and final consonant sequences; V. V. Kolesov (Leningrad): Some peculiarities of the phonological model developing «akanje»; **Materials and notes:** O. N. Seliverstova (Moscow). An experiment of semantic analysis of words of the type *все* and *кто-нибудь*; N. L. Kamenetzkaite (Vilnius). On the nature of synonymy of fixed verbal word-groups; G. E. Kornilov (Ceboksary). The corpus of phonemes and their allophones in the dialect system of the Cuvash language; V. V. Sevoroškin (Moscow). New results obtained in the analysis of the Karian inscriptions; **Applied and mathematical linguistics:** Y. I. Levin (Moscow). On the description of a system of linguistic objects with common properties; **Critics and bibliography;** **Letter to the editorial office:** V. I. Georgiev (Sofia). The all-Slavonic importance of the «akanje»-problem; **Scientific life:** P. S. Kouznetzov (Moscow). 400 years of Russian book-printing; N. I. Tolstoj (Moscow). The history of Old Slavonic literary language at the V International Congress of slavists.

SOMMAIRE

Articles: V. M. Zirmunskij (Leningrad). Parallelisme rythmique et syntaxique comme base du vers épique populaire en vieux-turque; A. A. Zalizniak (Moscou). Sur les catégories grammaticales de genre et d'animation en russe moderne; **Discussions:** J. Greenberg (Stanford, EUA). Quelques généralizations à propos de séquences initiales et finales des phonèmes consonantiques; V. V. Kolesov (Leningrad). Quelques particularités du modèle phonologique développant l'«akanje»; **Matériaux et notices:** O. N. Seliverstova (Moscou). Essai d'analyse sémantique des mots du type *все* et *кто-нибудь*; N. L. Kamenetzkaite (Vilnius). Sur la nature de synonymie des combinaisons verbales fixes; G. E. Korvilo (Ceboksary). L'inventaire des phonèmes et leurs allophones dans le système des dialectes čuvaches; V. V. Sevoroškin (Moscou). Résultats nouveaux acquis par l'analyse des inscriptions cariennes; **Linguistique appliquée et mathématique:** Y. I. Levin (Moscou). Description d'un système d'objets linguistiques avec propriétés communes; **Lettre à la rédaction:** V. I. Georgiev (Sofia). L'importance slavistique du problème; d'«akanje»; **Vie scientifique:** P. S. Kouznetzov (Moscou). 400 ans d'imprimerie russe; N. I. Tolstoj (Moscou). L'histoire de la langue littéraire vieux-slave au V Congrès International des slavistes.

T-09754 Подписано к печати 9/VII 1954 г.

Тираж 5335 экз.

Зак. 663

Формат бумаги 70×108^{1/16}.

Печ. л. 5^{1/4}

Бум. л. 14.7.

Уч.-изд. листов 16,1

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, в совершенно готовом для печати виде, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала.

После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 25 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи. Редакция заинтересована в получении кратких сообщений и заметок по конкретной тематике объемом до 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносках) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значение их — в кавычках.

6. **Непринятые рукописи, как правило, авторам не возвращаются.**

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*О. С. Азманова, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), П. С. Кузнецов, Э. А. Макаев,
М. В. Панов, В. З. Панфилов, И. И. Ревзин, Ю. В. Рождественский,
Б. А. Серебrenников, Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), О. Н. Трубачев*